

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 24 / 2017

Журнал издаётся совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

Почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н.;

Мигушенко О.Н., д.ю.н., профессор;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н.;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Анатомия закона: исторические этюды

Исаев И.А. «Индивидуальный закон»:

рождение понятия 3

Ткаченко С.В. Рецепция и имплементация в теории права: к проблеме содержательного разграничения 9

Из истории российского следствия

Бабкова Г.О. «Осторожно в пытках поступать»: предложения по реформированию следствия и уголовного процесса в законопроектах 1720-х гг. 14

Серов Д.О. Наказ от 9 декабря 1717 г. — нормативная основа деятельности «майорских» следственных канцелярий 20

Кошелева О.Е. Убийство поручика Ланского: перипетии судебного следствия (1722–1725 гг.) 26

Бородин Е.В. Рассмотрение уголовных дел в органах правосудия Урала в 1720-х — начале 1730-х гг. 33

Пантелеев В.О. Проекты создания единого следственного органа в советской и постсоветской России (1957–2002 гг.) 39

Носенок Е.И. История использования специальных знаний при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов 45

Аспекты правовой политики

Санкина Н.Н. Общественный контроль в революциях 1917 г.: опыт и уроки 49

Ившин М.С. Правовые аспекты концессии в теории и практике в годы нэпа 55

Дадашев М.Б. оглы. Совершеннолетие в мусульманском праве: историко-правовой аспект 61

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Номер подписан в печать 22.11.2017.

Номер вышел в свет 28.12.2017.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Роспечать — 47643;

Каталог российской прессы — 10866;

Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 24 / 2017

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl № ФЧ77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;
Migushchenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,
doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Anatomy of the law: historical essays

Isaev I.A. "Individual Law": Origination of the Notion..... 3
Tkachenko S.V. Reception and Implementation
in the Law Theory: on the Content Demarcation Issue..... 9

From the history of the Russian investigation

Babkova G.O. "To Be Cautious in Tortures":
Attempts to Reformat the Investigation
and the Criminal Procedure in Bills of the 1720s..... 14
Serov D.O. The Order of December 9, 1717 –
the Statutory Basis of Activities
of the Major Investigative Offices..... 20
Kosheleva O.E. The Murder of Lieutenant Lanskoj:
Twists of the Judicial Investigation (1722 to 1725)..... 26
Borodina E.V. Criminal Case Review
by the Ural Justice Authorities in the 1720s
to Early 1730s 33
Panteleev V.O. Projects of Establishment
of a Single Investigative Authority in the Soviet
and Post-Soviet Russia (1957 to 2002)..... 39
Nosenok E.I. The History of Special Knowledge
Application in Exercising of Prosecutorial
Supervision over Execution of Laws..... 45

Legal policy aspects

Sankina N.N. Public Control in the Revolutions of 1917:
Experience and Lessons..... 49
Ivshin M.S. Legal Theoretical and Practical Aspects
of Concessions in the Years of the New Economic Policy..... 55
Dadashev M.B. Lawful Age in the Islamic Law:
the Historical and Legal Aspect..... 61

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 5,0.
Conventional printed sheet 5,0.
Passed for printing 22.11.2017.
Issue was published 28.12.2017.

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

DOI:10.18572/1812-3805-2017-24-3-9

«Индивидуальный закон»: рождение понятия

*Исаев Игорь Андреевич,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igp@yandex.ru*

В статье исследуется один из важнейших аспектов суверенитета — соотношение общего закона, устанавливающего границы суверенности властителя, и «индивидуального закона» в форме указа, приказа, решения и т.п., в котором концентрируется властная воля суверена. Взаимодействие права и властного насилия формирует среду учредительного «справедливого» насилия, в которую суверен включен и за пределы которой его деятельность не выходит. Право нормализует окружающую жизнь, создавая сферу действия для своих норм. Отдельные ситуации перекрываются общим законом, при этом исключение опровергается, что только подтверждает общее правило. То, что стремится к всеохватности, в иных случаях сосредоточивается на единственном объекте, где сходятся реальность существования и должностования.

Ключевые слова: легитимность, суверенитет, закон, справедливость, исключение, нормирование, нормативность, императив, власть, исключение, правонарушение.

“Individual Law”: Origination of the Notion

*Isaev Igor A.
Honored Scientist of the Russian Federation
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Doctor of Law
Professor*

The article reviews one of the most important sovereignty aspects, the correlation between the general law establishing the borders of the ruler's sovereignty and the “individual law” in the form of an instruction, order, resolution, etc., where the sovereign's imperious will is concentrated. The interaction between the law and the imperious violence forms an environment of statutory “fair” violence; a sovereign is included in such environment and his activity goes beyond the scope of this environment. The law normalizes the surrounding life creating a scope of application of its provisions. Separate situations are covered by the general law; the exceptions only confirm the general rule. What aims at inclusivity, in other cases focuses on a single object where the reality of existence and obligation coincide.

Key words: legitimacy, sovereignty, law, fairness, exception, rule-making, standardization, imperative, authority, exception, violation of law.

По мнению Боссюэ, законотворчество вовсе не было более важной прерогативой суверена, чем другие прерогативы (в военной сфере, судебной и пр.): концепция сбалансированной конституции уже предполагала наличие гармонии между сувереном и подданными. Такая гармония в государстве, как политическом организме, по аналогии отражала гармонию, царившую в микрокосме и макрокосме (среди небесных тел и музыки сфер). Большинство политических режимов основывались на теории, отдававшей должное и верховной власти короля, и правам народа. Абсолютная и ограниченная (смешанная) власти не являлись альтернативой друг другу, они представляли собой

лишь две стороны одной и той же политической системы.

Хотя теоретически законодательная власть и была неделимой и принадлежала государству, в процессе реальной организации управления она разделялась и распределялась самыми различными способами и по разным направлениям. Монарх вполне мог править, используя поочередно или одновременно аристократические и представительные формы и элементы; сам же монарх обладал сразу двумя видами власти: той, которую он делал с парламентом, и той, которая принадлежала только ему, — в первом случае он принимал законы и устанавливал налоги, во втором — пользовался

традиционными королевскими прерогативами¹.

Средневековое законодательство по своей форме сводилось преимущественно к подтверждению уже реально существующих в обществе обычаев. Публичная власть имела рассредоточенный характер и смешение правительственных функций, что как вполне нормальное состояние сохранялось вплоть до XVIII в. Но уже более ранняя рецепция римского права, проведенная в конце XIV в., поспособствовала пересмотру подобного отношения к закону, и древнее утверждение Ульпиана о том, что «решение государя имеет силу закона в той степени, в какой особым указом, касающимся его правления, народ сообщил ему и возложил на него полноту управления и власти», сделалось базовым правовым принципом нарождающегося абсолютизма. Постепенно формировалось представление о том, что внутри общества, в народе или персоне государя была заключена верховная воля, т.е. сама сущность государственности, а законотворчество есть не более чем внешнее выражение государственной власти. Верховная власть внутри государства уже не должна была подчиняться более высокой власти вне рамок его *imperium*²: именно с XVIII в. короли, бывшие до этого вассальными подданными папы и императора, смогли претендовать на *imperium*, или имперскую власть, делавшую их политически равными императору, который никому, кроме Бога, не подчинялся.

Осознание того, что закон может быть предписан и санкционирован самим законодателем, а не только бережно сохранен в обычае и традиции, было связано, безусловно, с дальнейшим развитием абсолютистских идеологий и тенденций: еще у Бодена наметилось серьезное противоречие, которое заключалось в том предположении, что, поскольку суверен творит закон самостоятельно, сам он вовсе не обязан его исполнять, ведь по логике верховная власть не может подчиняться сама себе, а суверен подчинен только законам Бога и природы. Но утверждая это, Боден все же наделяет суверена необходимой законодательной властью и при этом подчеркивает: если эта власть не подлежит разделению, значит и реализуется она без чьего-то одобрения³, т.е. суверенно.

Когда представителям суверена приходится разрешать проблему власти и права, они приступают к этому начиная с весьма ри-

туализованного действия, подчиненного самым жестким правилам — расследования. В рамках разыскного процесса представитель власти созывал людей, «присяжных», признанных ведающими нравами, право и имущественные права. Это был специфический, но вполне рациональный способ установления истины, полностью подчиненный технике административного управления. И по сути позднее средневековое европейское расследование представляло собой настоящий, пусть специфический, процесс управления, метод администрирования, особый способ осуществления власти. Внедрение в судебную практику технологии «расследования», заменившего собой приемы и категории, связанные с «ущербом» и «оскорблением», которые были главными мотивациями состязательного судопроизводства, означало появление также нового понятия «правонарушение». Объектом покушения теперь становились государство, закон и сама власть: «ущемление суверена и совершение греха здесь представляются смыкающимися действиями»⁴. («Расследование» — это, по сути, настоящая политическая форма, форма управления, осуществление власти, ставшая способом верификации истины, усвоение того, что будет считаться истинным, а также способом передачи истинного: «расследование» есть форма «знания — власти») (Мишель Фуко).

Состязательность исчезала, когда одной из сторон в процессе оказывалось государство. Усиление публичного элемента и его экспансии в частно-правовую сферу означали укрепление суверенитета как правового режима. Для абсолютизма весьма характерным было вмешательство и регламентирование максимально большого числа частных отношений и связей. Власть в лице законодателя (и в еще большей степени в лице администратора) вторгалась в сферу частной жизни, демонстрируя свою отдаленность и приоритетность по отношению к обществу. Суверенный законодатель приватизировал территорию существования права.

Но даже самым могущественным монархам всегда требовались дееспособные парламенты и адекватные сословные представительства. Даже Людовик XIV отнюдь не претендовал на исключительное право издавать законы по собственному желанию без консультаций с каким-либо высоким органом власти. Его прерогатива состояла в праве инициировать законодательство, и королевские юристы хорошо это понимали: «законы

¹ Хеншелл Н. Миф абсолютизма. СПб., 2003. С. 146–148.

² Там же. С. 142–143.

³ Там же. С. 146.

⁴ Фуко М. Истина и правовое установление // Интеллектуалы и власть. М., 2005. Ч. 2. С. 96–97.

не имеют силы, не став публичными». Критически анализируя королевские законы и подтверждая их соответствие действующему праву, юристы тем самым ограничивали монархию и регулировали ее действия. «Смыслом и отличительной характеристикой монархии была не передача власти по наследству (королей могли ведь и избирать), а контроль над политикой, осуществляемый одним человеком... Все прочие виды монархии не были достойны этого названия. Выражение “король правит сам” было одним из многих девизов Людовика XIV»⁵.

Сословные же представительства являли собой республиканский компонент монархической системы: «Подданные верят, что прерогативу суверена следует считать по меньшей мере священной и неприкосновенной... хотя бы потому, что без должного разделения власти он не сумеет их защитить» (Дж. Свифт).

Фактором напряженности становилось досадное противоречие между предполагаемой правотой и объективной законностью, — и некогда Эрнст Готский высказался по этому поводу: «Хороший монарх не то считает правым, что законно, а то законным, что справедливо» (Эрнст Юнгер). И парадокс суверенной власти обусловлен тем, что «суверен в одно и то же время находится и внутри, и за пределами правовой системы: обладая законной властью, он может приостанавливать действие закона, тем самым ставя себя самого вне закона, а суверенное решение о чрезвычайном положении как раз и является той первоначальной политико-правовой структурой, «лишь начиная с которой, то, что включено в порядок, и то, что исключено из него, приобретает свой смысл». Чрезвычайное положение в своей архетипической форме является первоисточником любой правовой локализации, поскольку открывает пространство, в котором установление некоего порядка и определенной территории впервые становится возможным»⁶.

У греков номос в качестве территориального порядка удачно соединял в себе справедливость и насилие, а суверен (у Пиндара, например) тем самым превращался в точку неразличения насилия и права, само же право легко обращалось в насилие. Романтики с симпатией поддерживали такое мнение: у Гельдерлина номос в своем первоначальном смысле становится «чистой неопределенностью законной силы», не опосредованной никаким законом, историческим событием или

актом законности, которая только и придает некоторую осмысленность действительности нового закона. Суверенное исключение в такой трактовке оформляется как зона неразличимости между природой и правом, становится парадоксальным допущением правового отношения в негативной форме его приостановки: в каждую норму, которая что-либо предписывает или запрещает, вписывается в качестве предполагаемого исключения «чистая и не подпадающая под санкции фигура конкретного случая, которая в самой же норме разрешает ее нарушение»⁷.

Это происходит потому, что норма нуждается в усредненной, «нормальной», однородной ситуации. Не существует норм, применимых к хаосу: сначала должен быть установлен соответствующий порядок, и только тогда правовая система будет иметь смысл. Каждое право является правом, применимым к ситуации, суверен же создает и гарантирует такую ситуацию, как целое в ее полноте, сам обладая монополией последнего решения: в этом и заключена сущность государственной суверенной власти. (Нормы не перестают быть нормами, «даже если у нас есть все основания отвергать их», нормы и ценности необходимы, поскольку они служат своего рода «картой, по которой мы определяем местоположение самих себя, свои желания и потребности. Лишившись норм, мы потеряем способность действовать. По нормам мы моделируем свои действия и их последствия, они делают действия предсказуемыми» (Карл Шмитт). Именно внешнее поведение, а не субъективные убеждения и мнения, оказывается здесь решающим. Статуты, инструкции и законы не служат правилами поведения граждан, скорее они определяют набор тем парадигм или метафор, задающих рамки для социального действия.)

Эффективная регламентация какого-либо действия законом обусловлена тем, что содержание этого действия соответствует отвлеченному понятию, общую ценность которого и устанавливает данный закон, — в противном случае действие потонуло бы в непрерывно развивающихся событиях и фактах и не дало бы возможности закону уверенно применяться к нему: только посредством понятия и устанавливается некое смысловое образование, относящееся к категории всеобщего, форма, законодательная для бесчисленных казусов и содержаний. (Так, у Канта категорический императив обладает, кроме логической структуры закона природы, еще и структурой правового положения: закон извне предъявляет индивиду свое «объективно

⁵ Хеншелл Н. Указ. соч. С. 195.

⁶ Агамбен Д.ж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. С. 28.

⁷ Там же. С. 30.

частичное требование» при в общем-то принципиальном равнодушии к целостности этого субъекта, и вопрос о применимости к целому даже и не ставится, что создает безграничную возможность неприменимости. «Закон не имеет ни принципиальной адекватности к отдельному случаю, свойственной закону природы, ни абсолютного противопоставления, как в исходящем от человека приказе. Здесь противопоставление означает более глубокую связь, и возникает серьезная проблема применимости: если закон неприменим, то он и незначим»⁸.)

Право имеет нормативный характер, является нормой в широком смысле вовсе не потому, что оно предписывает и приказывает, а потому, что оно должно в первую очередь создать сферу собственного отношения к реальной жизни, т.е. нормализовать ее: «факт включается в правовой порядок, посредством парадоксального его исключения, и нарушение, кажется, предшествует дозволенному случаю и определяет его», насилие же выступает здесь как исконный юридический факт.

«Жизнь, которая таким образом оказывается включенной в сферу права и связанной должествованием», может стать таковой только посредством собственного «включающего исключения». «Это и есть парадоксальная фигура — предел жизни, граница, на которой жизнь является одновременно внутри и вне правового порядка, и этот порог является местом расположения суверенной власти»⁹. («Сквозь наилучшую систему права вновь и вновь проглядывают столь грубые факты, как классовые привилегии, злоупотребление властью, произвол и неравенство: за юридическими фикциями свободного товарообмена, свободного трудового договора... повсюду видно неравенство во власти и шантаж»¹⁰.)

Еще Джамбаттиста Вико заметил ценностное превосходство исключения, как «последней конфигурации фактов», над систематизированным позитивным правом. Приостановленная действительность позитивного права во время чрезвычайного положения позволяет определить «нормальный» строй как область собственного действия, исключение же тем самым поддерживает отношения с нормой, но уже в негативной форме прекращения ее действия, — «норма применяется к исключению в акте, приостанавливающем ее применение, в изъятии из оборота самой нормы». При этом чрезвычайное положение вовсе не является каким-то хаосом,

предшествующим установлению порядка, но ситуацией, которая становится результатом только временного прекращения порядка. Исключение — это не уклонение от правила, здесь правило, временно прекращая свои действия, уступает место исключению, делая это правилом.

Особая сила закона заключена в его способности поддерживать отношение с «внешним»: общество пытается заключить это «внешнее» в себя, т.е. конституировать его как «внутреннее», имеющее этот двусмысленный статус ожидания или исключения (Бланшо). И тогда между фактической и правовой ситуациями устанавливается порог неразличимости. Карл Шмитт в этой связи подчеркивал: «Так как не существует нормы, которая могла бы быть применима к хаосу, хаос должен быть сначала включен в порядок посредством создания зоны неразличимости между внешним и внутренним, между хаосом и нормальной ситуацией».

Действенность правовой нормы никак не совпадает с ее стремлением и способностью быть применимой к индивидуальному случаю, а норма, именно потому что она является всеобщей, старается быть действительной, независимо от индивидуального случая. Норма может относиться к индивидуальному случаю только потому, что в суверенном исключении сама она обладает действительностью, как чистая возможность, открывшаяся в момент приостановки любого актуального отношения¹¹.

Закон имеет настоящее значение только для суверена, поскольку тот является единственным исключением, но не выходит из сферы права, это — закон, который «имеет значение, но не смысл». (Ф. Анкерсмит) (Кафка описал эту ситуацию как «необходимое» изучение и знание, но не исполнение закона.) Закон не в состоянии оторваться от суверена, который его сам же для себя устанавливает, однако исключительно с целью подчинять себе других при его посредстве, и это есть точка неразличимости доправового насилия и права. Известная притча Франца Кафки о законе демонстрирует «чистую» форму закона, когда тот достигает своей максимальной способности к принуждению, сам же ничего не предписывает и является просто чистым запретом. В соответствии со схемой «чистого исключения», закон применяется к ожидающему у ворот крестьянину и, не применяясь, держит того под запретом, оставляя его за своими пределами; не предписывает ничего, кроме необходимости его раскрыть: такая действительность без значения и выражает

⁸ Зиммель Г. Созерцание жизни // Избранное. Т. 2. М., 1996. С. 150.

⁹ Агамбен Дж. Указ. соч. С. 38.

¹⁰ Слотердайк П. Критика цинического разума. С. 272.

¹¹ Агамбен Дж. Указ. соч. С. 27–29.

самую суть отверженности, — закон действует, но не означает. (Так и у Канта чистая воля, т.е. воля, только детерминированная формой закона, не является ни свободной, ни несвободной¹².) Чем меньше в законе содержания, тем беззащитнее жизнь перед его всепроникающей силой, когда каждый случайный жест может иметь фатальные последствия и суверен понимает это лучше, чем кто-либо другой: для того чтобы стоящий над действием закона мог требовать от него нравственного значения, он сам должен происходить «только из проходящей как должное жизни индивида в ее единстве или, точнее, быть мгновенным ее формированием. Индивидуальный закон — не что иное, как открывающаяся в качестве долженствования «тотальность или центральность» самой жизни»¹³.

Субъект, преданный абсолютному закону, он же — изгнанный, отвергается любой другой юрисдикцией: «Суверенность в действительности и есть этот самый закон “за пределами закона, которому мы вручены”, т.е. это власть номоса, полагающая сама себя, и лишь при условии, если нам удастся освободить отверженное бытие от самой идеи закона (пусть даже в его пустой форме действительности без значения), можно будет сказать, что парадокс суверенной власти остался позади и что мы движемся в направлении политики, не знающей запрета или отвержения. Чистая форма закона — это всего лишь пустая форма отношения, но пустая форма отношения — это уже не закон, а скорее зона неразличимости между законом и жизнью»¹⁴. (Человек перемещается по жизни словно в раковине, образованной всякий раз «особенной субординацией... еще не оформленных как вещи и блага ценностей и ценностных качеств. Через окна этой раковины он воспринимает мир и себя самого» (Макс Шелер)).

Георг Зиммель ввел в обращение это противоречивое словосочетание — «индивидуальный закон». То, что всегда стремится к всеохватности и всеобщности, должно было сосредоточиться на единственном объекте, точке, в которой сходится реальность существования и долженствования, как императив, бытие и воля. Это и есть место пребывания метафизического суверенитета. Долженствование — такая же реальность, как и «голая жизнь», и в действительности противостоят друг другу не жизнь и долженствование, а действительность жизни и ее долженствование. Долженствование так же не имеет цели, как действительность вообще не

имеет причины: мир долженствования есть мир требуемого, требуемости, которая обладает объективной значимостью.

Жизнь непрерывно создает нечто, на чем она сама ломается и что ее насилует, нечто, являющееся для нее необходимой собственной формой и тем самым малым противоречием динамике жизни, ее неспособности остановиться: «таковы закон и право, наследуемые как вечная болезнь, т.к. при дальнейшем развитии жизни, для которой они вначале были разумом и благодеянием, они становятся бессмысленностью и мукой». Эта общая судьба образований, норм и принципов, при посредстве которых жизнь всегда утверждала себя как долженствование, и должное есть автономное образование, коренящееся в той же глубине, что и действительность¹⁵. Формы, созданные жизнью, имеют «упроченные собственной внутренней логикой надвигательный смысл и состояние, и их притязанию на установление норм жизни сопротивляется именно сама эта жизнь, как долженствование с ее безграничной дифференцированностью...» (Георг Зиммель).

Закон или статут, с этой точки зрения, есть только парадигма или метафора, и законодательство не должно иметь целью воплощение неких априорных принципов справедливости, а должно принимать во внимание, «сколько пространства оставляет оно чиновнику и гражданину», с тем чтобы каждый из них сказал бы то, что можно сказать разумного, поэтому именно метафора и становится нормативным выбором для законодателя (Джеймс Уайт)¹⁶. Ведь и в «Левифане» в единстве объединяются не отдельные субъекты, а только их точки зрения: аргумент Гоббса заключался в введении единой точки зрения, оставляющей эгоизм и агрессивность без каких-либо изменений, но которая, однако, все же преобразует исходный социальный хаос в хорошо упорядоченное социальное образование. (М. Фуко находит этому некоторые культурные параллели, соединяющие метафизику и юриспруденцию: «Алхимия — это знание, имеющее своей моделью дознание». Речь идет не о расследовании с прагматической целью выявления истины, речь идет о противостоянии двух сил: силы алхимика, искателя, и силы природы, скрывающей свои секреты; силы тьмы и силы света, добра и зла. Алхимия есть натуралистическая форма дознания. Алхимическое знание представлялось путем тайных или явных правил испол-

¹² Агамбен Дж. Указ. соч. С. 70–71.

¹³ Зиммель Г. Указ. соч. С. 147–149.

¹⁴ Агамбен Дж. Указ. соч. С. 80–81.

¹⁵ См.: Зиммель Г. Указ. соч. С. 117.

¹⁶ Цит. по: Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М., 2014. С. 300.

нения процедур: «алхимия образует по сути свод правовых правил и процедур»¹⁷.) Но и ложное срастание индивидуальности с субъективностью должно быть так же устранено, как и предвзятое срастание общности с законностью: «индивидуальный закон» столь же далек от субъективизма и анархии, как и притязающий на это общий закон, выведенный из понятийного основания права. Факторы правового поведения — импульсы и максимы — внутренние движения и ощущаемые последствия — фигурируют в качестве объективных элементов, представляющих фактическое содержание, из которых логически следует отношение к высшей обязательной норме (у Кельзена — «базовой норме»).

Но набор конституционных правил, одинаковых для всех участников (парламентского) политического спора, часто используется ими для того, чтобы еще больше удалиться от того, что они еще могут признавать политической истиной. Этот спор вовсе не движется по направлению к истине, но, напротив, уводит от истины: ведь конституционные правила публично наблюдаемого поведения позволяют политикам достигать компромисса, даже если нет почти ничего, на чем они могли бы сойтись, не дискредитируя понятие политической истины¹⁸. Потому, что истина и убеждение не играют никакой особенной роли в области публичного поведения: их область — это внутреннее политическое убеждение, и только там они определяют все. (Демократия, по мнению Токвиля, приватизирует области, бывшие при аристократии публичными. Мнение становится чем-то, что можно изменить, поменять, разрушить или взрастить, тогда как при аристократии отдельный человек не мог так свободно распорядиться мнением, поскольку оно действительно находилось в общественной

собственности. Философия «естественного права» демонстративно выступает в этой новой политической ситуации «извращенным превознесением частного над публичным».) Так, «добрая воля», например, не нуждается в формальном обязательстве, налагаемом законом, в качестве таковой она ничего не знает о нем, ибо исконно добра, «жизнь протекает как бы в индифферентности формы ее действительности и формы ее долженствования». И только путем рефлексии мы превращаем момент долженствования в ряд содержаний, в твердо очерченное и обозначенное, как закон, образование. Как замечает Георг Зиммель, «наши действия всегда требуют законности, но не всегда законов», подобно тому как суверенность еще не означает наличия суверенитета.

Тете говорил, что осязательным образом в «явлениях встречаются лишь исключения из них». И здесь речь идет не о единственности, а о своеобразии, о «росте из собственного корня» — но это и есть основание для «индивидуального закона». «Там, где индивидуальность и закон противостоят друг другу, индивид всегда может сказать: закон мне не подходит, это не мой закон. Однако возможный здесь произвол исключает именно «индивидуальный закон»; а он полностью основан на том предположении, что индивидуальность не есть просто субъективность или произвол: и если действительность — одна форма, в которой живет индивидуальность, обладает объективностью, то и другая ее форма, долженствование, также обладает ею в не меньшей степени»¹⁹. Индивидуальным может быть только действительное, а не идеально-нормативное, законным же только общее, а не индивидуальное. На этом пути, как кажется, и осуществляется связь индивидуальности и законности. И здесь же встречаются, не сливаясь, суверенность и суверенитет.

¹⁷ Фуко М. Истина и правовые установления // Интеллектуалы и власть. С. 99.

¹⁸ Зиммель Г. Указ. соч. С. 171.

¹⁹ Там же. С. 127, 176, 183.

Литература

1. Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен. М.: Европа, 2011. 256 с.
2. Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности / Ф. Анкерсмит. М.: Высшая школа экономики (ВШЭ), 2014. 431 с.
3. Зиммель Г. Избранное. Т. 2: Созерцание жизни / Г. Зиммель. М.: Юристъ, 1996. 608 с.
4. Слотердайк П. Критика цинического разума / П. Слотердайк; пер. с нем. А.В. Перцева. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. 584 с.
5. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 2 / М. Фуко; пер. с фр. И. Окуневой; под общ. ред. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2005. 320 с.
6. Хеншелл Н. Миф абсолютизма / Н. Хеншелл. СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.

References

1. Agamben G. Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn' [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life] / G. Agamben. Moskva: Evropa — Moscow: Europe, 2011. 256 s.

2. Ankersmit F. Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i tsennosti [Aesthetic Politics. Political Philosophy beyond Fact and Value] / F. Ankersmit. Moskva : Vysshaya shkola ekonomiki (VSHE) — Moscow : Higher School of Economics (HSE), 2014. 431 s.
3. Simmel G. Izbrannoe. T. 2: Sozertsanie zhizni [Selected Works] / G. Simmel. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 1996. 608 s.
4. Sloterdijk P. Kritika tsinicheskogo razuma [Critique of Cynical Reason] / P. Sloterdijk ; translated from German by A.V. Pertsev. Ekaterinburg : Izd-vo Ural'skogo un-ta — Ekaterinburg : Publishing house of the Ural University, 2001. 584 s.
5. Foucault M. Intellektual'ny i vlast' : Izbranny'e politicheskie stat'i, vy'stupleniya i interv'yuu. Ch. 2 [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews] / M. Foucault ; translated from French by I. Okuneva ; under the general editorship of B.M. Skuratov. Moskva : Praksis — Moscow : Praxis, 2005. 320 s.
6. Henshall N. Mif absolyutizma [The Myth of Absolutism] / N. Henshall. Sankt-Peterburg : Aleteya — Saint Petersburg : Aleteya, 2003. 272 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2017-24-9-13

Рецепция и имплементация в теории права: к проблеме содержательного разграничения

Ткаченко Сергей Витальевич,
доцент кафедры «Социальные технологии и право»
Самарского государственного университета путей сообщения,
кандидат юридических наук
rektor2@rambler.ru

Одной из актуальных проблем теории права является попытка обособления имплементации права от рецепции. При этом происходит упрощение процессов как рецепции, так и имплементации, наделение их несвойственными чертами. При рассмотрении содержания имплементации очевидно, что она порождается теми же процессами, что и рецепция права. Противоречия между рецепцией и имплементацией будут преодолены при рассмотрении имплементации как составляющей процесса рецепции права.

Ключевые слова: имплементация права, рецепция права, суверенитет, международное право, Украина, Европейский союз.

Reception and Implementation in the Law Theory: on the Content Demarcation Issue

Tkachenko Sergey V.
Assistant Professor of the Department of Social Technologies
and Law of the Samara State University of Railway Transport
Candidate of Legal Sciences

One of the urgent problems of theory of law is the attempt of separation of the implementation of the right from the reception. Thus there is a simplification of the processes of reception and implementation, giving them unusual features. When considering the content of the implementation it is obvious that it is generated by the same process as the reception of law. The contradictions between the reception and implementation will be overcome when considering implementation as part of the process of the reception of law.

Key words: the implementation of the law, reception of law, sovereignty, international law, Ukraine, the European Union.

Для выражения процесса законотворчества в теории права необходима выработка адекватного понятийного аппарата. Сегодня правоведы активно привлекают для решения этой задачи терминологию из других социогуманитарных наук: этнографии, культурологии, соци-

ологии. В частности, правоведы начали активно использовать понятие «имплементация». Однако введение этого понятия в правовую теорию приводит к смешению его содержания с содержанием уже работающих в теории права понятий, в частности, такого понятия, как «ре-

цепция». Разведение содержания этих понятий и составляет предмет нашего анализа. Сам термин *implementation* переводится как исполнение, осуществление, наполнение. Однако при применении его в понятийном поле юриспруденции во многих случаях им обозначают процесс заимствования и внедрения положений международного права в отечественную правовую систему. В многочисленных диссертационных исследованиях, монографиях, научных статьях понятие «имплементация» используется самостоятельно и независимо от понятия «рецепция права». Определяя содержание имплементации права как процесса, отличного от рецепции права, представители юридической науки стремятся различным образом представить ее как специфический «процесс практического использования норм международного права»¹. Но подобные определения (вольно или невольно) акцентируют внимание на понимании имплементации права как процесса восприятия положений международного права, что закономерно приводит к смешению его содержания со ставшим уже общепризнанным содержанием процесса рецепции права.

Кроме того, описывая процессы имплементации, исследователи нередко выходят за рамки международно-правовых положений, что превращает имплементацию в рецепцию права. Так, например, при изучении «основ национально-правовой имплементации» Л.Ю. Рыхтикова приходит к выводу о «преобладании влияния западного права на развитие российской правовой системы, ее законодательства, как формы влияния на правовые системы стран, культивировавших в XX в. социалистическое право»². М.К. Сулейменов подменяет рецепцию имплементацией в исследовании фактов рецепции английского права в правовую систему Казахстана³. О.А. Пугина вместо имплементационных процессов исследует процессы заимствования и внедрения элементов системы общего права в правовую систему России, т.е. пресловутую рецепцию⁴. А.В. Бахновский при не-

посредственном рассмотрении проблем рецепции института «сделки с правосудием» посвятил целый параграф диссертации «некоторым вопросам имплементации правового института “сделки с правосудием” в континентальную правовую традицию»⁵.

В предпринимаемых попытках разведения имплементации от рецепции исследователи испытывают определенные и заранее предсказуемые сложности. Например, Г.М. Азнагулова считает, что одним из принципиальных отличий рецепции (других, к сожалению, ей приведено не было) является возможность неких «дополнительных правовых и организационных мер со стороны государства»⁶. Однако и рецепция, представляя собой сложный процесс заимствования и внедрения иностранных правовых ценностей, также требует особых «дополнительных правовых и организационных мер» со стороны государства, например связанных с разъяснением сути правовых нововведений, установлением правовой практики и т.д.

В литературе также высказывается суждение, что именно требование «реальности осуществления» отличает имплементацию от рецепции: «Рецепция зачастую носит формальный или мнимый характер и представляет собой процесс заимствования данным обществом норм и институтов, возникших в другой стране или другую эпоху. Указанный процесс может быть сознательным или стихийным»⁷. Показательно, что, помимо голословных обвинений в адрес рецепции, аналогичные недостатки в реализации имплементированных актов международного права этим автором принципиально не замечаются, хотя они достаточно очевидны. Зачастую реципированные институты отличаются большей эффективностью (например, в области предпринимательского права), по сравнению с имплементированными положениями международного права в области прав человека.

При таких попытках отграничения от имплементации существует тенденция заведомого упрощения содержания рецепции как процесса буквального воспроизводства за-

¹ Рыбаков В.А. Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретические вопросы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. С. 10.

² Рыхтикова Л.Ю. Основы национально-правовой имплементации норм международного права в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Рыхтикова Лина Юрьевна. М., 2006. С. 10.

³ Сулейменов М.К. Английское право и правовая система Казахстана // Право и государство. 2016. № 3 (72). С. 38.

⁴ Пугина О.А. Имплементация элементов системы общего права в российское законодательство : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 180 с.

⁵ Бахновский А.В. «Сделка с правосудием»: особенности англосаксонской и континентальной правовой традиции : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 110.

⁶ Азнагулова Г.М. Применение норм международных договоров и норм права иностранных государств в российской правовой системе // Юридическая мысль. 2012. № 1 (69). С. 7.

⁷ Кочетков В.В. Особенности заимствования и развития конституционных ценностей в российской юриспруденции // Российский юридический журнал. 2016. № 1 (106). С. 9–10.

имствуемого института. Так, коллектив авторов (на примере анализа уголовного права) пришел к выводу, что хотя имплементация по форме и похожа на рецепцию, так как речь в обоих случаях идет или о вновь принимаемой норме национального права, или об изменении существующей, однако «при имплементации норма уголовного закона адаптирует положение международной нормы не буквально, а в соответствии со спецификой правовой системы государства-реципиента»⁸. Подобной позиции придерживается и Т.И. Курносова, пытающаяся развести понятия «рецепция» и «имплементация» путем узкой трактовки рецепции как точного воспроизведения во внутригосударственных актах формулировок международно-правовых актов⁹.

Показательно, что еще одно существенное отличие рецепции от имплементации этот автор видит в наличии у рецепции политического фактора и отсутствия его у имплементации: «рецепция возможна как проявление политики государства посредством воли субъектов политической власти. Имплементация же происходит при условии существования историко-культурных оснований для адаптации правовых элементов другой правовой системы»¹⁰. Однако современная правовая практика показывает ошибочность таких теоретических рассуждений. Именно имплементация является реализацией политической воли государства. Так, поражение СССР в холодной войне привело к имплементации положений международного права в области либерализации внутреннего законодательства, не свойственного социалистической правовой идеологии. Таким образом, наличие политического фактора в имплементации международного права, как и в процессах рецепции, является очевидным фактом. Игнорирование политического фактора закономерно приводит исследователей к единственной цели имплементации — совершенствованию внутреннего законодательства¹¹. Однако в этом случае резко ограничивается сфера применения имплементации, так

как она может происходить не только при совершенствовании законодательства, но и в ряде других случаев. Так, широкое использование имплементации приобретает при подготовке вхождения в состав группы государств. Подобную ситуацию наблюдаем на примере современной Украины, активно стремящейся войти в состав Европейского союза. Указ президента Украины № 268/2015 «О создании Совета реформ» утвердил Положение о Советательном международном совете реформ, в п. 1 которого определяется, что основной задачей данного совета является предоставление предложений и рекомендаций относительно осуществления в Украине реформ на основе лучшего международного опыта¹².

Кроме того, имплементация международного права может носить и характер принуждения со стороны международного сообщества. Истории известны случаи, когда заключались международные договоры, в той или иной мере ограничивавшие суверенитет государства. Так, победа в Великой Отечественной войне привела к уничтожению суверенитета Германии и Японии и имплементации положений международного права в правовые системы ФРГ, ГДР, Японии¹³. Имплементация также обусловлена и расширением интеграционных процессов. Так, вступив во Всемирную торговую организацию, Россия получила дополнительную возможность усилить степень интеграции в мирохозяйственные связи¹⁴. Зачастую имплементация обусловлена стремлением государства упрочить свой авторитет в сфере международных отношений, что вызвано приобретением облика современного государства. Именно эти цели подвигли постсоветскую Россию на вхождение в Совет Европы¹⁵ и, как следствие, имплементацию отказа

¹² Указ Президента Украины № 268/2015 «О создании Совета реформ» [Электронный ресурс] // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: <http://constitutions.ru/?p=11081>

¹³ См. подр.: Ткаченко С.В. Модернизация Германии: маленький секрет большого успеха // Право и государство: теория и практика. Федеральный научно-практический ежемесячный журнал. 2010. № 12 (72). С. 104–110; Ткаченко С.В. Влияние донора на рецепцию права // Национальная безопасность / nota bene. 2009. № 2. С. 24–31.

¹⁴ См.: Иншакова А.О., Козлова М.Ю. Влияние вступления в ВТО на приоритеты национальной конкурентной политики // Законы России: опыт, анализ, практика (Консультанты главной темы д.ю.н., проф. В.В. Долинская, д.ю.н., проф. А.О. Иншакова, д.ю.н., проф. С.Ю. Кашкин). 2013. № 1. С. 25–29.

¹⁵ Федеральный закон РФ «О присоединении России к Уставу Совета Европы» // Российская газета. 24.02.1996. № 38.

⁸ Кибальник А.Г., Шибко О.Н. Формы влияния международного права на российское уголовное право // Общество и право. 2011. № 4 (36). С. 159.

⁹ Курносова Т.И. Понятие и способы имплементации норм международного права в национальное законодательство // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4 (53). С. 205.

¹⁰ Там же.

¹¹ См., напр.: Искевич И.С., Сучкова Е.А. Конституция РФ и условия имплементации международно-правовых норм в российское законодательство // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2014. № 49. С. 30; Князькина А.К. Международный договор как основание криминализации деяний // Lex Russica. 2015. № 9. С. 73–86.

от смертной казни. Таким образом, очевидно, что имплементация права обусловлена теми же процессами, что и рецепция права, которая реализуется при стремлении к модернизации государства и правовой системы, приобретению международного авторитета, подготовке вхождения государства в союз государств, закреплению условий частичной или полной утраты политической и (или) экономической независимости государства.

В связи с этими и некоторыми другими трудностями, авторы приходят к выводу, что имплементация международно-правовых норм является «одной из самых сложных проблем соотношения и взаимодействия международного и внутригосударственного права»¹⁶. Также констатируется и факт отсутствия «общепринятого единого термина, которым бы обозначался процесс (явление)

использования национальным правом норм международного права»¹⁷, хотя такой термин есть и достаточно широко используется в зарубежной науке — это рецепция¹⁸.

Таким образом, основная проблема противоречий в современной теории права заключается в попытках исследователей видеть в имплементации обособленное от рецепции явление. Но как только имплементация будет рассматриваться как составляющая процесса рецепции, эти отрицательные моменты будут сняты. Основное отличие имплементации от рецепции — это международно-правовой элемент, в силу определенных причин заимствуемый страной-реципиентом.

¹⁶ Вдовин В.А. Имплементация международно-правовых норм в уголовном праве Российской Федерации (вопросы Общей части) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 3.

¹⁷ Рыбаков В.А. Трансформация и имплементация — способы развития национального права // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. № 3 (24). С. 34.

¹⁸ Халапян Е.А. О соотношении европейского права и права Чехии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 4 (19). С. 243.

Литература

1. Азнагулова Г.М. Применение норм международных договоров и норм права иностранных государств в российской правовой системе / Г.М. Азнагулова // Юридическая мысль. 2012. № 1 (69). С. 6–10.
2. Бахновский А.В. «Сделка с правосудием»: особенности англосаксонской и континентальной правовой традиции : дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Бахновский. Краснодар, 2008. 172 с.
3. Вдовин В.А. Имплементация международно-правовых норм в уголовном праве Российской Федерации (вопросы Общей части) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Вдовин. Казань, 2006. 28 с.
4. Иншакова А.О., Козлова М.Ю. Влияние вступления в ВТО на приоритеты национальной конкурентной политики / А.О. Иншакова, М.Ю. Козлова // Законы России: опыт, анализ, практика (Консультанты главной темы д.ю.н., проф. В.В. Долгинская, д.ю.н., проф. А.О. Иншакова, д.ю.н., проф. С.Ю. Кашкин). 2013. № 1. С. 25–29.
5. Искевич И.С., Сучкова Е.А. Конституция РФ и условия имплементации международно-правовых норм в российское законодательство / И.С. Искевич, Е.А. Сучкова // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2014. № 49. С. 30–35.
6. Кибальник А.Г., Шибко О.Н. Формы влияния международного права на российское уголовное право / А.Г. Кибальник, О.Н. Шибко // Общество и право. 2011. № 4 (36). С. 159–160.
7. Князькина А.К. Международный договор как основание криминализации деяний / А.К. Князькина // Lex Russica. 2015. № 9. С. 73–86.
8. Кочетков В.В. Особенности заимствования и развития конституционных ценностей в российской юриспруденции / В.В. Кочетков // Российский юридический журнал. 2016. № 1 (106). С. 9–10.
9. Курносова Т.И. Понятие и способы имплементации норм международного права в национальное законодательство / Т.И. Курносова // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4 (53). С. 203–209.
10. Пугина О.А. Имплементация элементов системы общего права в российское законодательство : дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Пугина. М., 2004. 180 с.
11. Рыбаков В.А. Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретические вопросы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Рыбаков. Омск, 2009. 37 с.
12. Рыбаков В.А. Трансформация и имплементация — способы развития национального права / В.А. Рыбаков // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. № 3 (24). С. 34–41.
13. Рыхтикова Л.Ю. Основы национально-правовой имплементации норм международного права в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Рыхтикова Лина Юрьевна. М., 2006. 162 с.
14. Сулейменов М.К. Английское право и правовая система Казахстана / М.К. Сулейменов // Право и государство. 2016. № 3 (72). С. 37–45.
15. Ткаченко С.В. Влияние донора на рецепцию права / С.В. Ткаченко // Национальная безопасность / nota bene. 2009. № 2. С. 24–31.
16. Ткаченко С.В. Модернизация Германии: маленький секрет большого успеха / С.В. Ткаченко // Право и государство: теория и практика. Федеральный научно-практический ежемесячный журнал. 2010. № 12 (72). С. 104–110.
17. Халапян Е.А. О соотношении европейского права и права Чехии / Е.А. Халапян // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 4 (19). С. 243–250.

References

1. Aznagulova G.M. Primenenie norm mezhdunarodny'kh dogovorov i norm prava inostranny'kh gosudarstv v rossijskoj pravovoj sisteme [Application of International Agreement Provisions and Laws of Foreign States in the Russian Legal System] / G.M. Aznagulova // *Yuridicheskaya mysl'* — Legal Thought. 2012. No. 1 (69). S. 6–10.
2. Bakhnovsky A.V. "Sdelka s pravosudiem" : osobennosti anglosaksonskoj i kontinental'noj pravovoj traditsii : dis. ... kand. jurid. nauk [A Deal with Justice: Peculiarities of the Anglo-Saxon and the Continental Legal Tradition : Thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / A.V. Bakhnovsky. Krasnodar — Krasnodar, 2008. 172 s.
3. Vdovin V.A. Implementatsiya mezhdunarodno-pravovy'kh norm v ugovnom prave Rossijskoj Federatsii (voprosy' Obshchej chasti) : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Implementation of the International Legal Provisions in the Criminal Law of the Russian Federation (the General Part Issues) : Author's Abstract of Thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / V.A. Vdovin. Kazan' — Kazan, 2006. 28 s.
4. Inshakova A.O., Kozlova M.Yu. Vliyaniye vstupleniya v VTO na priority' natsional'noj konkurentnoj politiki [The Impact of Accession to WTO Membership on the National Competition Policy Priorities] / A.O. Inshakova, M.Yu. Kozlova // *Zakony' Rossii: opyt, analiz, praktika (Konsultanty glavnoj temy d.yu.n., prof. V.V. Dolinskaya, d.yu.n., prof. A.O. Inshakova, d.yu.n., prof. S.Yu. Kashkin)* — The Russian Law: Experience, Analysis, Practice (Consultants of the Main Subject: V.V. Dolinskaya, Doctor of Law, Professor, A.O. Inshakova, Doctor of Law, Professor, S.Yu. Kashkin, Doctor of Law, Professor). 2013. No. 1. S. 25–29.
5. Iskevich I.S., Suchkova E.A. Konstitutsiya RF i usloviya implementatsii mezhdunarodno-pravovy'kh norm v rossijskoe zakonodatel'stvo [The Constitution of the Russian Federation and the Conditions of Implementation of the International Legal Provisions in the Russian Laws] / I.S. Iskevich, E.A. Suchkova // *Voprosy' sovremennoj nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo* — The Issues of Modern Science and Practice. The V.I. Vernadsky University. 2014. No. 49. S. 30–35.
6. Kibalnik A.G., Shibko O.N. Formy vliyaniya mezhdunarodnogo prava na rossijskoe ugovnoe pravo [The Forms of Influence of the International Law on the Russian Criminal Law] / A.G. Kibalnik, O.N. Shibko // *Obshchestvo i pravo — Society and Law*. 2011. No. 4 (36). S. 159–160.
7. Knyazkina A.K. Mezhdunarodny' dogovor kak osnovanie kriminalizatsii deyanij [An International Agreement as a Ground for Criminalization of Actions] / A.K. Knyazkina // *Lex Russica* — Lex Russica. 2015. No. 9. S. 73–86.
8. Kochetkov V.V. Osobennosti zaimstvovaniya i razvitiya konstitutsionny'kh tsennostey v rossijskoj yurisprudentsii [Peculiarities of Borrowing and Development of the Constitutional Values in the Russian Jurisprudence] / V.V. Kochetkov // *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal* — The Russian Law Journal. 2016. No. 1 (106). S. 9–10.
9. Kurnosova T.I. Ponyatie i sposoby implementatsii norm mezhdunarodnogo prava v natsional'noe zakonodatel'stvo [The Notion and Means of Implementation of the International Legal Provisions in the National Laws] / T.I. Kurnosova // *Aktual'nye problemy' rossijskogo prava* — The Relevant Issues of the Russian Law. 2015. No. 4 (53). S. 203–209.
10. Pugina O.A. Implementatsiya elementov sistemy obshchego prava v rossijskoe zakonodatel'stvo : dis. ... kand. jurid. nauk [Implementation of Elements of the General Law System in the Russian Laws : Thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / O.A. Pugina. Moskva — Moscow, 2004. 180 s.
11. Rybakov V.A. Preemstvennost' v otechestvennom prave v perekhodnyj period : obshcheteoreticheskie voprosy : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Succession in the National Law in the Transitional Period : General Theoretical Issues : Author's Abstract of Thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / V.A. Rybakov. Omsk — Omsk, 2009. 37 s.
12. Rybakov V.A. Transformatsiya i implementatsiya – sposoby' razvitiya natsional'nogo prava [Transformation and Implementation — the National Law Development Means] / V.A. Rybakov // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo* — Bulletin of the Omsk University. Series: Law. 2010. No. 3 (24). S. 34–41.
13. Rykhtikova L.Yu. Osnovy natsional'no-pravovoy implementatsii norm mezhdunarodnogo prava v Rossijskoj Federatsii : dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.10 [Fundamentals of the National Legal Implementation of the International Legal Provisions in the Russian Federation: Thesis of ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.10] / Lina Yuryevna Rykhtikova. Moskva — Moscow, 2006. 162 s.
14. Suleymenov M.K. Anglijskoe pravo i pravovaya sistema Kazakhstana [The English Law and the Legal System of Kazakhstan] / M.K. Suleymenov // *Pravo i gosudarstvo* — The Law and State. 2016. No. 3 (72). S. 37–45.
15. Tkachenko S.V. Vliyaniye donora na retsepsiyu prava [The Influence of a Donor on the Law Reception] / S.V. Tkachenko // *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene* — The National Security / Nota Bene. 2009. No. 2. S. 24–31.
16. Tkachenko S.V. Modernizatsiya Germanii: malen'kij sekret bol'shogo uspekha [Modernization of Germany: a Little Secret of a Great Success] / S.V. Tkachenko // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. Federal'nyj nauchno-prakticheskij ezhemesyachnyj zhurnal* — The Law and State: Theory and Practice. The Federal Scientific and Practical Monthly Journal. 2010. No. 12 (72). S. 104–110.
17. Khalapyan E.A. O sootnoshenii evropejskogo prava i prava Chekhii [On the Correlation between the European and the Czech Law] / E.A. Khalapyan // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* — Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2014. No. 4 (19). S. 243–250.

Издательская группа «Юрист» поздравляет всех следователей Российской Федерации с памятной датой истории предварительного следствия в России — Днем основания «майорских» следственных канцелярий. В 2017 году исполняется 300 лет с момента издания Наказа Петра I «майорским» следственным канцеляриям от 9 декабря 1717 года. Желаем всем российским следователям новых успехов в делах на благо нашего Отечества, крепкого здоровья и благополучия.

DOI:10.18572/1812-3805-2017-24-14-20

«Осторожно в пытках поступать»: предложения по реформированию следствия и уголовного процесса в законопроектах 1720-х гг.*

*Бабкова Галина Олеговна,
доцент Школы исторических наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
кандидат исторических наук
gbabkova@hse.ru*

Статья посвящена рассмотрению вопроса о законопроектных предложениях относительно реформирования следствия и процесса, которые были разработаны в Уложенной комиссии 1720 г. В составленных ею проектах был сформулирован ряд законодательных инициатив по урегулированию правил и принципов использования пытки как следственного действия. Указанные предложения, во-первых, носили новаторский характер в сравнении с законодательными актами, действовавшими в указанный период как в России, так и в странах Западной Европы, во-вторых, были реализованы в законодательстве начала 1760-х гг.

Ключевые слова: предварительное следствие, розыскной процесс, пытка, Уложенная комиссия, законотворческий процесс, Эрнст Кромпейн.

“To Be Cautious in Tortures”: Attempts to Reformat the Investigation and the Criminal Procedure in Bills of the 1720s

*Babkova Galina O.
Assistant Professor of the School of Historical Sciences
of the National Research University “Higher School of Economics”
Candidate of Historical Sciences*

The article is devoted to the question about the legislative commission in the 1720's drafts were of the innovative character as to compare with Russian and European legislation and contained suggestions for reforming of investigation and inquisitorial procedure. They proposed to formalize and limit usage of the torture that could be legitimate only for the gravest crimes and used only for once. These novelties became a law in the 1760's.

Key words: preliminary investigation, inquisitorial process, torture, legislative commission, legislative process, Ernst Krompein.

Именной, данный Сенату указ от 27 сентября 1801 г. «Об уничтожении пытки» «наистрожайше» подтверждал и запрещал всем обладающим следственными функциями ин-

станциям под угрозой «неминуемого и строго наказания» использовать какие-либо формы физического воздействия в отношении подсудственных с тем, «чтобы, наконец, са-

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г.

мое название пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее, изглажено было навсегда из памяти народной»¹.

Однако фактически в рамках процессуальной деятельности центральных судебно-следственных органов сокращение сферы применения мероприятий данного рода фиксируется с конца 1750-х — начала 1760-х гг. Это подтверждает анализ делопроизводственных материалов главного судебного-следственного органа Москвы и Московского региона — Сысского приказа, в котором в обозначенный период при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений использовалась однократная, а не многократная пытка².

Законодательно указанная новация была закреплена Именным указом Екатерины II от 10 февраля 1763 г. «О порядке производства дел по воровству, разбою и пристанодержательству». Он квалифицировал пытку как «крайнюю» меру, использование которой без «напрасного кровопролития» признавалось легитимным только при полной неудовлетворительности иных способов дознания (допросов, очных ставок, повальных обысков и т.д.)³. В итоге конец 1760-х — 1770-е гг. стали временем «отмены следственных пыток в России»⁴.

В данном контексте принципиальное значение имел тот факт, что низкая эффективность пыточных методов ведения следствия (особенно при расследовании преступлений малой и средней степени тяжести) четко осознавалась как законодателем, так и наделенными правом законодательной инициативы уложенными (кодификационными) комиссиями уже в начале 1720-х — 1730-е гг. В разработанном Уложенной комиссией 1720 г. проекте «О процессе в криминальных, или розыскных, пыточных делах» впервые было предложено теоретическое осмысление и обоснование принципов и возможности использования пытки, а также выработана развернутая система аргументации относи-

тельно законности данного следственного действия и условий его применения.

Как справедливо отметил Д.О. Серов, проект «О процессе в криминальных, или розыскных, пыточных делах» (далее — «О процессе...»), который должен был стать второй книгой нового уложения, «явился первым опытом подготовки общегражданского уголовно-процессуального кодекса России»⁵. Сам проект нового уложения был составлен Уложенной комиссией к осени 1726 г.⁶

10 сентября 1726 г. обер-секретарь Сената и бессменный руководитель канцелярии Уложенной комиссии А.С. Сверчков⁷ доложил Высокому сенату о том, что был «изготовлен весь порядок, в каких книгах, главах новому уложению быть». Всего было разработано 120 глав и 2113 артикулов (статей), которые комиссия начала готовить к слушанию в Сенате (соответствующее доношение было направлено 11 ноября 1726 г.)⁸. В 1726–1727 гг. проект, однако, так и не был апробирован.

Впоследствии Указом от 14 мая 1728 г. правительство Петра II в качестве первоочередной поставило перед Уложенной комиссией задачу не составить новое уложение, а инкорпорировать действующее законодательство и «пополнить» Соборное уложение 1649 г. изданными после его принятия и «приличными к истине» указами⁹. В течение 1730-х гг. законопроект неоднократно дополнялся и перерабатывался: в конце 1741 г. он снова был передан на рассмотрение в Сенат, но в силу изменившейся политической конъюнктуры так и не обрел силы закона.

⁵ Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. М., 2009. С. 398.

⁶ В историко-правовой науке названный законопроект получил название «проект Уложения Российского государства 1723–1726 гг.». Общую характеристику проекта см.: Замуруев А.С. Проект Уложения Российского государства 1723–1726 годов — памятник отечественной политико-правовой мысли // Замуруев А.С. Работы разных лет. Псков, 2006. С. 246–252; Серов Д.О. Проект Уложения Российского государства 1723–1726 гг.: *paginae incognitae* // История государства и права. 2012. № 3. С. 22–24.

⁷ О жизненном пути и профессиональной деятельности А.С. Сверчкова, сыгравшего заметную роль в законодательном процессе России 1720-х — начала 1740-х гг., подробнее см.: Babkova, G. Avraam Stepanovich Sverchokov and “embezzlers”: family connections within Russian bureaucracy in the first half of the 18th century // Cahiers du Monde Russe. 2016. Vol. 57. No. 2–3. P. 609–640.

⁸ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 342. Оп. 1. Д. 10. Ч. I. Л. 44–45.

⁹ Полное собрание законов. Т. 8. № 5287. С. 53–54.

¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (Полное собрание законов). СПб., 1830. Т. 26. № 20022. С. 797–798.

² Подробнее см.: Акельев Е.В., Бабкова Г.О. «Дабы пытки и розыски могли чинитца порядочно, как указы повелевают»: Эволюция теории и практики «розыскного» процесса в России первой половины XVIII в. // Cahiers du Monde russe. 2012. Vol. 53. № 1. P. 15–39.

³ Законодательство Екатерины II / сост. В.М. Клеандрова, Г.А. Кутыгина [и др.] ; под ред. О.И. Чистякова и Т.Е. Новицкой. М., 2001. Т. 2. С. 884–887.

⁴ Омельченко О.А. К истории судебной политики «просвещенного абсолютизма» в России // Омельченко О.А. Власть и закон в России XVIII века. Исследования и очерки. М., 2004. С. 215–216.

В технической и смысловой разработке первоначального варианта книги «О процессе...» ключевую роль сыграл ассессор Юстиц-коллегии, дипломированный юрист, обучавшийся в университетах Йены и Лейпцига, Эрнст Фридрих Кромпейн. К началу 1720-х гг. Э. Кромпейн имел немалый опыт законотворческой деятельности: именно он явился составителем проектов таких актов как «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» 1712 г. — первого в истории отечественного права военно-процессуального кодекса, а также «Артикула воинский» 1714 г. — первого военно-уголовного кодекса (не имеющих аналогов в современной российской системе законодательства)¹⁰.

Э. Кромпейн начал присутствовать на заседаниях Уложенной комиссии 1720 г. с 28 августа 1722 г.¹¹. В течение 1722–1724 гг. в соответствии с поставленной Петром I задачей составить новое уложение на «основании шведских уставов» он подготовил тематические выборки из иностранных источников права и составил проект «О процессе в криминальных или розыскных делах»¹², который суммировал действующие принципы организации суда и следствия (прежде всего в вопросе использования пытки) не только в шведском, но и в немецком, саксонском и «цесарском римском» праве¹³.

«Процесс сочинения Кромпейнова о криминальных или розыскных делах», который включал 12 глав¹⁴, оказал опосредованное влияние на законопроектные разработки Уложенной комиссии относительно следствия¹⁵. Однако он имеет безусловную ценность как

попытка первого в истории русского права теоретизирования относительно пытки и легитимности ее применения. Указанному вопросу Э. Кромпейн посвятил «Предисловие» к своему труду, которое затем с незначительными дополнениями было включено в 1-ю главу «О испытании злодеев, и каким процессом во оном поступать» в уголовно-процессуальном разделе проекта Уложения Российского государства 1723–1726 гг.

В представлении Э. Кромпейна государственная деятельность по раскрытию преступлений находилась в прямой связи с «общей народной пользой» и «благополучием». Защита указанных начал являлась прямой обязанностью государства, которое должно было прилагать все усилия для того, чтобы «злодейства и великие преступления никогда без наказания упущены не были».

Последнее предполагало необходимость, во-первых, «изъяснения» и расследования правонарушения и «обстоятельств» его совершения, во-вторых, произведения «розыска» в строгом соответствии с законом, «по правде», в-третьих, наказания виновных на основании установленных законодательством, «правами» и «уставами», норм. Окончательная санкция, помимо устрашающей и связанной с ней превентивной функции, служила формой воздаяния за «злость» и способом восстановления нарушенного «мира» для «добрых, спокойных и покорных» подданных¹⁶.

Действующее уложение (т.е. Соборное уложение 1649 г.) подробно и «пространно» прописывало систему наказаний, однако вопросы о том, как проводить следствие и «выведывать и доказывать злодейство», не нашли в нем достаточного освещения. В наибольшей степени законодательная неопределенность принципов организации следственных мероприятий фиксировалась в ситуации недостаточности улик. При «оскудении довольно доказательства», т.е. при отсутствии собственного признания задержанного, достоверных свидетельских показаний и «тому подобного», следствие оказывалось вынуждено «окуратно» прибегать к методам физического воздействия на подозреваемого¹⁷.

«Тортура, или пытка» не относилась к числу ординарных способов получения «признания и обличения злодеев»: тот факт, что созданный «по образу и подобию Б[о]жью человек» должен быть «размучен», рассматривался как «ужасный» и «противный ч[е]л[о]в[е]ческой натуре». Причиняя телу весь-

¹⁰ Подробнее см.: Серов Д.О. Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» (из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // *Lex Russica*. Научные труды Московской государственной юридической академии. 2013. № 2. С. 113–121.

¹¹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 9. Ч. 1. Л. 32 об.

¹² См.: Там же. Д. 33. Ч. 2. Л. 1–69.

¹³ Там же. Д. 9. Л. 50–50 об., 52, 53 об., 54, 55, 60 об., 61 об., 174 об. и др.; Д. 10. Ч. 1. Л. 25 об., 68; Замуруев А.С. Указ. соч. С. 180–184; Серов Д.О. Судебная реформа Петра I. С. 389–391.

¹⁴ Под таким названием, а также как «процесс кромпейнова сочинения», «шведский кромпейнов процесс» проект Э. Кромпейна фигурировал в материалах Уложенной комиссии (см.: Там же. Л. 1 об., 2, 2 об., 5 об., 66 об. и др.).

¹⁵ В Уложенной комиссии первоначальное слушание «судных процессов», т.е. уголовно-процессуального раздела Соборного уложения 1649 г., сведенного с тематически сходными извлечениями из актов зарубежного законодательства, началось на заседании 9 января 1723 г. (РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 9. Ч. 1. Л. 48об.–49).

¹⁶ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 1 об., 114.

¹⁷ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 1 об., 3, 4 об., 114–114 об.

ма «чувственна оскорбление», она могла быть оправданна только в том случае, если следствие сталкивалось с «высокой» степенью «злости», «упрямства» и «жестокосердия», на которую не действовали никакие иные «бл[а]годетельные способы» дознания и которая заставляла подозреваемого упорствовать и отказываться от сотрудничества с судебно-следственными органами¹⁸. «Жестокость пытки» не должна была, однако, превышать известной «меры», в законопроектной фиксации которой, наряду с определением иных форм «испытания злодеев», Э. Кромпейн, а вслед за ним и иные члены Уложенной комиссии видели одну из целей своей работы.

Следующие принципиальные моменты, по мысли Э. Кромпейна, определяли и ограничивали сферу применения пыточных методов расследования: во-первых, характер совершенного деяния, во-вторых, физические характеристики и возраст подозреваемого, в-третьих, состояние доказательной базы, в-четвертых, строгая законность решения о применении пытки.

Пытка могла использоваться только при раскрытии тяжких и особо тяжких «криминальных дел», которые карались смертной казнью или жестокими телесными наказаниями. Во всех остальных случаях (в «гражданских» и «малых криминальных» делах) пытка была неприемлема и квалифицировалась как «тяжкое преступление» для тех, кто принял решение о ее использовании¹⁹.

Ряд лиц, подозреваемых в совершении преступления, должны были изыматься от пытки. Во-первых, это люди старше 70 лет: будучи «слабы» и «немощны» и, следовательно, не в состоянии «пытки вытерпеть», они не могли дать достоверных показаний. Во-вторых, несовершеннолетние младше 14 лет. В их отношении физическое воздействие могло быть ограничено «лозами», поскольку они «довольного разума еще не имеют». В-третьих, беременные женщины; они могли быть подвергнуты пытке только через 40 дней после родов. В-четвертых, сумасшедшие и лица с психическими отклонениями, «безумные, сумозбродные и дураки». В-пятых, «увешные», т.е. глухие и немые. Применительно к указанным категориям исключение, в крайнем случае, могло иметь место только при расследовании дел, касающихся «оскорбления величества»²⁰.

Исключение касалось также свидетелей. В соответствии с действующим законодательством в «важных делах» не на началь-

ных этапах следствия свидетелей «и велено, и можно было пытать», но только тех из них, которые уже были признаны социальне-неблагонадежными элементами. «По размотрению» пытке могли быть подвергнуты «подозрительные, бездельные и негодные» люди.

В принципе использование пытки допускалось и применительно к «добрым и честным людям», если те «запирались» или меняли свои показания относительно «главных пунктов» дела, достоверность которых подтверждалась благонадежными и «довольными свидетельствами» из других источников. Рассматривая подобную возможность как крайнюю меру, Э. Кромпейн считал необходимым подчеркнуть, что «переменные речи» свидетеля относительно второстепенных фактов не должны были вменяться ему в вину как «лжесвидетельство» и, следовательно, полностью изымали его от пытки²¹.

Процесс никогда не должен был начинаться с пытки «злодея». Последняя являлась вспомогательным средством, «подпором», при раскрытии преступления. Судья в первую очередь должен был использовать «умеренные» рычаги получения «свидетельств» и «обличения злодейства». Обоснованной считалась та пытка, которая имела место, во-первых, после исчерпания всех иных способов дознания, а во-вторых, при условии наличия самых серьезных и документально подтвержденных доказательств вины подозреваемого (за исключением его собственной «повинной»). Как писал Э. Кромпейн, «покамест иным способом сущую правду испытать возможно, то по правам пыткой поступать не надлежит»²².

Существовал ряд общих для всех деяний «признаков», которые позволяли «судье» ставить вопрос о пытке подозреваемого: 1) неопровержимые показания одного свидетеля, непосредственного видевшего факт совершения преступления; 2) «поличное», т.е. обнаружение на месте преступления вещи подозреваемого; 3) «след в мягкой земле», квалифицируемый как принадлежащий подозреваемому; 4) предварительные словесные заявления подсудимого о намерении совершить преступление; 5) угрозы; 6) доказанный факт сообщничества подозреваемого; 7) укрывательство или общение с рецидивистами или лицами с криминальным прошлым²³.

Помимо этого, выделялись «признаки», характерные для отдельных видов уголовно наказуемых деяний, т.е. убийства, детоубий-

¹⁸ Там же. Л. 4 об., 12 об., 114 об.

¹⁹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 11 об., 12 об.

²⁰ Там же. Л. 14, 15.

²¹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 16–16 об.

²² Там же. Л. 12 об., 17, 19–20 об.

²³ Там же. Л. 21–23 об.

ства, отравления, «разбоя и кражи», поджога, фальшивомонетничества. Так, например, при подозрении в совершении отравления в качестве основания для пытки указывался факт покупки или изготовления яда, враждебные отношения с потерпевшим и т.д.²⁴

Само по себе наличие того или иного из указанных подозрений еще не служило достаточным поводом для пытки. Для начала подследственный должен был быть проинформирован обо всех собранных против него «признаках» и ознакомлен с допросами лиц по делу с тем, чтобы он в установленный законом срок «через сильнейшие и лутчие основания» и привлечение дополнительных свидетелей мог «против... того очиститься» и тем самым снять вопрос об использовании каких-либо форм физического воздействия. Судебно-следственный орган также должен был приложить все возможные усилия к тому, чтобы «произыскивать» факт «невинности» подозреваемого и еще раз перепроверить имеющиеся в распоряжении следствия материалы через надежные источники информации²⁵.

Отдельное внимание Эрнст Кромпейн уделял таким способам доказательства «признаков», как «народный слух» и показания главных виновников деяния об их сообщниках, подробно прописывая, при наличии каких условий свидетельства данного рода могли быть признаны заслуживающими внимания²⁶. Так, «молва о учиненном каком злодействе» вне зависимости от его тяжести не являлась достоверным фактом, поскольку «редко» была «основана на правде, но обманчива и ложна».

Достоверность свидетельских показаний повышалась при сочетании трех факторов: 1) рецидивизма подозреваемого; 2) высокой степени надежности источника информации; 3) отягчающих обстоятельств (попытках побега и т.д.)²⁷. Однако и повторно «доказав» имеющиеся подозрения и «улики», «судья» обязан был «пыткою не спешить», а снова предоставить подследственному возможность для оправдания²⁸.

Основное предписание судье при вынесении решения о пытке и при ее производстве состояло в требовании соблюдения известной «меры», т.е. установленных законом пределов для данного следственного действия. Их нарушение строго преследовалось: если

«в роспросах» судья или следователь поступали не «как права повелевают», их ждали различные виды уголовного наказания, вплоть до смертной казни²⁹.

Во-первых, уголовному наказанию подлежал тот судья, который при пытке не ограничивался вопросами о расследуемом деле, а пытался выяснить степень причастности подозреваемого к иным деяниям, по поводу которых отсутствовали достаточные для пытки «признаки».

Во-вторых, высшая мера наказания устанавливалась для тех судей и следователей, которые умышленно («от злости», «ярости», «гнева» или по причине «подкупа») предавали подозреваемого «жесточкой» пытке, повлекшей смерть последнего.

В-третьих, смерть «заклученного» или причинение ему увечий различной степени тяжести в результате пытки, назначенной без «довольных» подозрений или из-за «глупости» судьи, влекли соответственно «жестокое» наказание и денежную компенсацию в пользу пострадавшего³⁰.

Фактически Э. Кромпейн выступал сторонником однократной пытки. Хотя 8-я глава «О самой пытке и градусах ее» составленной им записки разбирала устанавливавшиеся «немецким» и «цесарским римским» правом виды и степени пыток, раздел проекта «О действии пытки и повинении» предписывал судье и следователю утверждаться на тех показаниях, которые были получены, «когда кто первой раз довольно пытан».

В целом же пыточные методы признавались хотя и законными, но недостаточно эффективными для цели раскрытия преступления и выяснения судебной истины. Как писал Э. Кромпейн, «понеже пытка есть опасное и непостоянное дело, которая часто и самую правду обманывает, того ради не всегда надлежит верить той скаске³¹, которая пыткой вымучена»³².

Принимая решение о физическом воздействии, судебно-следственные органы оказывались в двойственной ситуации: с одной стороны, они имели возможность подтвердить таким образом уже имеющиеся улики, однако, с другой — в том случае если под пыткой подозреваемый последовательно настаивал на своей невинности, утрачивали всю доказательную базу. Собранные ими «признаки» теряли свою «силу» и не могли служить законным основанием для вынесения обвинительного приговора. Так что судья должен

²⁴ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 23об.–25, 26–28.

²⁵ Там же. Л. 28 об., 29, 29 об.

²⁶ Там же. Л. 30 об., 32, 34, 36, 37–39.

²⁷ Там же. Л. 30 об., 32.

²⁸ Там же. Л. 29об.–30.

²⁹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 44 об.

³⁰ Там же. Л. 44 об., 46, 48 об.

³¹ То есть устному показанию.

³² РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 49.

был заново начинать сбор показаний и улики и оказывался «в том виноват, что он его [подозреваемого] велел пытаться», хотя мог бы «осудить» по уже имеющимся «свидетельствам»³³.

Предлагавшиеся в «Процессах Кромпейна» новации относительно регулирования применения пытки оказали значительное влияние на разработанный Уложенной комиссией 1720 г. уголовно-процессуальный раздел проекта единого кодифицированного акта: 67% артикулов, как показало исследование А.С. Замуруева, было составлено с опорой на них³⁴. Вопрос о характере использования законодательных предположений Э. Кромпейна требует отдельного изучения, поскольку они серьезно перерабатывались членами комиссии и входили в окончательную редакцию с различной степенью полноты.

В качестве примера использования работ Э. Кромпейна приведем статью, составленную в Уложенной комиссии 1720 г. на основании 8-й главы «О самой пытке» «Кромпейнова сочинения». Указанная глава включала 10 пунктов, в которых на шести листах подробно расписывались существующие в различных системах европейского права виды («градусы») пыток, а также регламентировалась очередность и способы пытки участников преступления.

Комиссия резюмировала данные законодательные предположения следующим образом: «Когда судья в одном злодействе многих имеет пред собою преступников, которых жестоко допрашивать потребно, тогда надлежит ему оно, от которого он мнит скорее уведать правду, прежде пытать. И буде от сего еще подлинно не уведает, то того, который в злодействе более всех подозрителен явился,

прежде всех пытать. Буду же все преступники в равном являться подозрению и между оными от[e]ц с с[ы]ном, или муж з женою найдется, тогда с[ы]на или жену наперед к пытке привесть»³⁵.

Безусловное значение «Процессов Кромпейна» состояло в том, что они предлагали четкую и теоретически обоснованную систему мер, призванную законодательно урегулировать и ограничить возможность использования пытки.

При соблюдении ряда условий пытка признавалась законной только при расследовании особо тяжких, караемых смертной казнью деяний, однако не могла квалифицироваться как источник достаточных для вынесения обвинительного приговора показаний. Последние не признавались в полной мере достоверными и требовали обязательного подтверждения посредством иных следственных приемов и действий. В отличие от западноевропейского права, предусматривавшего многократную пытку различных «градусов» и степени тяжести, российский законопроект склонялся к ее однократному применению.

Принципиальное значение имел также факт нацеленности следствия не только на раскрытие преступления, но и на максимально возможное подтверждение невинности подозреваемого, которому должны были быть предоставлены все условия для доказательства своей непричастности к вине. Впоследствии указанные предложения были востребованы в ряде законопроектов 1730–1750-х гг. и получили, как уже отмечалось, законодательную реализацию в указах Екатерины II в 1763 г.

³³ Там же. Л. 51 об., 53.

³⁴ Замуруев А.С. Указ. соч. С. 252.

³⁵ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2. Л. 40; см. также: Там же. Л. 39 об., 41–44.

Литература

1. Акельев Е.В., Бабкова Г.О. «Дабы пытки и розыски могли чинитца порядочно, как указы повелевают»: Эволюция теории и практики «розыскного» процесса в России первой половины XVIII в. / Е.В. Акельев, Г.О. Бабкова // *Cahiers du Monde russe*. 2012. Vol. 53. № 1. P. 15–39.
2. Законодательство Екатерины II / сост. В.М. Клеандрова [и др.] ; под ред. О.И. Чистякова, Т.Е. Новицкой. М. : Юрид. лит., 2001. Т. 2. 984 с.
3. Замуруев А.С. Работы разных лет / А.С. Замуруев. Псков : [б. и.], 2006. 608 с.
4. Омельченко О.А. Власть и закон в России XVIII века. Исследования и очерки / О.А. Омельченко. М. : МГИУ, 2004. 604 с.
5. Серов Д.О. Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» (из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) / Д.О. Серов // *Lex Russica*. Научные труды Московской государственной юридической академии. 2013. № 2. С. 113–121.
6. Серов Д.О. Проект Уложения Российского государства 1723–1726 гг.: *paginae incognitae* / Д.О. Серов // *История государства и права*. 2012. № 3. С. 22–24.
7. Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование / Д.О. Серов. М. : Зерцало-М, 2009. 488 с.
8. Babkova, G. Avraam Stepanovich Sverchkov and “embezzlers”: family connections within Russian bureaucracy in the first half of the 18th century / G. Babkova // *Cahiers du Monde Russe*. 2016. Vol. 57. No. 2–3. P. 609–640.

References

1. Akelyev E.V., Babkova G.O. "Daby pytki i rozyski mogli chinittsa poryadochno, kak ukazy povelevayut": Evolyutsiya teorii i praktiki "rozysknogo" protsessa v Rossii pervoj poloviny XVIII v. ["So That the Tortures and Investigations Could be Performed in Due Order, as the Orders Instruct": The Evolution of the Theory and Practice of the Investigative Procedure in Russia in the First Half of the XVIII Century] / E.V. Akelyev, G.O. Babkova // Cahiers du Monde russe — Cahiers du Monde Russe. 2012. Vol. 53. No. 1. S. 15–39.
2. Zakonodatel'stvo Ekateriny II [The Laws of Catherine II] / compiled by V.M. Kleandrova [et al.]; edited by O.I. Chistyakov, T.E. Novitskaya. Moskva : Yurid. lit. — Moscow : Legal Literature, 2001. Vol. 2. 984 s.
3. Zamuruev A.S. Raboty raznykh let [Works of Various Years] / A.S. Zamuruev. Pskov : [b. i.] — Pskov : [no publishing house specified], 2006. 608 s.
4. Omelchenko O.A. Vlast' i zakon v Rossii XVIII veka. Issledovaniya i ocherki [The Power and the Law in the XVIII Century Russia. Research and Essays] / O.A. Omelchenko. Moskva : MGIU — Moscow : MSIU, 2004. 604 s.
5. Serov D.O. Zabytye redaktsii Artikula voinskogo i "Kratkogo izobrazheniya protsesov ili sudebnykh tyazheb" (iz istorii kodifikatsii voennogo zakonodatel'stva Rossii XVIII v.) [Forgotten Versions of the Articles of War and the "Brief Presentation of Procedures or Lawsuits" (from the History of Codification of the Military Laws of the XVIII Century Russia)] / D.O. Serov // Lex Russica. Nauchnye trudy' Moskovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii — Lex Russica. Scientific Works of the Moscow State Law Academy. 2013. No. 2. S. 113–121.
6. Serov D.O. Proekt ulozheniya Rossijskogo gosudarstva 1723–1726 gg. : paginate incognitae [Draft of the Code of Laws of the Russian State in 1723 to 1726 : Paginate Incognitae] / D.O. Serov // Istoriya gosudarstva i prava — The History of State and Law. 2012. No. 3. S. 22–24.
7. Serov D.O. Sudebnaya reforma Petra I : istoriko-pravovoe issledovanie [The Judicial Reform of Peter the Great : Historical and Legal Research] / D.O. Serov. Moskva : Zertsalo-M — Moscow : Mirror-M, 2009. 488 s.
8. Babkova, G. Avraam Stepanovich Sverchkov and "Embezzlers": Family Connections within Russian Bureaucracy in the First Half of the 18th Century / G. Babkova // Cahiers du Monde Russe. 2016. Vol. 57. No. 2–3. S. 609–640.

DOI:10.18572/1812-3805-2017-24-20-26

Наказ от 9 декабря 1717 г. — нормативная основа деятельности «майорских» следственных канцелярий

*Серов Дмитрий Олегович,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Новосибирского государственного университета экономики
и управления, доктор исторических наук
serov1313@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению Наказа «майорским» следственным канцеляриям от 9 декабря 1717 г. — одного из важнейших актов уголовно-процессуального законодательства России первой четверти XVIII в. На основе архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, освещена история подготовки и обнаружения наказа. Установлено, что проект наказа был разработан Петром I. В статье подробно характеризуется содержание наказа, а также приводятся примеры его применения в практике уголовного судопроизводства. Показано, что наказ явился первым в истории отечественного права законодательным актом, закрепившим выделение стадии предварительного расследования в уголовном процессе.

Ключевые слова: законотворческий процесс, судебная реформа, уголовный процесс, предварительное следствие, «майорские» следственные канцелярии, Петр I, типовой нормативный акт, пытка.

The Order of December 9, 1717 – the Statutory Basis of Activities of the Major Investigative Offices

*Serov Dmitry O.
Head of the Department of Theory and History of State and Law
of the Novosibirsk State University of Economics and Management
Doctor of History*

The article is devoted to the examination of the Decree by the "Major's" investigative chancelleries of December 9, 1717 — one of the most important acts of the criminal procedural legislation of Russia in

the first quarter of the 18th century. On the basis of archival sources, which first introduced into scientific circulation, the history of preparation and promulgation of the Decree is covered. It is established that the Draft of the Decree was worked out by Peter the Great. The article details the content of the Decree, and also gives examples of its application in the practice of criminal proceedings. It is shown that the Decree was the first in the history of Russian law by the legislative act, which fixed the selection of the preliminary investigation stage in the criminal process.

Key words: legislative process, judicial reform, criminal process, preliminary investigation, "Major's" investigative chancelleries, Peter the Great, typical normative act, torture.

Одним из наиболее примечательных событий в истории отечественного уголовного процесса XVIII в. явилось формирование стадии предварительного расследования, которое произошло в ходе проведения судебной реформы Петра I (1717–1723 гг.)¹. Возникновение и первоначальное нормативное регулирование стадии предварительного расследования в российском уголовном процессе было связано с изданием Наказа «майорским» следственным канцеляриям, утверждение и обнародование которого состоялось 9 декабря 1717 г. Настоящая статья представляет собой первый опыт систематического анализа содержания Наказа от 9 декабря 1717 г., а также обозрения внешней истории его создания.

Причина, по которой наказ доныне не привлекал углубленного внимания ученых, видится вполне объяснимой. Сложилось так, что характеризуемый наказ не попал на страницы «Полного собрания законов Российской империи с 1649 года» (Первого Полного собрания законов), ставшего для нескольких поколений правоведов основным (а подчас и единственным) источником разысканий по истории государства и права России второй половины XVII — первой четверти XIX в. Остается, правда, неясным, отчего Наказ от 9 декабря 1717 г. остался вне поля зрения составителей Первого Полного собрания законов.

Дело в том, что на протяжении всего XIX в. наказ хранился в Санкт-Петербургском сенатском архиве (с 1872 г. — Сенатский архив) в обширном собрании «Подлинные именные высочайшие указы и повеления», материалы которого широко использовались при подготовке «Полного собрания законов Российской империи с 1649 года». Вероятнее всего, предпринявшие воистину титанический труд по выявлению и подготовке к публикации десятков тысяч актов XVII–XIX вв. М.М. Сперанский и его сотрудники попросту «проглядели» Наказ от 9 декабря 1717 г., отложившийся в составе архивной единицы хранения (книги) № 27 упомянутого собрания.

В 1860-е годы список наказа, адресованный гвардии майору Г.Д. Юсупову, в фамильном ар-

хиве выявил князь Н.Б. Юсупов, опубликовавший документ в фундаментальном труде по истории рода Юсуповых². Однако эта публикация Наказа от 9 декабря 1717 г. осталась вовсе не замеченной.

Историографическому забвению наказа несомненно способствовало также и то обстоятельство, что в начале 1870-х гг. его нормативное содержание не оценил опытейший архивист, заведующий Сенатским архивом действительный статский советник П.И. Баранов. В опубликованном в 1872 г. (и получившем заслуженное признание) описании собрания именных указов за первую четверть XVIII в. Платон Баранов обозначил Наказ от 9 декабря 1717 г. как «высочайшее поручение... произвести розыски по делам, означенным в реестре»³.

В начале XX в. материалы книги 27 Сенатского архива, включая Наказ от 9 декабря 1717 г., ввел в научный оборот приват-доцент Императорского Харьковского университета В.И. Веретенников⁴. Но и Василий Веретенников обошел вниманием нормативную сторону наказа, ограничившись цитированием его заключительного фрагмента⁵.

В советский период Наказ от 9 декабря 1717 г. оказался (в составе так и не перенумерованной книги 27) в фонде 1329 «Именные указы Сенату» Центрального государственного архива в Ленинграде (ЦГИАЛ; ныне Российский государственный исторический архив). В 1967 году фонд 1329 ЦГИАЛ подвергся разделению: документы петровского времени (до 1725 г.) были из него изъяты и перемещены в Центральный государственный архив древних актов (нынешний Российский государственный архив древних актов), где они образовали фонд 1451 «Именные указы Петра I Сенату»⁶, остальные же остались на прежнем месте.

² См.: Юсупов Н.Б. О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. Ч. 2. С. 174–176.

³ Архив Правительствующего Сената / сост. П.И. Баранов. СПб., 1872. Т. 1. № 502. С. 45.

⁴ Веретенников В.И. История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910. С. 41–44, 46, 48, 52, 60–61 и др.

⁵ Там же. С. 41.

⁶ Центральный государственный архив древних актов СССР: путеводитель / сост. Ю.М. Эскин, М.В. Бабич, Е.Ф. Желоховцева. М., 1992. Т. 2. С. 94.

¹ В целом о преобразованиях в области уголовного процесса в ходе судебной реформы 1717–1723 гг. см.: Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. М., 2009. С. 335–372.

Однако, по совершенно неясным причинам, небольшой фрагмент фонда 1329 ЦГИАА, относящийся к первой четверти XVIII в., — книги 17, 27 и 28 (по описи 1) — не был переправлен в Москву. Этот-то «осколок» фонда 1329 и «потерялся» в его обширном собрании, к которому исследователи обращались в последней трети XX в. исключительно для ознакомления с именованными указами, изданными уже после января 1725 г. Тем самым материалы книги 27 выпали из научного оборота до 1990-х гг. В итоге первая научная публикация Наказа от 9 декабря 1717 г. (по списку из упомянутой книги 27) вышла в свет лишь в 2000 г.⁷ Впрочем, и после означенной публикации наказ не вызвал интереса ни у правоведов, ни у историков.

Со стороны формы Наказ от 9 декабря 1717 г. представлял собой классический типовой нормативный акт, предназначенный для вручения соответствующим должностным лицам в индивидуальном порядке. Данная разновидность нормативных актов (известная в России еще с XVII в.) имела достаточно широкое распространение во второй половине 1710-х — начале 1720-х гг.

Достаточно сказать, что только на страницы Первого Полного собрания законов за отмеченный период попали типовая Инструкция понудителям (в редакциях от 24 марта 1719 г. и от 4 декабря 1719 г.), а также типовая Инструкция губернатору от июля 1720 г. (выданная А.П. Вольнскому для управления Астраханской губернией)⁸. Кроме того, в 1719 г. был разработан типовой Наказ городовым судьям⁹. Представляется уместным добавить, что в признанной Петром I образцовой для России системе законодательства Швеции типовым нормативным актом являлась Инструкция ландсховдингам¹⁰ 1687 г.¹¹.

Типовые нормативные акты издавались либо непосредственно монархом (Наказ «майорским» канцеляриям, Инструкция губернатору), либо Правительствующим сенатом (Инструк-

ция понудителям), либо центральным органом власти (Наказ городовым судьям — Юстиц-коллегией). Примечательно, что создание типовых нормативных актов осуществлялось параллельно с изданием в тот же период наказов и инструкций должностным лицам, имевших универсальный характер. Здесь нельзя не вспомнить, например, Инструкцию, или наказ, воеводам от января 1719 г., Инструкцию, или наказ, земским камерирам от 7 января 1719 г., Наказ земским дьякам, или секретарям, от 20 апреля 1720 г.¹². Остается добавить, что, в отличие от инструкций и наказов универсального характера, типовые указы и инструкции никогда не обнародовались в петровское время типографски¹³, а тиражировались исключительно путем изготовления рукописных копий¹⁴.

Насколько удалось установить, Наказ «майорским» следственным канцеляриям от 9 декабря 1717 г. дошел до наших дней в единственном подлинном списке, хранящемся ныне в собрании Российского государственного исторического архива в составе все той же книги 27¹⁵. Означенный список был адресован полковнику Г.И. Кошелеву и дьяку Ф.Д. Воронову — главам одной из шести «майорских» канцелярий, учрежденных 9 декабря 1717 г.¹⁶

Представляется возможным предположить, что упомянутый выше список наказа, адресованный князю Г.Д. Юсупову, оказался утрачен в конце 1910-х — начале 1920-х гг., в ходе революционных событий и Гражданской войны. Остальные же списки наказа, по всей вероятности, погибли в пожаре в Московском Кремле 29 мая 1737 г., пламя которого испепелило основную часть архива «майорских» канцелярий¹⁷.

¹² См.: Полное собрание законов. Т. 5. № 3294, 3296; Т. 6. № 3571.

¹³ См.: Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г.: сводный каталог / сост. Т.А. Быкова и М.М. Гуревич; под ред. П.Н. Беркова. М.—А., 1955; Описание изданий, напечатанных при Петре I: сводный каталог. Дополнения и приложения / сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич, Р.И. Козинцева. Л., 1972.

¹⁴ О возникновении в нашей стране в первой четверти XVIII в. традиции типографского обнародования нормативных актов (в том числе в составе инкорпорационных сборников) см.: Серов Д.О. Законотворческий процесс в России первой четверти XVIII в.: традиции и новации // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 8. С. 934–936.

¹⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 68–68 об. Далее все цитаты из текста наказа будут приводиться по указанному списку.

¹⁶ Подробнее о «майорских» канцеляриях см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Очерки истории российских следственных органов. М., 2015. С. 34–52.

¹⁷ Донесение о московском большом пожаре мая 29 1737 года / публ. П.И. Иванова // Чтения в Импера-

⁷ «Розыскать накрепко, правдою, без всяких приказных крючков»: указы Петра I, Екатерины I и Сената в области судоустройства и уголовной политики. 1716–1726 гг. / публ. Д.О. Серова // Исторический архив. 2000. № 6. С. 202.

⁸ См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (Полное собрание законов). СПб., 1830. Т. 5. № 3341, 3460; Т. 6. № 3622.

⁹ Подробнее см.: Серов Д.О. Указ. соч. С. 204–205. В научный оборот типовой наказ городовым судьям 1719 г. был введен еще в начале XX в. будущим академиком М.М. Богословским (Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого: провинция 1719–27 гг. М., 1902. С. 205–206).

¹⁰ Landshövding — глава администрации провинции.

¹¹ Peterson, C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. Lund, 1979. P. 269.

Что касается истории подготовки Наказа от 9 декабря 1717 г., то в собрании Российского государственного архива древних актов удалось выявить его исходный список. Этот список, исполненный на трех листах бумаги голландского производства¹⁸, озаглавленный «Указ имярек» и прежде никак не атрибутированный, целиком являет собой автограф царя Петра I. Какие-либо исправления в списке отсутствуют¹⁹. Таким образом, возможно со всей определенностью заключить, что наказ был полностью разработан будущим императором Петром Великим.

С внешней стороны окончательно оформленный Наказ от 9 декабря 1717 г. представлял собой скрепленный подписью Петра I документ, к которому был приложен список подлежащих расследованию уголовных дел («Реестр делам, врученных вам») ²⁰. С содержательной стороны наказ представлял собой, во-первых, учредительный акт об основании соответствующей следственной канцелярии, а во-вторых, в нем регламентировались полномочия канцелярии, ее формально-иерархический статус, регулировался ряд процессуальных процедур. Наконец, в наказе закреплялась ответственность руководящих должностных лиц канцелярии за ненадлежащее расследование полученных в производство дел.

Прежде всего необходимо отметить, что, согласно Наказу от 9 декабря 1717 г., впервые предусматривалось составление такого процессуального документа, который сегодня именуется обвинительным заключением, а в наказе был обозначен термин «приговор»²¹. В названном документе надлежало систематизировать данные, добытые в ходе следствия, а также сформулировать предъявленные обвинения — заодно с квалификацией преступного деяния. Выстраивать обвинительное заключение надлежало по «пунктам» — эпизодам обвинения: «О врученных делах прежде не доносить, пока все розыскано будет и на всякой пункт потписан будет приговор, чему хто будет достоин».

торском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1858. Кн. 3. Смесь. С. 18.

¹⁸ Филлигрань: герб Амстердама с подножием и литерами IAK.

¹⁹ См.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 626–628.

²⁰ См.: РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 69–70 об. В публикации наказа, адресованного Григорию Юсупову, приложенный реестр уголовных дел см.: Юсупов Н.Б. Указ. соч. С. 176.

²¹ В начале XVIII в. термином «приговор» именовалось любое решение органа власти, вынесенное коллегиально. Использование в наказе именно этого термина объяснялось тем, что все «майорские» канцелярии, учрежденные 9 декабря 1717 г., имели коллегиальное устройство.

Одновременно в наказе был специально оговорен запрет «майорской» канцелярии заниматься отправлением правосудия и приводить приговоры в исполнение: «Самому... никаких дел не кончать²² и эскуцей не чинить». Как представляется, в приведенных процессуальных нормах законодатель со всей определенностью отделил предварительное следствие от судебного разбирательства, что означало образование стадии предварительного расследования в отечественном уголовном процессе.

Кроме того, в процессуальном разделе Наказа от 9 декабря 1717 г. впервые регулировался порядок применения пыток в отношении обвиняемых из числа государственных гражданских служащих (а заодно детализировался — в отношении строевых и отставных военнослужащих). В характеризуемом наказе закреплялось право «майорской» канцелярии самостоятельно назначать пытку гражданским служащим в должности до вице-губернатора, а военнослужащим — в звании до младшего офицера.

Соответственно, назначение пытки младшим офицерам должно было санкционироваться военным судом («над обор-афицерами перво держать кригсрехт, и ежели улика будет, по тому пытать»). Приведенная норма имела глубоко новаторский характер, означая введение судебного контроля над применением пыток в российском военно-уголовном процессе (хотя и в ограниченном масштабе). В свою очередь, для пытки старших и высших офицеров и должностных лиц гражданской администрации от вице-губернатора и выше была необходима санкция непосредственно главы государства.

Примечательно, что в наказе особо пояснялось, что охарактеризованный порядок назначения пытки в отношении военнослужащих распространялся не на всех лиц, имевших воинские звания, а лишь на тех, которые проходили действительную военную службу. Для применения же пыток в отношении лиц, хотя и имевших офицерские звания, но никогда не состоявших на строевой службе, не требовалось санкции ни кригсрехта, ни царя («а которые в армии не служили... тех не почитать за афицеров, но за простых, и таких бес кригсрехта пытать, хто доведетца, не толко обор-, но и штапных») ²³. Достойно упоминания, что допросы высших должностных лиц, а также очные ставки с их участием в наказе предписывалось производить в помещениях Правительствующего сената («в палате сенацкой»).

Согласно Наказу от 9 декабря 1717 г., «майорской» следственной канцелярии предоставлялось право принимать (как от подследственных

²² То есть не выносить приговоры.

²³ То есть «штаб-офицеров», офицеров в звании от майора и выше.

и свидетелей, так и от сторонних лиц) заявления о преступлениях, совершенных против интересов службы (по формулировке законодателя, «дела государственному интересу касающиеся или... в великих неправдах и граблении народа»). Однако по материалам таких заявлений канцелярия могла осуществлять лишь, выражаясь по современному, доследственную проверку, а полномасштабное расследование могло начаться в данном случае лишь по указанию монарха и после окончания производства по делам, исходно порученным канцелярии. Завершая обзорные процессуальные разделы Наказа от 9 декабря 1717 г., необходимо отметить, что, констатируя в заключительной части наказа отсутствие в России современного единого кодифицированного акта («понеже Устава земского полного и порядочного не имеем»), законодатель предписал «майорской» канцелярии руководствоваться при квалификации обвинений нормами военно-уголовного законодательства.

Что касается формально-иерархического статуса «майорской» следственной канцелярии, то из положений наказа со всей очевидностью следовало, что канцелярия подчинялась непосредственно монарху, перед которым и отчитывалась о результатах расследования. В Наказе от 9 декабря 1717 г. оказался не упомянут ни один орган власти, уполномоченный давать «майорской» канцелярии какие-либо указания. Даже Сенат, согласно заключительному положению наказа обязывался (причем, «под опасением жестокого ответа») только оказывать следственной канцелярии содействие в вопросах кадрового обеспечения.

В единственной, внесенной в Наказ от 9 декабря 1717 г. уголовно-правовой норме определялась ответственность руководителей канцелярии за совершенные при осуществлении расследования преступления против интересов службы. За это презусам и ассессорам канцелярии грозила единственная санкция — смертная казнь. Как выразился законодатель во вступительной части наказа, «ежели ж какая мана²⁴, взятки или иная правды лишенная причина шестца, то без всякой пощады лишены будете живота и чести (ибо пример видите бывшего маеора Волхонского)».

Между тем, «пример бывшего маеора Волхонского» (главы первой следственной канцелярии России гвардии майора князя М.И. Волконского) руководители созданных 9 декабря 1717 г. следственных канцелярий могли «видеть» в прямом смысле слова. Дело в том, что того же 9 декабря 1717 г., по приговору военного суда, Михаил Волконский был публично расстрелян на Троицкой площади Санкт-Петербурга²⁵.

²⁴ То есть пристрастие.

²⁵ О судьбе М.И. Волконского подробнее см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских

Судя по всему, именно будущие презусы и ассессоры основанных 9 декабря 1717 г. канцелярий образовали кригсрехт, вынесший смертный приговор изобличенному в «неправдах» при расследовании «архангельского дела» князю Михаилу Ивановичу. Учитывая особенности характера Петра I, можно с уверенностью предположить, что списки наказа и реестры подлежащих расследованию уголовных дел будущий император вручил руководителям учреждавшихся канцелярий либо непосредственно на месте казни М.И. Волконского, либо в первые часы после нее.

Нормы, закрепленные в Наказе от 9 декабря 1717 г., отнюдь не остались мертвой буквой. Так, 11 марта 1721 г. Петр I, заслушав доклад следственной канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова, санкционировал пытку сановного подследственного — бывшего сибирского губернатора князя М.П. Гагарина²⁶.

В конце 1722 г. та же следственная канцелярия попыталась реализовать отмеченную выше норму о судебном контроле над применением пыток. 14 декабря 1722 г. канцелярия направила в Военную коллегия промеморию с просьбой рассмотреть вопрос о пытке бывшего коменданта Томска отставного капитана Р.А. Траханиотова, обвинявшегося в 84 (!) эпизодах получения взяток²⁷. В свою очередь 8 января 1723 г. Военная коллегия постановила передать дело Романа Траханиотова в Нижний воинский суд²⁸.

Далее, правда, возникла накладдка. Поскольку Наказ от 9 декабря 1717 г. не был обнародован типографски, а поэтому остался неизвестным судьям Нижнего воинского суда, они, не вполне уяснив из пересланной им декабрьской промемории следственной канцелярии, что именно от них требуется, рассмотрели дело бывшего томского коменданта по существу. В итоге 24 сентября 1723 г. суд приговорил Романа Траханиотова за взяточничество к смертной казни²⁹.

следователей: князь М.И. Волконский // Российский следователь. 2016. № 4. С. 50–55.

²⁶ РГАДА. Ф. 1451. Кн. 16. Л. 69.

²⁷ Российский военно-исторический архив. Ф. 8. Оп. 1. № 82. Л. 1–14. Решение следственной канцелярии заручиться в данном случае санкцией военного суда объяснялось тем, что Роман Траханиотов не только принимал участие в боевых действиях в ходе крымских и азовских походов, а также начального периода Великой Северной войны, но и имел тяжелое ранение, полученное в ноябре 1700 г. во время разгрома российских войск под Нарвой (Там же. Л. 13).

²⁸ Там же. Л. 15.

²⁹ Там же. Л. 30–32 об. Спустя четыре дня после вынесения приговора, 28 сентября 1723 г., содержащийся под стражей Р.А. Траханиотов скоропостижно скончался (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. № 2662. Л. 15 об.). Судя по всему, у немолодого уже взяточника не выдержало сердце.

Из архивных материалов также явствует, что наказом руководствовались не только «майорские» канцелярии (которым он был изначально адресован), но и иные специализированные органы следствия, а именно созданные в 1722–1723 гг. следственная канцелярия генерал-прокуратуры и Розыскная контора Вышнего суда. Вполне в соответствии с положениями наказа означенные канцелярия и контора не занимались отправлением правосудия, составляли обвинительные заключения, применяли пытки к высокопоставленным подследственным лишь с санкции монарха³⁰.

³⁰ См., например, обвинительное заключение Розыскной конторы Вышнего суда от 19 октября 1723 г. по делу С.Ф. Попцова (РГАДА. Ф. 248. Кн. 274. Л. 1026–1028). Уместно заметить, что, как явствует из следственных дел петровского времени, пытка назначалась органом следствия в случае упорного отрицания подследственным предъявленных обвинений — при наличии значительного объема изобличавших его материалов. В этом случае путем обобщения добытых следствием данных оформлялось развернутое мотивированное постановление о применении пытки. См., скажем, постановление

Остается добавить, что век первых отечественных органов следствия, нормативной основой функционирования которых стал Наказ от 9 декабря 1717 г., оказался недолог. Учрежденные для расследования относительно узкого круга резонансных (по современной терминологии) уголовных дел все эти органы были ликвидированы уже к 1726 г. С их упразднением утратил силу и Наказ от 9 декабря 1717 г., а стадия предварительного расследования вновь слалась со стадией судебного разбирательства.

Непосредственного же преемника Наказу от 9 декабря 1717 г. было суждено обрести лишь почти полтора века спустя. Таковым преемником Наказа «майорским» следственным канцеляриям явился, как представляется, Наказ судебным следователям от 8 июня 1860 г. Но это была уже совсем иная эпоха в развитии как уголовно-процессуального законодательства, так и органов следствия России.

следственной канцелярии генерал-прокуратуры от 8 ноября 1722 г. о пытке А.Я. Нестерова (Там же. Кн. 273. Л. 226–230).

Литература

1. Архив Правительствующего Сената / сост. П.И. Баранов. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1872. Т. 1. XXXI, 167 с.
2. Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого: провинция 1719–27 гг. / М.М. Богословский. М.: Univ. тип., 1902. XVI, 522, 44 с.
3. Веретеников В.И. История Тайной канцелярии петровского времени / В.И. Веретеников. Харьков: Тип. «Печатное дело», 1910. 215 с.
4. Донесение о московском большом пожаре мая 29 1737 года / публ. П.И. Иванова // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: Univ. тип., 1858. Кн. 3. Смес. С. 1–50.
5. Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г.: сводный каталог / сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич; под ред. П.Н. Беркова. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1955. 625 с.
6. «Розыскать накрепко, правдою, без всяких приказных крючков»: указы Петра I, Екатерины I и Сената в области судостроительства и уголовной политики. 1716–1726 гг. / публ. Д.О. Серова // Исторический архив. 2000. № 6. С. 200–211.
7. Серов Д.О. Законотворческий процесс в России первой четверти XVIII в.: традиции и новации / Д.О. Серов // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 8. С. 933–939.
8. Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование: монография / Д.О. Серов. М.: Зерцало-М, 2009. 488 с.
9. Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: князь М.И. Волконский / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2016. № 4. С. 50–55.
10. Серов Д.О., Федоров А.В. Очерки истории российских следственных органов / Д.О. Серов, А.В. Федоров. М.: Юрист, 2015. 318 с.
11. Центральный государственный архив древних актов СССР: путеводитель / сост. Ю.М. Эскин, М.В. Бабич, Е.Ф. Желуховцева. М.: Главархив СССР, 1992. Т. 2. 520 с.
12. Юсупов Н.Б. О роде князей Юсуповых / Н.Б. Юсупов. СПб.: Тип. Н. Тиблена, 1867. Ч. 2. XIII, 421, IV с.
13. Peterson, C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception / C. Peterson. Lund: A.-B. Nordiska Bokhandeln, 1979. XII, 448 p. (Rättshistoriskt Bibliotek. Bd. 29).

References

1. Arkhiv Pravitel'stvyuyushchego Senata [Archive of the Governing Senate] / compiled by P.I. Baranov. Sankt-Peterburg: Tip. Pravit. Senata — Saint Petersburg: Printing office of the Governing Senate, 1872. Vol. 1. XXXI, 167 s.
2. Bogoslovsky M.M. Oblastnaya reforma Petra Velikogo: provintsia 1719–27 gg. [The Provincial Reform of Peter the Great: Province in 1717 to 1927] / M.M. Bogoslovsky. Moskva: Univ. tip. — Moscow: University Printing Office, 1902. XVI, 522, 44 s.
3. Veretennikov V.I. Istoriya Tajnoj kantselyarii petrovskogo vremeni [The History of Peter the Great's Secret Chancery] / V.I. Veretennikov. Khar'kov: Tip. "Pechatnoe delo" — Kharkiv: Printing Business printing office, 1910. 215 s.
4. Donesenie o moskovskom bol'shom pozhare maya 29 1737 goda [Report on the Great Fire of Moscow of May 29, 1737] / publication by P.I. Ivanov // Chteniya v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom

- universitete [Readings in the Emperor Society for Russian History and Antiquities under the Moscow University]. Moskva : Univ. tip. — Moscow : University Printing Office, 1858. Book 3. Compilation. S. 1–50.
5. Opisanie izdaniy grazhdanskoj pečati. 1708 — yanvar' 1725 g. : svodnyj katalog [Description of the Civil Type Publications. 1708 to January 1725 : Union Catalogue] / compiled by T.A. Bykova, M.M. Gurevich ; edited by P.N. Berkov. Moskva – Leningrad : Izd. AN SSSR — Moscow – Leningrad : Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1955. 625 s.
  6. “Rozyskat’ nakrepko, pravdouy, bez vsyakh prikaznykh kryuchkov” : ukazy Petra I, Ekateriny I i Senata v oblasti sudoustrojstva i ugolovnoj politiki. 1716–1726 gg. [“To Find Quickly, Honestly, without Any Administrative Formalities” : Orders of Peter the Great, Catherine I and the Senate Concerning Judicial Organization and Criminal Policy. 1716 to 1726] / publication by D.O. Serov // Istoricheskij arkhiv — Historical Archive. 2000. No. 6. S. 200–211.
  7. Serov D.O. Zakonotvorcheskij protsess v Rossii pervoj chetverti XVIII v. : traditsii i novatsii [The Law Making Process in Russia in the First Quarter of the XVIII Century : Traditions and Innovations] / D.O. Serov // Aktual'nye problemy rossijskogo prava — The Relevant Issues of the Russian Law. 2013. No. 8. S. 933–939.
  8. Serov D.O. Sudebnaya reforma Petra I : istoriko-pravovoe issledovanie : monografiya [The Judicial Reform of Peter the Great : Historical and Legal Research : Monograph] / D.O. Serov. Moskva : Zertsalo-M — Moscow : Mirror-M, 2009. 488 s.
  9. Serov D.O., Fedorov A.V. Dela i sud'by rossijskikh sledovatelej : knyaz' M.I. Volkonsky [Affairs and Fates of Russian Investigators : Duke M.I. Volkonsky] / D.O. Serov, A.V. Fedorov // Rossijskij sledovatel' — The Russian Investigator. 2016. No. 4. S. 50–55.
  10. Serov D.O., Fedorov A.V. Oчерki istorii rossijskikh sledstvennykh organov [Essays on the History of the Russian Investigative Authorities] / D.O. Serov, A.V. Fedorov. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 2015. 318 s.
  11. Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv drevnikh aktov SSSR : putevoditel' [The Central State Archive of the Ancient Acts of the USSR : Guide] / compiled by Yu.M. Eskin, M.V. Babich, E.F. Zhelokhovtseva. Moskva : Glavarkhiv SSSR — Moscow : The Chief Archive of the USSR, 1992. Vol. 2. 520 s.
  12. Yusupov N.B. O rode knyazej Yusupovy'kh [On the Dynasty of the Dukes Yusupovs] / N.B. Yusupov. Sankt-Peterburg : Tip. N. Tiblena — Saint Petersburg : N. Tiblen's printing office, 1867. Part 2. XIII, 421, IV s.
  13. Peterson, C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception / C. Peterson. Lund : A.-B. Nordiska Bokhandeln, 1979. XII, 448 s. (Rättshistoriskt Bibliotek. Bd. 29).

DOI:10.18572/1812-3805-2017-24-26-33

Убийство поручика Ланского: перипетии судебного следствия (1722–1725 гг.)

*Кошелева Ольга Евгеньевна,
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории Российской академии наук,
доктор исторических наук
okosheleva@mail.ru*

В статье на основе архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, рассматривается совершенное в 1722 г. убийство поручика Г.А. Ланского. Главным в процессе судебного разбирательства являлся вопрос о том, было ли убийство преднамеренным или случайным. Автор показывает, что судьи манипулировали законодательством в пользу смягчения наказания убийце. Этот нетипичный случай позволяет раскрыть многие стороны осуществления судебного следствия в местных судах в петровское время.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебное следствие, убийство, пытка, Шацкий провинциальный суд, Воронежский надворный суд.

The Murder of Lieutenant Lansky: Twists of the Judicial Investigation (1722 to 1725)

*Kosheleva Olga E.
Leading Research Scientist of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Doctor of History*

The article is devoted to the study of lieutenant G. Lansky murder in 1722. The main difficulty in this trial was to decide had this murder been willful or not. On the base of archival sources author argues, that

the judges manipulated with laws to commute a sentence to the murderer. This odd casus reveals various sides of the juridical practice of Petrine times in provincial Russia.

Key words: penal proceeding, court investigation, murder, torture, Provincial court of Shatsk, Appeal court of Voronezh.

27 сентября 1722 г. в сельце Романове Шацкого уезда поручик Галактион Аггеевич Ланской выбежал в гневе со двора и, схватив попавшиеся под руку вилы, вскочил на коня и бросился в погоню. Мысль о том, что он уже никогда не вернется обратно в свой дом, не пришла ему в голову. Поручик быстро догнал двух крестьян, уносившихся от него вскачь, и попытался одного из них вилами сбросить с лошади, при этом поранив ему руку. В это время второй на скаку палашом отрубил Ланскому руку, а затем раскроил голову.

Слуга Ланского Иван Григорьев, увидев помещика убитым, побежал в город Шацк и там, в канцелярии провинциального суда, изложил обстоятельства случившегося. Провинциальные (или нижние) суды, к которым принадлежал Шацкий суд, были учреждены в 1722 г., до этого судебными делами занималась специализированная Шацкая канцелярия судебных, разбойных и розыскных дел.

Провинциальный суд состоял из судьбы (в роли которого выступал провинциальный воевода) и двух судебных асессоров, которые рассматривали уголовные и гражданские дела. В судебном и административном отношении Шацкий суд находился в подведомственности Воронежского надворного суда, который являлся для него апелляционной и ревизионно-решающей инстанцией.

Явившись в суд, слуга Ланского утверждал, что его господин выбежал из дома потому, что, заслышав шум, увидел, как крестьяне его соседа помещика Тимофея Подчеркова пытались увести со двора лошадей. Они изрубили Ланского «во многих местах до смерти», а к дому подъехали еще «человек 50» крестьян Подчеркова из деревни Романовские выселки, и эти «наглые озорники» хотели забрать тело. Но люди Ланского двор заперли, труп успели затащить в дом, а он, Григорьев, «тайно утек» в Шацк¹.

Из Шацка был срочно послан подьячий и солдаты с наказом взять двух крестьян, которых преследовал Ланской и которых Григорьев узнал в лицо и назвал поименно: дворовый человек помещика Подчеркова Иван Михайлов и его же крестьянин Иван Степанов сын Настасьин. Их нашли быстро, уже 28 сентября оба подозреваемых оказались в суде. Благодаря проворности слуги Ланского власти действовали столь стремительно, что

убийца даже не успел сбежать, что он в противном случае, конечно, сделал бы.

Закованных в кандалы арестантов привели в застенки и учинили допрос с пыткой перед воеводой Ф.Г. Ляпуновым. Допрос был крайне суровым: Ивану Михайлову дали 70 (!) ударов кнутом и притом жгли раскаленными клещами. Он сразу признал вину и показал следующее.

Ездили они с односельчанином Настасьиным в соседнее село Каверино для платежа подрядчику. На обратном пути они проезжали мимо сельца Романово, «и в то число из той деревни из двора своего вышед поручик... Ланской с людьми своими и крестьяны и погнал за ними... самодур на лошедах да крестьяне ево пешие, человек с двадцать с дубьем, а в руках у него, Лонского, были вилы, а у человека ево дубина. И догнав, он оного господина ево крестьянина поколол в руку вилами, а потом, де, догнал ево, Ивана, и он де, Иван, вынеп палаш, каторой при нем в то число был, и розсек ему, Лонскому, голову, да отсек левую руку, и изсекши ево, поехал в деревню помещика своего»².

Посредством пытки суду предстояло выяснить, совершено ли убийство «с умыслом» или случайно, в кого самозащиты. Проявление этой ситуации обуславливало приговор: убийство с умыслом означало смертную казнь, без оного — наказание кнутом. Поэтому в ходе допроса были заданы вопросы о характере отношений между обвиняемым и потерпевшим. Михайлов на них, заданных в конце пытки, видимо из последних сил, ответил так: «А прежде сего он, Иван, ево, Ланскому, смертное убийство учинить мстил за то, что он хвалился ево, Ивана, бить, и он, Иван, господина своего крестьянам приказывал, ежели он из них кого станет бить, чтоб они били ево, Лонского, до смерти»³. Иначе говоря, желание Михайлова расправиться с Ланским вызревало уже давно.

Через месяц допрос Михайлова повторили. Теперь ему дали 37 ударов уже перед другим воеводой Ф.Г. Чемодановым. Обвиняемый повторил дословно первую часть показаний, но изменил их в части его отношений с Ланским.

Теперь Михайлов показал, что Ланского убил «без вымысла». И слов о том, что если Ланской станет бить крестьян его поме-

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 994. Оп. 1. № 115. Л. 1.

² Там же. Л. 5–5 об.

³ Там же. Л. 6.

щика Подчеркова, то его надо будет убить, он не говорил, и ссоры никакой у него лично с Ланским не было. Однако «записано у него, Ивана, на Ланского явочное челобитье, что он, Ланской, хвалился ево, Ивана, убить до смерти»⁴.

Проверить последнее утверждение было затруднительно, так как Иван сказал, что не помнит, какого числа и в каком году подавалась челобитная. Но если бы она нашлась, то подтвердила бы необходимость обороняться от Ланского, который явно высказал намерение расправиться с Михайловым. От части же своих первоначальных показаний Михайлов на втором допросе отказался, заявив: «А что в прежнем расспросе говорил, что он Ланскому мстил, и что если Ланской ково станет бить, чтобы крестьяне помещика ево Ланского убили, то он с пытки не помнит»⁵.

Одновременно допрашивали взятых в суд крестьян Подчеркова, так как дворовый человек Ланского показал, что после убийства из лесу выехали крестьяне Подчеркова и «кружили вокруг двора с дубьем и дрекольем». Михайлов также назвал односельчан, которых он встретил, когда те вышли ему навстречу из леса.

Поэтому их стали ставить к допросу всех подряд, очутились в застенке и те, кто к убийству никак не был причастен. На допросах они ничего по делу не показали. Появление из лесу нескольких из них оказалось случайностью, и вскоре их всех отпустили. Убийство Ланского в результате крестьянского заговора доказать не удалось.

Ивана Михайлова снова пытали 19 декабря и 15 января 1723 г., когда ему было дано по 40 ударов. Оба раза он повторил те же показания. На заседании суда от 19 января 1723 г. был поставлен вопрос и о судьбе убийцы и принято решение «учинить выписку⁶ с ясным доказательством к решению немедленно». Сам Михайлов подал челобитную в суд с просьбой о скорейшем решении его дела, ибо все пытки он прошел, во всем «винился» и сидит теперь «напрасно» в тюрьме, «помирая голодною смертию»⁷.

Приговор, однако, был вынесен только 30 августа 1723 г. Его мотивировочную и резолютивную части представляется уместным привести полностью: «...Приводного Тимофеева человека Подчеркова смертноубийцу Ивана Михайлова ис-под караула освободить и отдать того ж помещика старосте и крестьяном с роспискою, ддя того, против челобития

поручика Голохтионова человека Лонского Ивана Григорьева оной убивца Иван Михайлов с первья пытки, с огня винился, что де он поручика Голактиона Ланского убил до смерти, мстя злобу, а после того, октября 30 да декабря 19 прошлого [1]722 года, да генваря 15 числа [1]723 году оной смертноубоец Иван Михайлов в переменных словах с трех пыток говорил, что убил ево без умыслу, боронясь от себя⁸, потому что де он, Лонской, учал ево бить вилами, а преж сего... убивства над ним учинить не мстил и крестьянам его, Ланского, бить до смерти не приказывал. А в Соборном Уложении в 21 главе в сотой статье напечатано: по трем пыткам зговору верить, да в той же главе в седмой на десять статье напечатано: будет кто кого убьет, а с пытки тот убойца в том убивстве начнет говорить, что он убил в драке, а не умышлением или пьяным делом, и тех смертью не казнить. ...И дав на чистую поруку, по тому ево, убийцу Ивана Михайлова, и свободить, и при свободе учинить ему наказание, бить кнутом нещадно». Приговор подписали асессор капитан Москатинев и секретарь Алексей Смирнов⁹.

Так закончился первый акт трагедии в Шацком уезде. Однако из вышесказанного остается непонятым, что же к ней привело и что произошло в суде? Почему возникло кровавое столкновение дворового человека Михайлова с поручиком Ланским? Следствие не интересовалось в тот период причинами преступлений, судьбы стремились только точно подтвердить сам факт его совершения. Постараемся реконструировать причины конфликта на основании сведений, полученных из материалов дела и других документов.

Кем был дворовый человек Иван Михайлов? Совершенно очевидно, что он — далеко не рядовой крепостной слуга, а доверенный человек помещика Т.К. Подчеркова, приказчик этого сельца. Ему были вручены немалые деньги, которые он вез для расплаты с подрядчиком, а второго крестьянина — Ивана Настасьина взяли для охраны, ибо опасность нападения на одинокого путника была весьма велика.

Совершенно очевидно, что палаш был взят также для защиты от возможных налетов (обычно крестьяне с палашами не разъезжали). Палаш — холодное оружие с прямым длинным клинком получил распространение в России в правление Петра I как штатное вооружение драгунских полков. Не исключено, что палаш принадлежал помещику Тимофею Подчеркову, однако что-либо узнать о нем не удалось. Помещик никак не участвовал в суде

⁴ Там же. Л. 8 об.

⁵ Там же.

⁶ То есть краткое изложение материалов дела.

⁷ РГАДА. Ф. 994. Оп. 1. № 115. Л. 37.

⁸ То есть защищаясь.

⁹ РГАДА. Ф. 994. Оп. 1. № 115. Л. 42 об.

над своим дворовым, создается впечатление, что он отсутствовал в имении. Среди дворянских фамилий Подчерковы не значатся, и других помещиков с этой фамилией в Шацком уезде тоже никогда не было¹⁰.

Михайлов упоминал, что он подавал в Шацкую канцелярию челобитную с объявлением о том, что поручик Ланской грозился его убить. Для обычного дворового человека подавать такую жалобу на дворянина и офицера было весьма неординарно. Обращает на себя внимание и то, что Михайлов мог сам давать указания крестьянам Подчеркова, что следует делать, если Ланской станет их бить. И эти указания были весьма агрессивны — убить Ланского. Из всего этого вырисовывается руководящее положение Михайлова в имении Подчеркова.

Некоторые сведения есть и о Ланском. Род Ланских, известный с XVI века, состоял из бедных представителей дворянства до тех пор, пока не прославился тем, что один из Ланских стал фаворитом Екатерины II, а другой — мужем вдовы А.С. Пушкина. Сведения о Галактионе Аггеевиче имеются в переписи 1710 г. Подлесского стана Шацкого уезда. Их сообщил переписчиком уже знакомый нам слуга Ланского Григорьев. Его хозяину в 1710 г. было 30 лет, следовательно, он родился в 1680 г., а убит был в сорокадвухлетнем возрасте.

В 1710 году поручик Ланской уже владел селцом Романовым, которое получил в качестве приданого за Авдотьей Петровной Тарбеевой, младшей дочерью дворянина П.Г. Тарбеева. Галактион Аггеевич поселился в доме жены, поскольку в 1710 г. тут жила вся ее семья: мать и 12-летняя младшая сестра. Род Тарбеевых, с которым породнился Ланской, издавна владел землями в Шацком уезде¹¹. Сам же поручик в 1710 г. находился вне дома на военной службе.

К 1720 году Ланской вернулся к семье и стал общаться с соседями, о чем узнаем из нескольких заведенных на него судебных дел о бесчестье. В ноябре этого года он заехал к приказчику Григорию Данилову в село Агишево, вотчину В.Д. Алсуфьева, дворецкого царицы Екатерины Алексеевны. Целью его приезда, как сам Ланской об этом пишет, была «соседская ссора», в которой люди Алсуфьева «отняли у моих людей и крестьян топоры»¹².

Здесь у Ланского произошла стычка с попом Максимом, приехавшим служить праздничную литургию. Поп подал на Ланского иск

о бесчестье, что он его «бил по щекам и окровил». 26 ноября 1720 г. состоялся судебный процесс, на котором выступили истец и ответчик. Судебное решение в этом деле, однако, отсутствует.

Через несколько дней после судебного разбирательства с попом Максимом на поручика Ланского поступила новая жалоба в бесчестье от того самого Григория Данилова, приказчика В.Д. Алсуфьева, с которым, как мы уже знаем, у Галактиона Аггеевича были соседские ссоры. 29 ноября Данилов был в гостях у комиссара Апушкина на постоялом дворе. Там же по какой-то причине (тоже в гостях?) оказался и поручик Ланской.

Согласно заявлению истца, в доме комиссара Галактион Ланской «мать мою и жену бранил матерно и всякими непотребными словами при свидетелях»¹³. Примечательно, что на поручика-дворянина подал иск в бесчестье приказчик, дворовый человек, т.е. персона, стоящая намного ниже его на социальной лестнице. Но этот приказчик имел весьма влиятельного хозяина, служившего при императорском дворе, и находился в дружеских отношениях с комиссаром, приглашавшим его в гости.

На требование явиться в суд поручик вызывающе ответил: «В канцелярию не пойду, а пойду де к судье. А хотя оной Данилов доищется своего бещестья, и я ему, что собаке, пять рублей заплачу». Как бы то ни было, через некоторое время истец и ответчик явились в суд о своем примирении¹⁴.

Эти судебные дела слегка приоткрыли окошко, через которое видны эпизоды из жизни поручика Ланского и даже слышны некоторые его слова. Он был небогатым, с неудавшейся карьерой, живущим в захолустье дворянином, который общался более с приказчиками и подьячими, а не с местным городским дворянством. Он бранился и затевал ссоры с соседями и был настолько несдержан, что бил крестьян своего соседа Подчеркова до такой степени, что те мечтали его убить.

Однако жизнь Ланского не выходила за рамки провинциальной обыденности: недобрые соседские отношения были обычной чертой того времени. Те, кто не имеет возможности познакомиться с многочисленными архивными делами о дворянских ссорах, могут представить их характер по хрестоматийно известной повести А.С. Пушкина «Дубровский».

Ссоры во многом были вызваны разделом одного поместья на несколько частей (жеребей) с разными хозяевами. В таком тесном соседстве не могло не возникнуть споров по межеванию, порубке леса, потраве и еще по

¹⁰ См.: Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди / сост. И.П. Алябьев. Ульяновск, 2014. С. 378–394.

¹¹ См.: Шацкий уезд XVII века. С. 26–196, 379; РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. № 460. Л. 404–405.

¹² РГАДА. Ф. 994. Оп. 1. № 24. Л. 3 об.

¹³ Там же. № 27. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 10.

множеству причин. Село Романово тоже издавна имело нескольких хозяев, построивших в нем свои помещичьи дома.

В писцовых книгах 1617 и 1646 гг. оно во всех случаях названо весьма витиеватым образом: «село Романово Ужниковы дубровы к Вертячей дуброве на Дубовом враге» — и постоянно имело не менее трех владельцев, не состоявших между собою в родстве¹⁵. Очевидно, что и деревня Подчеркова «Романовские выселки» являлась бывшей землей села Романова, отмежеванной от него по какой-то неизвестной причине. Такое слишком тесное соседство неизбежно вызывало конфликты.

Итак, убийца поручика Ланского Иван Михайлов был осужден за неумышленное убийство. Как это случилось? По закону убийца должен был подвергаться пытке три раза¹⁶. Таков был обычай, который в дальнейшем подтвердило Соборное уложение 1649 г. Но Михайлов на второй пытке изменил свои показания.

При повторении преступником в процессе трех экзекуций одних и тех же свидетельств он освобождался на поруки. Поэтому Михайлова пытали еще три раза¹⁷, и все три раза он стоял на своем.

Вместе с тем в сюжете о пытках, которым был подвергнут обвиняемый Михайлов, вырисовалось странное обстоятельство. Если запись показаний при двух первых пытках Михайлова сопровождается указанием на то, что они получены в присутствии воеводы, судьи и ассессоров, то записи показаний при третьей и четвертой пытках не имеют ни упоминания, в присутствии каких должностных лиц они проводились, ни их подписей¹⁸. Не были ли эти пытки проведены только на бумаге?

Такое подозрение возникает при непосредственном знакомстве с документами. Из дела известно, что судья воевода Федор Ляпунов, проводивший первый допрос убийцы, был сам вызван в суд в Воронеж, и с октября 1722 г. все дела подписывают только два человека: судебный ассессор капитан Авраам Москатинев и секретарь Алексей Смирнов. Приговор Михайлову был также вынесен не коллегиально (судья и два ассессора), как того требовал закон, а только одним Москатиневым.

Однако приговор не был приведен в исполнение, и Михайлов продолжал оставаться в тюрьме. Дело в том, что вернувшийся в Шацк Федор Ляпунов был возмущен этим приговором и приостановил его исполнение. Пересмотреть дело и изменить принятое судебное решение мог Воронежский надворный суд, о чем его и просил в своем доношении от 5 мая 1724 г. Ляпунов, ссылаясь на недавнее законодательство: «А в указе его императорского величества и в Сенате от 1722 года ноября 10 дня... такие дела отсылать в надворные суды»¹⁹.

Совершенно очевидно, что воевода сослался в данном случае на именную указ от 10 ноября 1721 г. (хотя и спутав год его издания), в котором детально регулировался порядок утверждения надворными судами приговоров нижестоящих судов, в которых в качестве санкций предусматривалась смертная казнь или ссылка на каторгу²⁰. Так что с формальной стороны обращение Ф.Г. Ляпунова в надворный суд было не вполне корректным, поскольку Ивана Михайлова приговорили лишь к наказанию кнутом, а это вовсе не требовало утверждения в Воронеже. Вместе с тем не вызывает сомнений, что воевода имел определенные основания попытаться опротестовать приговор, вынесенный убийце поручика Ланского.

Проявив очевидную искусственность в уголовном судопроизводстве, воевода Федор Григорьевич резонно отметил в доношении, что ассессору Аврааму Москатиневу «без совету всего провинциального суда и без главного командира»²¹ такие смертные дела решать не надлежало». Он указал и на то, что «убийца в первом допросе винуясь, что убил с умыслом», и лишь потом говорил, что убил без умысла, «отбывая смерти». «А приехал [Михайлов] под ево [Ланского] деревню вооруженною рукою и рубил ево ругателски. Шпагою разрубил ему, Ланскому, голову пополам и отсек руку прочь, а на себе никакой раны не показал, и потому по всему знатно ево умысел». Ланской же «выезжал к нему [Михайлову] без ружья, о чем показано ясно в деле»²².

Иначе говоря, вооруженный палашом Михайлов не был вправе говорить о самообороне, когда на него нападал безоружный. Кроме того, явочное челобитье, в котором Михайлов жаловался на то, что Ланской грозилась его убить, свидетельствует о наличии между ними давней ссоры. Основываясь на вышесказанном, Ляпунов велел «тот приговор

¹⁵ Шацкий уезд XVII века. С. 41–45.

¹⁶ Я благодарю Е.В. Акельева за указания на документы, регламентировавшие проведение пыток.

¹⁷ Н. Коллманн отмечает, что четыре пытки — это редчайшие случаи, «это очень много для неполитических преступлений» (Коллманн Н. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / пер. с англ. М., 2016. С. 202).

¹⁸ РГАДА. Ф. 994. Оп. 1. № 115. Л. 20, 30 об.

¹⁹ Там же. Л. 44.

²⁰ См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 6. № 3847. С. 452–453.

²¹ То есть без провинциального воеводы.

²² РГАДА. Ф. 994. Оп. 1. № 115. Л. 43–43 об.

отставить и... действия по нему никакова не производить»²³. Убийцу же и судебное дело на 48 листах он распорядился послать на четыре подводах с конвоем в Воронеж.

В Воронежском надворном суде отреагировали на воеводское доношение быстро, но сугубо формально. Уже 26 мая 1724 г. колодник Михайлов и его дело были отправлены обратно в Шацк с предписанием суда прислать разъяснение, почему именно ассессор Москатинев так поступил²⁴.

Во исполнение этого предписания ассессор составил подробный ответ на обвинения судьи-воеводы, в котором отметил, в частности: «Приговор [Михайлову] был учинен... по Уложению 21 главы... и он стоит не противно указам для того, что оной смертной убийца Михайлов с одного розыску говорил, что убил ево, Лонского, с умыслу, а с трех розысков с пыток, говорил, что убил без умыслу, а по его императорского величества указам, по Уложению, кто о чем с трех пыток учнет говорить, то велено и верить, против чего то и учинено, понеже кроме оных указов приличных в канцелярии Шацкого провинциального суда к тому делу других, что ему, Михайлову, за то учинить, не сыскано. А тот приговор учинен без него, воеводы, и без ассессора Жукова для того, что он, воевода, по присланному его императорского величества указу с Воронежа из губернской канцелярии взят в неисправностях... к суду. И по отбытии своем на Воронеж предложил мне писменно всякие дела, находящие в Шацком провинциальном суде, исправлять, как указы ево императорского величества повелевают. ...А ассессор Жуков в то время уволен был в дом свой житьем от него ж, господина воеводы Ляпунова»²⁵.

Таким образом, Москатинев не стал вдаваться в вопрос о противоречиях в показаниях Михайлова, на что указывал Ляпунов, а указал лишь на формальное соответствие его действий нормам Уложения 1649 г. Тому, что он принимал судебные решения самостоятельно, Москатинев также имел весомое оправдание: он представил в Воронеж адресованное лично ему письмо Федора Ляпунова от 6 августа 1723 г., в котором тот писал: «А провинциальные дела до прибытия моего велено приказать ассессорам... и до прибытия моего отправлять до возвращения нашего в Шацк. И делать по указам»²⁶.

Это «ответствие» Москатинева в Воронежском надворном суде получили 2 июля 1724 г. вместе с копией приговора Михайлову и с са-

мом колодником Михайловым, которого вновь этапировали в Воронеж, для того чтобы суд наконец-то принял решение о том, какую ему следует «чинить экзекуцию». Но в слушании по делу воронежские судьи оказались вновь не удовлетворены действиями шацких коллег.

В решении Воронежского надворного суда отмечалось, что, действительно, по указам надворным судам велено «чинить экзекуции» по приговорам нижних судов, однако из Шацка прислали с колодником один документ — приговор с резолюцией его освободить и другой документ с опровержением первого приговора. Поскольку в этих документах из Шацка конкретно о приведении приговора в исполнение не упомянуто, суд не знает, какую экзекуцию утвердить, и постановляет отправить колодника обратно.

В Воронеже явно не хотели вникать в это дело и пересматривать его, как о том просил Ляпунов. Вероятнее всего, по причине того, что надворные судьи не справлялись с массой дел, которая в них поступала. Вопрос о пересмотре приговора даже не обсуждался. Объяснения Москатинева сочли достаточными, хотя ничего убедительного по существу дела в них сказано не было.

В итоге всего этого избалованный в убийстве Иван Михайлов был освобожден из-под караула на поруки 14 апреля 1725 г. по амнистии в связи с восшествием на престол императрицы Екатерины I. Приговор подписали ассессоры Москатинев и Жуков, а также секретарь Смирнов²⁷. Юридически грамотный воевода Ляпунов был смнен в ноябре 1724 г., а новый воевода в данном заседании провинциального суда не участвовал.

Вышеизложенная история о том, как крепостной дворовый человек в результате бытовой ссоры зарубил насмерть палашом дворянина и офицера российской армии и по решению суда сначала был признан виновным в непредумышленном убийстве, а потом амнистирован, представляется не совсем обычной. Даже сама картина стычки, в которой дворовый человек действует воинским оружием — палашом, а офицер — крестьянским — вилами, кажется абсурдной. Почему же судьи, в которых заседали исключительно местные дворяне, сохранили жизнь убийце из дворовых людей, хотя его вина была очевидна?

Конечно, в точности мы этого никогда не узнаем. Однако об отношениях в обществе, где судебные тяжбы занимали большое место, данный казус кое-что говорит. Вражда, существовавшая между жителями различных провинциальных имений, в гораздо меньшей степени существовала в «классовом ви-

²³ Там же.

²⁴ РГАДА. Ф. 994. Оп. 1. № 115. Л. 44, 50.

²⁵ Там же. Л. 52.

²⁶ Там же. Л. 53.

²⁷ Там же. Л. 59.

де», т.е. между помещиками и крестьянами, чем между самими дворянами²⁸ совместно с их крепостными. Поручик Ланской был человеком несомненно конфликтным и маргинальным среди местного дворянства, и судьей мало затронула его гибель. Тем более что, кроме его слуги, за потерпевшего никто не ходатайствовал.

Данный казус интересен и в контексте судопроизводства. Как видим, шацкий воевода Федор Ляпунов стремился принимать деятельное участие в судебных процессах, но у него хватало других забот, и это не совсем получалось. Н. Коллманн, работая с делами Арзамасского провинциального суда в петровское время, отмечала, что здесь воевода в заседаниях вообще не принимал участия, работали в суде два ассессора, а иногда и вовсе один²⁹.

Таким образом, в том, что ассессор Москатинов принимал свое решение по делу Ланского в одиночестве, не представляет собой ничего из ряда вон выходящего. Иначе говоря, коллегиальное принятие решений судьями имело место далеко не всегда.

Что же касается закрепленной в законе руководящей роли вышестоящего органа правосудия, то и она не сыграла здесь положительной роли. Попытка Шацкого провинциального суда обратиться в Воронежский надворный суд с тем, чтобы там рассмотрели обоснованность приговора, не привела к решению по существу, а только к затягиванию дела.

Между тем ситуация, в которой произошло убийство Ланского, как представляется, вполне подпадала под действие ст. 198 гл. 10 Соборного уложения 1649 г., которая приоритетно применялась как в Шацком суде, так и во всех других судах империи. Статья эта гласила: «А будет кто приедет к кому-нибудь на двор насильством, скопом³⁰ и заговором, умысля воровски, и учинит над тем, к кому он приедет... смертное убийство, а същется про то допряма, и того, кто такое смертное убийство учинит, самого казнити смертию же»³¹.

Поскольку, как утверждал слуга Ланского, Михайлов и Настасьин заехали на двор к поручику, для того чтобы украсть лошадей (да еще

в сопровождении односельчан), то это именно такой случай. Почему при вынесении приговора Михайлову в Шацком провинциальном суде приведенная статья оказалась проигнорирована, остается очередной загадкой.

В какой-то степени к случаю Ланского могла подойти также и ст. 22 гл. 22: «А буде он [крепостной] над кем смертное убийство учинит своим умышлением, без ведома того, кому он служит, и тот, кому он служит, изымав его приведет в приказ, и про такое убийство сам известит, и тому, чей тот человек, того убийственного дела в вину не ставить, а человека его, которой такое смертное убийство учинит, казнити смертию»³². Хотя суть отмеченной нормы заключалась в невинности хозяина, если его слуга совершил убийство, казнь слуги здесь определена без оговорок. И это тоже случай убийства Ланского, но шацкие судьи не учли при постановлении приговора Михайлову и эту статью.

В центре процесса эту Михайловым оказался вопрос о том, было ли осуществлено убийство с умыслом или непредумышленно? В Соборном уложении они четко разделялись (гл. 21, ст. 72 и 73)³³. Воевода-судья Ляпунов приводил доводы тому, что убийство произошло из мести, умышленно, анализируя речи первого допроса. Ассессор А. Москатинов же считал, что имела место самозащита, и отрицал возможность смертной казни, основываясь именно на ст. 73 гл. 21 уложения.

Никаких следственных действий, которые могли бы прояснить эту ситуацию и доказать умысел, не производилось. Суд принял во внимание исключительно показания Михайлова, данные им под пыткой.

Современный правоприменитель счел бы, вероятнее всего, что убийство Ланского Михайловым случилось спонтанно, в состоянии аффекта, и от такого оружия, как вилы, в руке разъяренного поручика необходимо было защищаться. Но опустить руку с палашом на голову Галактиона Ланского, безусловно, подтолкнула Михайлова месть и ненависть к нему. Иными словами, обе трактовки характера убийства оказались верными. Но карты судьбы легли в пользу Михайлова, и он, хотя и с трудом, но выиграл эту «партию» в судебном разбирательстве, ставкой в которой была его жизнь.

²⁸ Подробнее см.: Каменский А.Б. Россия в XVIII столетии. Общество и память. СПб., 2017. С. 136–212.

²⁹ Коллманн Н. Указ. соч. С. 251–252.

³⁰ То есть группой.

³¹ Российское законодательство X–XX вв. / сост. А.Г. Маньков, Т.Е. Новицкая [и др.] ; под ред. А.Г. Манькова. М., 1985. Т. 3. С. 134.

³² Там же. С. 250.

³³ Там же. С. 242.

Литература

1. Каменский А.Б. Россия в XVIII столетии. Общество и память / А.Б. Каменский. СПб. : Алетей, 2017. 338 с.
2. Коллманн Н. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / Н. Коллманн ; пер. с англ. М. : НАО, 2016. 616 с.

3. Российское законодательство X–XX вв. / сост. А.Г. Маньков [и др.] ; под ред. А.Г. Манькова. М. : Юрид. лит., 1985. Т. 3. 512 с.
4. Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди / сост. И.П. Алябьев. Ульяновск : УлГУ, 2014. 472 с.

References

1. Kamensky A.B. Rossiya v XVIII stoletii. Obshchestvo i pamyat' [Russia in the XVIII Century. The Society and Memory] / A.B. Kamensky. Sankt-Peterburg : Aleteya — Saint Petersburg : Aleteya, 2017. 338 s.
2. Kollmann N. Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni [Crime and Punishment in Early Modern Russia] / N. Kollmann ; translated from English. Moskva : NLO — Moscow : New Literature Review, 2016. 616 s.
3. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. [The Russian Laws of the X to XX Centuries] / compiled by A.G. Mankov [et al.]; edited by A.G. Mankov. Moskva : Yurid. lit. — Moscow : Legal Literature, 1985. Vol. 3. 512 s.
4. Shatskij uезд XVII veka. Gosudarevy' sluzhily'e lyudi [The Shatsky Uezd of the XVII Century. The Monarch's Service Class People] / compiled by I.P. Alyabyev. Ulyanovsk : UIGU — Ulyanovsk : USU, 2014. 472 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2017-24-33-38

Рассмотрение уголовных дел в органах правосудия Урала в 1720-х — начале 1730-х гг.

*Бородина Елена Васильевна,
старший научный сотрудник
Института истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат исторических наук
sosnovi-bor@yandex.ru*

Статья посвящена изучению практики уголовного судопроизводства в России на завершающем этапе проведения реформ Петра Великого. В основной части статьи рассматриваются вопросы организации судебного процесса по уголовным делам в 1720-е гг. в Уральском регионе. На основе широкого круга документальных источников автором произведена реконструкция деятельности региональных органов власти, функционировавших на территории Сибирской губернии, выявлены основные стадии судебного процесса, а также особенности реализации судебных приговоров в условиях Урала.

Ключевые слова: Российская империя, Петр Великий, Сибирская губерния, судебная реформа, процессуальное законодательство, разыскной процесс.

Criminal Case Review by the Ural Justice Authorities in the 1720s to Early 1730s

*Borodina Elena V.
Senior Research Scientist of the Institute of History and Archeology
of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences
Candidate of Historical Sciences*

The article is devoted to the study of the criminal proceedings in Russia at the final stage of the reforms of Peter the Great. The main part of the study deals with the criminal court procedure took place during 1720s. Based on a wide range of documentary sources, the author reconstructed the activity of regional authorities which functioned on the territory of the Siberian province, revealed main stages of the trial, and peculiarities of implementation of judicial sentences in the Urals.

Key words: Russian Empire, Peter the Great, Siberian region, court reform, procedural law, inquisitorial process, reforms of the 1st quarter of the 18th c.

Состояние правосудия является, с одной стороны, показателем развития правосознания и правовой культуры общества, с другой

стороны, позволяет понять механизмы регуляции общественных отношений, выявить основные инструменты социального контроля.

Эволюция уголовного судопроизводства в этом отношении представляется прекрасным индикатором, иллюстрирующим уровень юридической практики в тот или иной период истории.

Одним из переломных моментов в российской процессуальной практике можно назвать время правления Петра Великого, традиционно ассоциирующееся у исследователей со значительными трансформациями во всех сферах жизни общества. В годы преобразований первой четверти XVIII в. не была обойдена вниманием и правовая система зарождавшейся Российской империи, в ходе реформы которой были созданы как судебные учреждения, так и новое законодательство, посвященное вопросам функционирования судов. Так, в течение 1717–1727 гг. в стране были учреждены и функционировали самостоятельные органы суда на уровне губерний, провинций и уездов / дистриктов с разной степенью подчинения преданиям исполнительных органов власти на местах¹.

Кроме того, по замыслу первого российского императора, на смену Соборному уложению 1649 г. следовало прийти новым законам, содержащим нормы по организации судебного процесса. За время правления Петра I было принято несколько нормативных правовых актов, уточнявших принципы осуществления гражданского и уголовного процессов. Наиболее известные из них — Указ «Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей, и о пошлинных деньгах» 1697 г., «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» 1715 г. и Указ «О форме суда» 1723 г.

Данные нормативные правовые акты содержали совершенно различные принципы функционирования правосудия. Так, указ 1697 г. традиционно связывают с развитием разыскных начал в судопроизводстве. «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» 1715 г. заложило принципы реализации суда и следствия в армии. Указ «О форме суда» 1723 г. провозгласил необходимость введения состязательного процесса. В связи с этим многие исследователи акцентируют внимание на частоте смены оснований, которые утверждали эти законы в практике осуществления судопроизводства².

Несмотря на это, ряд историков права отмечают, что они не создали новых норм процессуального права в России, а лишь способствовали систематизации и развитию процессуального законодательства³. Основной целью указов являлось стремление избавиться от судебной волокиты, обеспечить законность и справедливость судебных решений⁴.

Появление новых законодательных актов создавало предпосылки для трансформаций судебной практики, но не означало быстрой смены реальной процедуры судопроизводства. Протяженность территории Российской империи не способствовала быстрому распространению информации о новых указах. Доставка законодательных актов и иных распоряжений в отдаленные уголки империи могла занимать от нескольких месяцев до года. Одной из причин такой ситуации в первую очередь следует назвать неудовлетворительное состояние транспортной сети, которая характеризовалась неразвитостью и сезонностью дорожного сообщения⁵.

Второй, не менее значимой причиной являлась организация канцелярского документооборота. Все нормативные и распорядительные документы, поступавшие из столицы в губернские органы и учреждения, многократно переписывались канцелярскими служащими от руки, поскольку количество печатных экземпляров было ограничено.

Такой вид тиражирования требовал значительных усилий и времени, тогда как число соответствующих актов, исходящих от центральной власти, постоянно увеличивалось. Так, например, количество указов из Юстиц-коллегии и других органов власти, переписанных в канцелярии Тобольского наместничества и пересланных им для сведения и исполнения в нижестоящие органы правосудия Сибирской губернии, составило 165 в 1722 г., 645 в 1723 г. и 1020 (!) в 1724 г.⁶

Как правило, пакеты, переправлявшиеся из центров губерний и провинций на места, содержали несколько указов, присланных в разное время из Москвы или Санкт-Петербурга. Копирование, аккумуля-

³ Там же. С. 396.

⁴ Латкин В.Н. История русского права периода империи XVIII–XIX вв. 2-е изд. СПб., 1909. С. 612; Памятники права в период единодержавия Петра I: учебно-научное пособие / под ред. Р.Л. Хачатурова. М., 2014. С. 356–357.

⁵ Подробнее см.: Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху Петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 356–392.

⁶ Бородина Е.В. Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. Екатеринбург, 2012. С. 162.

¹ Подробнее см.: Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М., 2009. С. 143–270.

² Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 4. СПб., 1859. Ст. 401–411; Российское законодательство X–XX вв. / под ред. А.Г. Манькова. М., 1986. Т. 4. С. 730.

ция и транспортировка указов не способствовали быстрому получению распоряжений в каждом уезде и дистрикте⁷.

Таким образом, рубеж XVII–XVIII вв. характеризуется активностью преобразований и высокой степенью интенсивности законодательной деятельности при неудовлетворительном состоянии системы коммуникации. Данное противоречие ставит перед нами вопрос о скорости распространения нововведений по территории всей страны и требует обращения внимания на состояние правосудия в удаленных регионах государства.

Для понимания процесса принятия и укоренения преобразований на местах обратимся к анализу функционирования органов суда, созданных на Урале в 20-е гг. XVIII в., а также их преемников, получивших судебные полномочия после ликвидации судебных канцелярий в 1727 г. Уральские горы представляли собой естественную границу между Европейской Россией и Сибирью и являлись транзитной зоной, через которую происходило сообщение между двумя частями Российского государства.

На момент организации в регионе реформированных органов правосудия четкого разделения дел, поступавших в их производство, на гражданские и уголовные не было. Более ясное представление о разнице в рассмотрении таких дел сложилось лишь в последней четверти XVIII в., в годы правления Екатерины II (отражением чего, в частности, явилось создание в губерниях в ходе административно-судебной реформы 1775 г. обособленных палат уголовного суда и гражданского суда). В связи с этим, как и в предыдущем столетии, принципиальных различий в подходах к рассмотрению дел, поступавших в органы правосудия, не существовало⁸.

В 1720-е годы Урал входил в состав самой крупной губернии Российской империи — Сибирской. Указом от 19 января 1718 г. в Тобольске, как и во многих других губернских центрах страны, был учрежден гофгерихт — надворный суд⁹. До 1722 года Тобольский надворный суд оставался главным судебным учреждением губернии, пока власть не приняла решение о создании надворного суда в Енисейске. Так административно-территориальная единица была поделена на два судебных округа¹⁰.

В подчинении надворных судов находились провинциальные суды и городовые судьи.

Если провинциальные суды, судебное присутствие которых формировалось на коллегияльных началах, так и не были созданы в губернии, канцелярии городских судей были учреждены в течение 1721–1722-х гг. для одного или нескольких уездов. Так, например, были созданы Соликамская, Вятская, Кунгурская, Уктусская и Каменская судебные канцелярии¹¹. На втором этапе преобразований (1722–1727 гг.) все «нижние меньшие суды» были упразднены. Судебные полномочия в провинциальных центрах оказались в руках воеводы и коллегии ассессоров, а в удаленных от них на 200 верст и более населенных пунктах предписывалось образовать суды во главе с судебными комиссарами¹².

Наряду с судами общей юрисдикции судебные полномочия имели полковые кригсрехты — военные суды и другие органы власти, которые вершили суд над своими подчиненными (например, Сибирский обербергамт, главный орган управления горнодобывающим производством и медными и железоделательными заводами) или между представителями отдельных социальных групп (например, Кунгурский и Тюменский городовые магистраты). После решения о закрытии «меньших нижних судов» в 1726 г. в сфере юрисдикции некоторых таких органов оказалось судопроизводство и по ряду других случаев¹³.

В 1727 году в стране начинается процесс упразднения надворных судов¹⁴. Полномочия судов были переданы губернаторам и воеводам или, в их отсутствие, иным региональным органам власти (например, земским конторам и иным канцеляриям). Не вдаваясь в подробности деятельности отдельных органов власти, отметим, что судопроизводство в них было унифицировано и осуществлялось в соответствии с нормами уже упоминавшихся законодательных актов вне зависимости от региона Российской империи.

Обратимся к анализу судебной практики существовавших в течение короткого срока судебных канцелярий и их преемников. Во многих случаях судебное дело начиналось с подачи частного иска, являясь инициативой любого жителя дистрикта. Подобное основание для возбуждения дела было специально прописано и в указе 1697 г., и в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» 1715 г.¹⁵

⁷ Редин Д.А. Указ. соч. С. 389–391, 437.

⁸ Чельцов М.А. Уголовный процесс. М., 1948. С. 85.

⁹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (Полное собрание законов). СПб., 1830. Т. 5. С. 603.

¹⁰ Там же. Т. 6. С. 480.

¹¹ Бородина Е.В. Указ. соч. С. 72–88.

¹² Полное собрание законов. Т. 6. С. 524–525.

¹³ Там же. Т. 7. С. 677–678.

¹⁴ Там же. С. 744–750.

¹⁵ Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. С. 399, 414.

Как правило, дело возбуждалось на основании челобитной или «привода», то есть при доставлении в уполномоченный орган власти или подозреваемого в совершении преступления, или задержанного с поличным. Челобитная, как и «привод», записывалась со слов заявителя, а затем зачитывалась в присутствии «судьи», который выносил решение о начале следственных мероприятий.

Как правило, должностное лицо, облеченное судебными полномочиями, распорядилось о записи жалобы в регистрационную книгу. Иные варианты первых распоряжений: «приняв допросить», «битые места осмотра, описать», «послать по указу кого надлежит», «сыскать и допросить», «приводных принять и допросить», «приводного, приняв, распросить с пристрастием» и другие¹⁶.

Так, например, в декабре 1725 г. в Каменскую земскую контору поступил словесный извет от молотового мастера Романа Перфилова об избииении жителя Царева Городища Сергея Базанного. Пострадавший был допрошен, а на следующий день, уже в присутствии фискала и понятых, были освидетельствованы полученные им телесные повреждения¹⁷. В январе 1726 г. отставной солдат Афанасий Бабонегин бил челом тюменскому судебному комиссару на пристава Петра Протопопова и боярского сына Ивана Глаткова «в бою и грабежу». В регистрационной книге канцелярии значилась помета об осмотре и описании ран челобитчика при фискале «с подпискою»¹⁸.

Последующие шаги были связаны с деятельностью канцеляристов, специализировавшихся на составлении судебной документации. Так, в случае необходимости поиска «неведомых воров» организовывался сбор и поиск информации. Следствию предоставлялись списки «покраденных пожитков», а иногда — сами подозреваемые. Выявленные в ходе расследования вещественные доказательства (например, украденные лошади) также скрупулезно описывались¹⁹.

Так, в октябре 1731 г. в Кунгурской воеводской канцелярии были произведены осмотр и запись примет «приводных лошадей», которые были украдены у татар и найдены

у башкир из соседней деревни. Каждая лошадь осматривалась при свидетелях, ее описание включало информацию о возрасте, цвете шерсти, длине гривы и хвоста, пятнах, целости ушей и иных отличительных знаках. В случае, если признаки лошади, обозначенные в челобитной и имеющиеся в канцелярском описании, в основном совпадали и ее принадлежность могли подтвердить свидетели, она передавалась челобитчику²⁰.

При возникновении нужды в получении показаний свидетелей по указанию судьи они доставлялись в судебную канцелярию для допроса, где давали показания после предварительного ознакомления с «расспросными речами» истца и ответчика. Допрос свидетелей осуществлялся «порознь», с принесением присяги на Евангелии. При необходимости поиска свидетелей давалось распоряжение о «доезде», то есть о выезде уполномоченного должностного лица с целью доставки свидетеля или подозреваемого в орган правосудия.

Например, в сентябре 1725 г. Екатеринбургская судебная канцелярия отправила запрос в Каменскую земскую контору о поиске и допросе ответчика по делу о «смертельном увечье»²¹. 5 ноября 1731 г. кунгурский воевода И.И. Сукин распорядился о доставке в воеводскую канцелярию свидетелей по делу между крестьянином Иваном Бельшевым и людьми купцов Осокиных в нанесении телесных повреждений. В результате допроса «приводного» крестьянина выяснилось, что он мстил обидчику за изнасилование жены, о чем знали его соседи и бурмистр Мечинской винокурни.

Доездчики были снабжены инструкцией, где были указаны полномочия посланных на поиск свидетелей, а также их имена. Все найденные свидетели были доставлены в канцелярию и отданы под особую расписку ее служителям²².

Результаты допросов и очных ставок записывались и представлялись в виде выписок, итоговые протоколы каждой из которых формировали единый чистовой документ. Все показания свидетелей, истцов и ответчиков следовали друг за другом и скреплялись подписями канцеляристов. Заслушав выписки из «расспросных речей», воевода или судебный комиссар выносили резолюцию, содержащую указания о последующих действиях. Она фиксировалась либо самим должностным лицом, либо одним из канцеляристов, выполнявшим его поручение²³.

¹⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1015. Оп. 1. Д. 2011. Л. 1; Ф. 1015. Оп. 1. Д. 2118. Л. 1 об.; Ф. 1015. Оп. 1. Д. 2280. Л. 1; Ф. 518. Оп. 1. Д. 26. Л. 130, 144, 173 об. и др.

¹⁷ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 42. Оп. 1. Д. 9. Л. 818–818 об.

¹⁸ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. И-181. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 2118. Л. 1; Ф. 518. Оп. 1. Д. 26. Л. 148–148 об., 173–173 об.

²⁰ РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 26. Л. 144–144 об.

²¹ ГАСО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 9. Л. 603–603.

²² РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 26. Л. 133.

²³ См., например: Там же. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 2011. Л. 2, 2 об.; Ф. 1015. Оп. 1. Д. 2118. Л. 2; Ф. 518. Оп. 1. Д. 26. Л. 136 об., 155 об. и др.

Итогом разнообразных допросов становилось создание документа с выписками из Соборного уложения, Новоказных статей 1669 г. и указов первой трети XVIII в., на основе которых предполагалось вынесение решения по делу²⁴. Если подсудимый обвинялся в тяжком или особо тяжком преступлении, в ходе судебного следствия применялись пытки. Согласно Соборному уложению 1649 г., рецидивисты проходили допрос с пыткой на дыбе три раза с целью подтверждения истинности показаний²⁵.

Так, например, в мае 1724 г. отставной драгун Колчеданского острога Клемент Михалев, обвинявшийся в убийстве своей дочери, был «роспрашиван и пытан» и с пытки «винился»²⁶. В октябре 1731 г. приводной татарин Сипай Аслагузин, подозревавшийся в краже лошадей, был «роспрашиван, подыман и пытан и жжен клещами». Между пытками и расспросами не было установлено равного промежутка времени. Так, первую и вторую пытки разделяло 6 дней, а вторую и третью — больше двух с половиной месяцев. Несмотря на пытки, татарин все три раза «говорил те же речи»²⁷.

Все переписанные набело документы зачитывались в присутствии «судьи» / судей, следствием чего было вынесение приговора за подписями лиц — членов судебного присутствия²⁸. Таким образом, уголовный процесс, начавшийся по частной инициативе, состоял из трех стадий: 1) возбуждение дела при помощи челобитной или привода; 2) проведение судебного следствия (допрос истца, ответчика и свидетелей, сбор доказательств); 3) подбор соответствующих статей нормативных правовых актов и постановление приговора.

К примеру, 10 марта 1732 г. кунгурский воевода И.И. Сукин, заслушав материалы дела о конном воровстве, по которому проходил уже упоминавшийся татарин Сипай Аслагузин, осудил его на основании ст. 10 гл. XXI Соборного уложения 1649 г. Наказание «бить кнутом нещадно и отрезать правого уха часть» было предписано произвести публично, «дабы ему и другим на то смотря воровать было неповадно». Основанием для вынесения такого приговора стало признание С. Аслагузина в двух эпизодах конокрадства²⁹.

В ряде случаев в качестве инициатора уголовного преследования могли выступать сами органы власти. В этом случае по делу могло производиться и предварительное следствие.

Так, например, в марте 1731 г. сибирский обер-бергамт направил для расследования дело «об убийстве штейгером Клеслером человека», по доношению шихтмейстера пермского бергамта Бекетова, драгунского капитана Горнощитской роты Андрея Полстовалова. Информацию о порядке осуществления расследования возможно найти в особой инструкции, выданной драгунскому капитану³⁰.

Согласно инструкции, капитану предписывалось ехать в пермский бергамт и, получив от руководства бергамта канцеляриста, организовать протоколирование всех материалов дела. Инструкция предполагала организовать допрос всех причастных к делу «порознь», в соответствии с Указом «О форме суда». Так как наряду с делом об убийстве требовалось произвести расследование дел о злоупотреблении должностным положением служащих Пыскорского завода и о неудовлетворительной организации следствия по делу об убийстве чиновниками пермского бергамта.

Шестой пункт инструкции содержит характеристику основных подходов к работе тогдашнего следователя: «Те допросы и следствия учинить тебе по своей присяге по самой сущей правде, никому ни нарочья и не держа, как о том указы повелевают. И из тех дел каждого порознь сделать по указу выписки и к тем выпискам велеть им, чьи они будут, руки приложить»³¹. И на оные учинить свое мнение³². Ехать со оными в Екатеринбург и, приехав с теми делами и выписками, явитьца во обер-бергамт и оные подать».

Как возможно заметить из текста инструкции, ряд следственных процедур совпал с мероприятиями, проводившимися по инициативе челобитчика. Результаты проведенного расследования следовало представить перед присутствием сибирского обер-бергамта, который и должен был вынести судебное решение.

Несмотря на последний пример, следует отметить, что большинство судебных процессов было организовано в соответствии с нормами указа 1697 г., утверждавшего ра-

²⁴ См., например: Там же. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 2011. Л. 2–3; Ф. 518. Оп. 1. Д. 26. Л. 136об.–141, 149об.–151.

²⁵ Там же. Ф. 518. Оп. 1. Д. 26. Л. 151 об., 170об.–171.

²⁶ ГАСО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 7. Л. 302.

²⁷ РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 26. Л. 151 об.

²⁸ РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 2011. Л. 3 об.; Ф. 1015. Оп. 1. Д. 2118. Л. 2–2об.

²⁹ Там же. Ф. 518. Оп. 1. Д. 26. Л. 156–156 об.

³⁰ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 301. Л. 245–246.

³¹ То есть подписать тем канцелярским служащим, которые непосредственно готовили соответствующие выписки.

³² То есть высказать мнение по существу расследованного дела, подготовить некий прообраз обвинительного заключения.

зыские начала в судопроизводстве. Ссылки на использование указа 1723 г. и его реальное применение в уголовно-процессуальной практике относятся преимущественно к концу 1720-х — началу 1730-х гг. Таким образом, процесс утверждения норм новых законодательных актов, посвященных вопросам регулирования судебного процесса, был длительным и занимал как минимум около пяти лет. Более того, издание Указа «О форме суда» в 1723 г. не означало замены «розыскного» процесса состязательным.

При организации расследования по уголовным делам могли использоваться как элементы розыска, когда большую роль в следственных мероприятиях играли представители региональной власти, так и состязательность, при которой поочередно заслушивались обе стороны, а их показания протоколировались. Таким образом, судебная практика по рассмотрению уголовных дел базировалась на традициях XVII столетия, систематизированных в законодательстве Петра Великого.

Литература

1. Бородина Е.В. Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири / Е.В. Бородина. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2012. 308 с.
2. Кавелин К.Д. Собрание сочинений / К.Д. Кавелин. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. Т. 4. 678 с.
3. Латкин В.Н. История русского права периода империи XVIII–XIX вв. 2-е изд., перераб. и доп. / В.Н. Латкин. СПб. : Тип. Монтвида, 1909. 644 с.
4. Памятники права в период единодержавия Петра I : учеб.-науч. пос. / под общ. ред. Р.А. Хачатурова. М. : Юрлитинформ, 2014. 584 с.
5. Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху Петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.) / Д.А. Редин. Екатеринбург : Волот, 2007. 608 с.
6. Российское законодательство X–XX вв. / под ред. А.Г. Манькова. М. : Юрид. лит., 1986. Т. 4. 511 с.
7. Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование / Д.О. Серов. М. : ИКД «Зерцало-М», 2009. 488 с.
8. Чельцов М.А. Уголовный процесс / М.А. Чельцов. М. : Юрид. изд-во, 1948. 624 с.

References

1. Borodina E.V. Sudebnaya reforma Petra I na Urale i v Zapadnoj Sibiri [The Judicial Reform of Peter the Great in the Ural Region and Western Siberia] / E.V. Borodina. Ekaterinburg : Bank kul'turnoj informatsii — Ekaterinburg : The Cultural Information Bank, 2012. 308 s.
2. Kavelin K.D. Sbranie sochinenij [Collection of Works] / K.D. Kavelin. Sankt-Peterburg : Tip. M.M. Stasyulevicha — Saint Petersburg : The M.M. Stasyulevich's printing office, 1900. Volume 4. 678 s.
3. Latkin V.N. Istoriya russkogo prava perioda imperii XVIII–XIX vv. 2-e izd., pererab. i dop. [The History of the Russian Law in the Empire Period of the XVIII to XIX Centuries] / V.N. Latkin. Sankt-Peterburg : Tip. Montvida — Saint Petersburg : The Montvida printing office, 1909. 644 s.
4. Pamyatniki perioda prava v period edinoderzhaviya Petra I: ucheb.-nauch. pos. [Monuments of the Law Period in the Peter the Great's Autocracy Period: Textbook] / under the general editorship of R.L. Khachaturova. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Yurlitinform, 2014. 584 s.
5. Redin D.A. Administrativnye struktury i byurokratiya Urala v epokhu Petrovskikh reform (zapadnye uezdy Sibirskoj gubernii v 1711–1727 gg.) [Administrative Structures and Bureaucracy of the Ural Region in the Peter the Great's Reform Period (The Western Uezds of the Siberia Governorate in 1711 to 1727)] / D.A. Redin. Ekaterinburg : Volot — Ekaterinburg : Volot, 2007. 608 s.
6. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. [The Russian Laws of the X to XX Centuries] / edited by A.G. Mankov. Moskva : Yurid. lit. — Moscow : Legal Literature, 1986. Vol. 4. 511 s.
7. Serov D.O. Sudebnaya reforma Petra I: Istoriko-pravovoe issledovanie [The Judicial Reform of Peter the Great: Historical and Legal Research] / D.O. Serov. Moskva : IKD "Zertsalo-M" — Moscow : Publishing and Book Selling House Mirror-M, 2009. 488 s.
8. Cheltsov M.A. Ugolovnyj protsess [Criminal Procedure] / M.A. Cheltsov. Moskva : Yurid. izd-vo — Moscow : Legal Publishing House, 1948. 624 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2017-24-39-45

Проекты создания единого следственного органа в советской и постсоветской России (1957–2002 гг.)

Пантелеев Владислав Олегович,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Новосибирского государственного университета экономики и управления
 aria.irk@mail.ru

В статье рассматривается развитие идеи о необходимости учреждения в советской и постсоветской России единого следственного органа. Кратко проанализированы основные варианты организации единого следственного органа и его взаимодействия с другими органами власти. Основное внимание в статье уделено характеристике малоизвестных законодательных инициатив 1990–2002 гг., связанных с образованием единого следственного органа.

Ключевые слова: органы следствия, Следственный комитет, единый следственный орган, законодательный процесс, прокуратура, Министерство внутренних дел, Верховный Совет СССР, Верховный Совет РСФСР.

Projects of Establishment of a Single Investigative Authority in the Soviet and Post-Soviet Russia (1957 to 2002)

Panteleev Vladislav O.
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Novosibirsk State University of Economics and Management

In the article discusses the development of idea about the need for establishment in the Soviet and Post-Soviet Russia a unitare investigative committee. Briefly analyzed the main variants of its organization and interaction with other authorities. The article focuses on little-known legislative initiatives related to the formation of a unitare investigative committee in 1990–2002.

Key words: Investigative Committee, unitare investigative committee, legislative process, Procuracy, Ministry of Internal Affairs (MVD), Supreme Soviet of USSR, Supreme Soviet of RSFSR.

Идея о необходимости образования в государственном механизме нашей страны единого следственного органа была впервые публично озвучена ровно 60 лет назад, на шестой сессии Верховного Совета СССР IV созыва. На заседании 9 февраля 1957 г. депутат от Эстонской ССР Э.К. Пусэп выступил с неожиданным предложением сосредоточить расследование уголовных дел прокуратуры и милиции «в одном едином следственном органе»¹. Практически одновременно с этим в февральском номере журнала «Советское государство и право» за 1957 г. была опубликована статья начальника Главного управления милиции МВД СССР М.В. Барсукова, в которой автор также указывал на необходимость создания объединенного следственного аппарата².

Эти «случайным» образом совпавшие по времени инициативы, а также призыв М.В. Барсукова к общественному обсуждению вопроса о выделении следственного аппарата и его организационных формах деятельности породили дискуссию, большинство участников которой выступали за сосредоточение предварительного следствия в органах прокуратуры³. Кроме того, в ходе дискуссии прямо проговаривался вариант и о формировании следственных органов «при прокуратурах, а не в прокуратурах».

¹ Заседания Верховного Совета СССР 4-го созыва. Шестая сессия: Стенографический отчет. М., 1957. С. 472.

² Барсуков М.В. За дальнейшее совершенствование организации и деятельности советской милиции // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 33–43.

³ Голяков И.Т. О едином следственном аппарате и функциях Министерства юстиции // Советская юстиция. 1957. № 7. С. 8–11; О дознании и предварительном следствии // Социалистическая законность. 1957. № 8. С. 1–5; Зыков И., Аверкиев И., Иванов М. О дознании и предварительном следствии // Социалистическая законность. 1957. № 9. С. 10–14; Строгович М.С. О дознании и предварительном следствии и о «едином следственном аппарате» // Социалистическая законность. 1957. № 5. С. 26.

Это означало, что следователи в районе, будучи поднадзорными районному прокурору, должны были бы подчиняться не ему, а начальнику следственного отдела при прокуратуре области, который в свою очередь подчинялся бы начальнику следственного отдела прокуратуры республики, а тот — начальнику Следственного управления при Генеральном прокуроре СССР⁴. Такая модель была бы практически аналогичной образованному 50 лет спустя Следственному комитету при прокуратуре Российской Федерации.

Среди прочих предложений реформирования следственных органов были высказаны мнения о необходимости сосредоточить следственный аппарат в органах Министерства юстиции⁵, МВД⁶, Следственного управления при Верховном Совете СССР⁷ и даже о создании полностью «самостоятельного органа по расследованию всех уголовных дел»⁸. Применение последней модели до этого никогда не обсуждалось, а в практике отечественного государственного строительства она была впервые реализована в 1717–1723 гг. в виде «майорских» канцелярий Петра I⁹ (прочно забытых до конца XX века).

Идея о вневедомственной модели построения следственного аппарата была глубоко развита в середине 1960-х гг. российским процессуалистом В.А. Стрёмовским. По его мнению, следственные подразделения МВД (в то время — Министерство охраны общественного порядка), прокуратуры и КГБ подлежали ликвидации с одновременным созданием единого Следственного комитета при Совете Министров СССР¹⁰ с территориальными органами на уровне союзных республик, кра-

ев, областей, а также городов и районов. По внутренней структуре комитет и его органы предполагалось разделить на отделы, специализировавшиеся по категориям расследуемых уголовных дел.

Через десятилетие замысел В.А. Стрёмовского получил некоторое развитие в 1977 г., когда в Президиум Верховного Совета СССР было представлено предложение о создании Государственного комитета по следствию при Совете Министров СССР или Президиуме Верховного Совета СССР. Была начата разработка положения о таком комитете, которое на первоначальном этапе получило поддержку в Верховном Совете СССР, однако в итоге данный законопроект был отклонен без рассмотрения на сессии¹¹.

Вновь к идее коренного реформирования следственных аппаратов органов прокуратуры, внутренних дел и органов дознания вернулись в перестроечные годы, после принятия постановления ЦК КПСС от 4 июня 1987 г. Для выработки соответствующих предложений была создана межведомственная комиссия, в состав которой вошли руководители правоохранительных органов и суда.

В Государственном архиве Российской Федерации в фонде Прокуратуры СССР удалось выявить документ, представляющий собой второй машинописный экземпляр записки «О мерах по организационной перестройке следственных органов прокуратуры и внутренних дел» от 4 сентября 1987 г., направленной в ЦК КПСС¹². В записке оказались изложены доводы против объединения всех органов следствия в рамках Следственного комитета на правах самостоятельного ведомства, «поскольку в него не могут быть включены следственные аппараты органов КГБ, военной прокуратуры, а также прокуратур некоторых спецобъектов, которые выполняют специфические задачи», а также в связи с проблемами организационно-штатного и материально-технического характера, в том числе требующимся «увеличением бюджетных ассигнований на содержание следственного аппарата».

Одновременно в записке предлагалось «вывести следственный аппарат в городах, районах, областях, краях, автономных республиках и на транспорте из подчинения начальников органов внутренних дел, которые

⁴ Бердичевский Ф., Чистяков О. О реорганизации предварительного следствия // Социалистическая законность. 1957. № 7. С. 24.

⁵ Бородин С.В., Грун А.Я. К вопросу о реформе судебного управления и следственного аппарата в СССР // Советское государство и право. 1957. № 7. С. 89–98.

⁶ Перлов И.Д., Рагинский М.Ю. Назревшие вопросы дознания и предварительного следствия // Советское государство и право. 1957. № 4. С. 115–121.

⁷ К вопросу о реформе предварительного следствия // Советское государство и право. 1957. № 8. С. 127; Бердичевский Ф., Чистяков О. О реорганизации предварительного следствия // Там же. С. 23.

⁸ К вопросу о реформе предварительного следствия // Там же. С. 127.

⁹ Об этих канцеляриях подробнее см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Очерки истории российских следственных органов. М., 2015. С. 34–52.

¹⁰ См.: Стрёмовский В.А. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе. Ростов н/Д, 1966. С. 57–72; Он же. Сущность и участники предварительного следствия в советском уголовном

процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тбилиси, 1967. С. 23–26.

¹¹ Истина... И только истина! Пять бесед о судебной реформе / под ред. Ю.И. Стецовского. М., 1990. С. 275.

¹² См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8131. Оп. 28. № 6256. Л. 24–30.

зачастую вмешиваются в расследование уголовных дел, допускают отвлечение следователей на выполнение несвойственных им обязанностей». В связи с этим предлагалось создать самостоятельные следственные отделы и управления с подчинением их следственным управлениям МВД союзных республик и Главному следственному управлению МВД СССР, а в РСФСР — непосредственно Главному следственному управлению. Однако же, как известно, такие организационные шаги предприняты не были, каких-либо сведений о дальнейшей судьбе охарактеризованной инициативы ЦК КПСС по реформированию органов следствия не выявлено.

Особую актуальность идея вневедомственного следственного аппарата обрела после 18 апреля 1990 г., когда постановлением Верховного Совета СССР Комитету Верховного Совета СССР по вопросам правопорядка и борьбы с преступностью, Комитету Верховного Совета СССР по законодательству, Совету Министров СССР совместно с соответствующими правоохранительными органами было поручено разработать меры по коренной перестройке всей правоохранительной системы страны и внести предложения о создании союзного Следственного комитета¹³.

Учитывая, что инициатива реформирования правоохранительной системы не содержала конкретных указаний о форме нового следственного органа и о его месте среди других правоохранительных органов, она вызвала значительный резонанс, была встречена рядом противоречивых предложений о практической реализации реформы¹⁴ и на практике в какие-либо законодательные инициативы не вылилась.

Одновременно с инициативами союзных органов аналогичная работа по разработке законопроектов, связанных с образованием независимого следственного органа производилась и в РСФСР. При этом в РСФСР работа велась на порядок результативнее — наиболее значимые результаты в этом направлении деятельности достигнуты рабочей группой под руководством заместителя на-

чальника Главного следственного управления МВД РСФСР Е.А. Щербинского.

Так, 26 сентября 1990 г. Комитетом Верховного Совета РСФСР по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью в Верховный Совет РСФСР внесен для рассмотрения целый пакет проектов законодательных и иных нормативных актов, связанных с образованием единого Следственного комитета РСФСР. В Государственном архиве Российской Федерации удалось выявить подготовленные в указанном комитете проекты законов РСФСР «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) РСФСР»¹⁵, «О Следственном комитете РСФСР»¹⁶, «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»¹⁷, «Об ответственности за неуважение к следователю и воспрепятствование его деятельности»¹⁸. Примечательно, что действующую на тот момент Конституцию РСФСР 1978 г. предлагалось дополнить самостоятельной главой «Следственный комитет».

Кроме того, этой же рабочей группой был разработан ряд проектов подзаконных нормативных актов: постановления Совета Министров РСФСР «Об организационно-штатном, финансовом, материально-техническом и научном обеспечении деятельности Следственного комитета РСФСР»¹⁹, положения «Об условиях и порядке прохождения службы в органах и учреждениях Следственного комитета РСФСР»²⁰, межведомственной инструкции «О порядке взаимодействия органов Следственного комитета РСФСР с органами дознания при предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений»²¹.

Проект закона «О Следственном комитете РСФСР» наряду с проектами других законов правовой реформы: «О полиции (милиции) РСФСР», «О Прокуратуре РСФСР» и др.²². Постановлением Верховного Со-

¹⁵ См.: ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. № 2973. Л. 13об.–14.

¹⁶ См.: Там же. Л. 14–20.

¹⁷ См.: Там же. Л. 20–23об.

¹⁸ См.: Там же. Л. 23об.–24об. Указанные проекты законов РСФСР были опубликованы в 2015 г. в специальной хрестоматии, посвященной истории органов следствия России. См.: История органов следствия России : хрестоматия / сост. А.К. Аверченко, В.О. Пантелеев, Д.О. Серов [и др.]. М., 2015. С. 127–161.

¹⁹ См.: ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. № 2973. Л. 29–35об.

²⁰ См.: Там же. Л. 54–62об.

²¹ См.: Там же. Л. 63–66.

²² О повестке дня третьей сессии Верховного Совета РСФСР : Постановление Верховного Совета РСФСР от 21.01.1991 № 514-1 [Электронный ресурс].

¹³ Постановление Верховного Совета СССР от 18.04.1990 № 1438-1 «О выводах Комиссии для проверки материалов, связанных с деятельностью следственной группы прокуратуры Союза ССР, возглавляемой Т.Х. Гдяном» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 17. Ст. 278.

¹⁴ См., например: Карнеева Л.М. Где быть следственному аппарату // Социалистическая законность. 1991. № 2. С. 26–28; Трубин Н.С. Прокуратура должна заниматься своим делом // Социалистическая законность. 1991. № 3. С. 8, 14.

та РСФСР от 21 января 1991 № 514-I включены в повестку дня третьей сессии Верховного Совета РСФСР. Суть предлагаемых реформ следственных органов РСФСР заключалась в образовании вневедомственного, единого и подотчетного непосредственно Верховному Совету РСФСР конституционно-го Следственного комитета РСФСР, упразднении дознания как самостоятельной формы расследования преступлений с расширением сферы применения протокольной формы досудебной подготовки материалов, обеспечении реальной, а не декларированной процессуальной независимости следователя, повышении эффективности прокурорского надзора²³.

Примечательно, что Конституционная комиссия РСФСР полностью поддержала идею создания Следственного комитета РСФСР именно как вневедомственного единого, подотчетного непосредственно Верховному Совету РСФСР конституционного органа, сосредоточивающего все действующие на тот момент следственные аппараты МВД, КГБ и прокуратуры (включая военную)²⁴.

Между тем, несмотря на столь принципиальный подход законодателя к построению единого следственного органа, создаваемый следственный орган не обладал полной монополией на осуществление предварительного следствия: проверка сообщений и заявлений о преступлениях, совершенных следователями, возбуждение и расследование в отношении них уголовных дел, а также расследование преступлений, совершенных в отношении следователей, оставались в исключительной компетенции прокуратуры.

Вышеуказанные законопроекты достаточно широко обсуждались, в том числе были направлены наиболее авторитетным юридическим научно-исследовательским учреждениям и высшим учебным заведениям РСФСР, где почти повсеместно были одобрены²⁵. В том числе неожиданно единогласно и без существенных замечаний поддержали идею образования Следственного комитета РСФСР ведомственные институты всех реорганизуемых органов — прокуратуры, Министерства внутренних дел и КГБ. Категорически против концепции избранного пути реформирования следствия высказался единственно Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова²⁶.

URL: <http://poisk-zakona.ru/272899.html> (дата обращения: 23.10.2017).

²³ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. № 2973. Л. 3–4об.

²⁴ Там же. № 2974. Л. 121.

²⁵ См.: Там же. Л. 121–128.

²⁶ См.: Там же. Л. 125–126.

Однако рассмотренные законопроекты, несущие такие глобальные изменения в системе правоохранительных органов страны и требующие громадных финансовых затрат, с первой попытки принять не удалось: 27 мая 1991 г. Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР № 1345-I комитетам Верховного Совета РСФСР по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью, по законодательству и Совету Министров РСФСР было поручено доработать проект Закона «О Следственном комитете РСФСР» с учетом замечаний комиссий палат и комитетов Верховного Совета РСФСР и представить его Верховному Совету РСФСР²⁷.

24 октября 1991 г. постановлением Верховного Совета РСФСР была одобрена концепция судебной реформы в РСФСР²⁸. В указанном документе законодатель вновь обосновывал необходимость создания единого следственного аппарата и невозможность применения «ведомственной модели следствия» — концентрации следствия в руках Министерства внутренних дел РСФСР, Министерства юстиции либо подчинения следственного комитета правительству или структурам президентской власти РСФСР. Выход виделся в создании единого следственного аппарата, организационно отделенного как от прокуратуры, так и от МВД и КГБ.

После распада СССР проблема реформирования системы правоохранительных и судебных органов, а также органов предварительного следствия (и в том числе идея создания единого следственного органа) отнюдь не утратила актуальности. Так, 14 декабря 1992 г. на VII Съезде народных депутатов Российской Федерации было принято Постановление № 4081–1²⁹, которым в качестве приоритетной общегосударственной задачи названо обеспечение законности, укрепление правопорядка, общественной безопасности и усиление борьбы с преступностью. В связи с этим Верховному Совету Российской Федерации поручалось в первом полугодии 1993 г. завершить разработку и принять законодательный акт «О Следственном комитете Российской Федерации», а также внести

²⁷ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. № 2984. Л. 42–43.

²⁸ Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

²⁹ О состоянии законности, борьбы с преступностью и коррупцией : Постановление Съезда народных депутатов Российской Федерации от 14.12.1992 № 4081–1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1992. № 51. Ст. 3018.

необходимые изменения и дополнения в действующее уголовное, уголовно-процессуальное и административное законодательство.

В соответствии с данным постановлением Съезда народных депутатов, рабочей группой под руководством заместителя председателя Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью Б.П. Кондрашова был разработан новый проект Закона «О Следственном комитете Российской Федерации». При этом за основу взят и доработан проект, подготовленный в 1990 г. рабочей группой под руководством Е.А. Щербинского (последний также входил в состав новой рабочей группы и занимал на этот момент должность заместителя начальника Следственного комитета МВД Российской Федерации).

На скорую руку переработанный проект Закона «О следственном комитете Российской Федерации» 31 марта 1993 г. был принят Верховным Советом России в первом чтении³⁰. Одновременно Комитету Верховного Совета Российской Федерации по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью с привлечением юридической и редакционно-издательской служб Верховного Совета поручалось доработать законопроект с учетом поступивших поправок и внести его на рассмотрение Верховного Совета Российской Федерации во втором чтении.

После указанных событий дискуссия о правовом положении вновь образуемого органа и о его месте среди системы органов власти разгорелась с новой силой. Отзывы на проект Закона «О Следственном комитете Российской Федерации» и соответствующие обращения в Верховный Совет Российской Федерации поступали из высших учебных заведений³¹, от глав администраций и Советов народных депутатов субъектов Федерации³², иных государственных органов и общественных организаций³³.

Многие отзывы, не оспаривая саму идею создания единого Следственного комитета, содержали доводы о несвоевременности принятия закона в условиях экономической и социальной нестабильности, в которых оказалась Россия в начале 1990-х гг.³⁴. Этого же

мнения придерживались и сами реорганизуемые правоохранительные органы, а также высшее руководство страны — Президент Российской Федерации³⁵, Председатель Совета Министров³⁶ и Председатель Верховного Совета. Так, при исследовании архивных фондов Верховного Совета Российской Федерации выявлена собственноручная резолюция Р.И. Хасбулатова по этому поводу: «Надо отложить на неопределенное время в целом законопроект — его принятие приведет в современных условиях практически к полной дезорганизации правоохранительной системы. Это говорят руководители ведомств и специалисты — с ними трудно не согласиться»³⁷.

Сейчас можно только предполагать, какая судьба ждала бы проект Закона «О Следственном комитете Российской Федерации» после прохождения второго чтения, однако драматические события сентября — октября 1993 г. и роспуск Верховного Совета России поставили крест на рассматриваемом законопроекте.

Еще одна обернувшаяся неудачей попытка на законодательном уровне вернуться к обсуждению вопроса об образовании единого следственного органа была предпринята в 2002 г., когда депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации фракции «Яблоко» на рассмотрение парламента был внесен проект Закона «Об органах предварительного следствия в Российской Федерации»³⁸. Законопроектом предлагалось конституировать органы предварительного следствия в стране как самостоятельное ведомство — Федеральную службу расследований, директор которой назначался бы и смещался с должности Президентом Российской Федерации. Однако указанный законопроект оказался достаточно «сырым», получил резонные критические отзывы, не был поддержан Правительством Российской Федерации³⁹ и в результате ока-

³⁵ См.: Там же. Л. 81–84.

³⁶ См.: Там же. Л. 99–100.

³⁷ Там же. Л. 81.

³⁸ Проект Федерального закона № 257222–3 «Об органах предварительного следствия в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://asozd2.duma.gov.ru/arhiv/a_dz_4.nsf/ByID/1A13C75448062939432571BB005D585E?OpenDocument (дата обращения: 23.08.2017).

³⁹ Официальный отзыв Правительства Российской Федерации на проекты федеральных законов «Об органах предварительного следствия в Российской Федерации», «О внесении изменений в Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”», «О внесении изменений и дополнений в статьи 37 и 151

³⁰ Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 31.03.1993 № 4715–1 «О проекте Закона Российской Федерации “О Следственном комитете Российской Федерации”» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 15. Ст. 527.

³¹ См.: ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. № 2984. Л. 87–95.

³² См.: Там же. Л. 96, 103, 105–106.

³³ См.: Там же. Л. 76–78.

³⁴ См., например: Там же. Л. 76–78, 96, 105.

зался снят с рассмотрения Государственной Думы⁴⁰.

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», «О внесении изменений в Федеральный закон "Об органах Федеральной службы безопасности в Российской Федерации"», «О внесении изменений в Федеральный закон "О федеральных органах налоговой полиции"», вносимые депутатом Государственной Думы И.Ю. Артемьевым [Электронный ресурс]. URL: http://asozd2.duma.gov.ru/arhiv/a_dz_4.nsf/ByID/EF9CB7D66A19E0CE432571BB005D5875?OpenDocument (дата обращения: 23.08.2017).

⁴⁰ Протокол заседания Совета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 13.04.2004 № 19 [Электронный ресурс]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?>

На этом закончилась эпоха, предшествующая состоявшемуся в 2007 г. выделению из прокуратуры Российской Федерации функции предварительного следствия с созданием нового органа — Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации⁴¹, преемником которого явился ныне действующий Следственный комитет Российской Федерации.

OpenAgent&RN=257222-3&02 (дата обращения: 23.08.2017).

⁴¹ Указ Президента Российской Федерации от 01.08.2007 № 1004 «Вопросы Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 32. Ст. 4122.

Литература

1. Бердичевский Ф., Чистяков О. О реорганизации предварительного следствия / Ф. Бердичевский, О. Чистяков // Социалистическая законность. 1957. № 7. С. 21–25.
2. Бородин С.В., Грун А.Я. К вопросу о реформе судебного управления и следственного аппарата в СССР / С.В. Бородин, А.Я. Грун // Советское государство и право. 1957. № 7. С. 89–98.
3. Голяков И.Т. О едином следственном аппарате и функциях Министерства юстиции / И.Т. Голяков // Советская юстиция. 1957. № 7. С. 8–11.
4. Заседания Верховного Совета СССР 4-го созыва. Шестая сессия : Стенографический отчет. М. : Изд. Верховного Совета СССР, 1957. 757 с.
5. Зыков И. О дознании и предварительном следствии / И. Зыков, И. Аверкиев, М. Иванов // Социалистическая законность. 1957. № 9. С. 10–14.
6. Истина... И только истина! Пять бесед о судебной реформе / под ред. Ю.И. Стецовского. М. : Юрид. лит., 1990. 432 с.
7. История органов следствия России : хрестоматия для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / сост. А.К. Аверченко [и др.]. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 223 с.
8. К вопросу о реформе предварительного следствия (отклики) // Советское государство и право. 1957. № 8. С. 127–128.
9. Карнеева Л.М. Где быть следственному аппарату / Л.М. Карнеева // Социалистическая законность. 1991. № 2. С. 26–28.
10. О дознании и предварительном следствии // Социалистическая законность. 1957. № 8. С. 1–5.
11. Перлов И.Д., Рагинский М.Ю. Назревшие вопросы дознания и предварительного следствия / И.Д. Перлов, М.Ю. Рагинский // Советское государство и право. 1957. № 4. С. 115–121.
12. Серов Д.О., Федоров А.В. Очерки истории российских следственных органов / Д.О. Серов, А.В. Федоров. М. : Юрист, 2015. 318 с.
13. Стрёмовский В.А. Сущность и участники предварительного следствия в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.А. Стрёмовский. Тбилиси : Тбилисский гос. ун-т, 1967. 44 с.
14. Стрёмовский В.А. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе / В.А. Стрёмовский. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1966. 260 с.
15. Строгович М.С. О дознании и предварительном следствии и о «едином следственном аппарате» / М.С. Строгович // Социалистическая законность. 1957. № 5. С. 19–26.
16. Трубин Н.С. Прокуратура должна заниматься своим делом / Н.С. // Социалистическая законность. 1991. № 3. С. 7–16.

References

1. Berdichevsky F., Chistyakov O. O reorganizatsii predvaritel'nogo sledstviya [On the Preliminary Investigation Reorganization] / F. Berdichevsky, O. Chistyakov // Sotsialisticheskaya zakonnost' — Socialist Legality. 1957. No. 7. S. 21–25.
2. Borodin S.V., Grun A.Ya. K voprosu o reforme sudebnogo upravleniya i sledstvennogo apparata v SSSR [On the Judicial Administration and the Investigative Office Reform in the USSR] / S.V. Borodin, A.Ya. Grun // Sovetskoe gosudarstvo i pravo — The Soviet State and Law. 1957. No. 7. S. 89–98.
3. Golyakov I.T. O edinom sledstvennom apparate i funktsiyakh Ministerstva yustitsii [On the Single Investigative Office and Functions of the Ministry of Justice] / I.T. Golyakov // Sovetskaya yustitsiya — The Soviet Justice. 1957. No. 7. S. 8–11.
4. Zasedaniya Verkhovnogo Soveta SSSR 4-go sozyva. Shestaya sessiya : Stenograficheskij otchet [The Meetings of the Supreme Soviet of the USSR of the 4th Convocation. The Sixth Session : the Verbatim Record]. Moskva : Izd. Verkhovnogo Soveta SSSR — Moscow : Publishing house of the Supreme Soviet of the USSR, 1957. 757 s.

5. Zykov I. O doznanii i predvaritel'nom sledstvii [On Interrogation and Preliminary Investigation] / I. Zykov, I. Averkiev, M. Ivanov // Sotsialisticheskaya zakonnost' — Socialist Legality. 1957. No. 9. S. 10–14.
6. Istina... I to'ko istina! Pyat' besed o sudebno-pravovoj reforme [The Truth... And Only the Truth! Five Conversations about the Judicial Legal Reform] / edited by Yu.I. Stetsovskiy. Moskva : Yurid. lit. — Moscow : Legal Literature, 1990. 432 s.
7. Istoriya organov sledstviya Rossii: khrestomatiya dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti "Yurisprudentsiya" [The History of the Russian Investigative Authorities: Anthology for Students of the Higher Educational Institutions Majoring in Jurisprudence] / compiled by A.K. Averchenko [et al.]. Moskva : YUNITI-DANA — Moscow : YUNITI-DANA, 2015. 223 s.
8. K voprosu o reforme predvaritel'nogo sledstviya (otkliki) [On the Preliminary Investigation Reform (Responses)] // Sovetskoe gosudarstvo i pravo — The Soviet State and Law. 1957. No. 8. S. 127–128.
9. Karneeva L.M. Gde byt' sledstvennomu apparatu [On the Place of the Investigative Office] / L.M. Karneeva // Sotsialisticheskaya zakonnost' — Socialist Legality. 1991. No. 2. S. 26–28.
10. O doznanii i predvaritel'nom sledstvii [On Interrogation and Preliminary Investigation] // Sotsialisticheskaya zakonnost' — Socialist Legality. 1957. No. 8. S. 1–5.
11. Perlov I.D., Raginsky M.Yu. Nazrevshie voprosy doznaniya i predvaritel'nogo sledstviya [The Escalated Issues of Interrogation and Preliminary Investigation] / I.D. Perlov, M.Yu. Raginsky // Sovetskoe gosudarstvo i pravo — The Soviet State and Law. 1957. No. 4. S. 115–121.
12. Serov D.O., Fedorov A.V. Ocherki istorii rossijskikh sledstvennykh organov [Essays on the History of the Russian Investigative Authorities] / D.O. Serov, A.V. Fedorov. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 2015. 318 s.
13. Stremovskiy V.A. Sushchnost' i uchastniki predvaritel'nogo sledstviya v sovetskom ugolovnom protsesse : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [The Preliminary Investigation Essence and Participants in the Soviet Criminal Procedure : Author's Abstract of Thesis of ... Doctor of Law] / V.A. Stremovskiy. Tbilisi : Tbilisskij gos. un-t — Tbilisi : the Tbilisi State University, 1967. 44 s.
14. Stremovskiy V.A. Uchastniki predvaritel'nogo sledstviya v sovetskom ugolovnom protsesse [The Preliminary Investigation Participants in the Soviet Criminal Procedure] / V.A. Stremovskiy. Rostov-na-Donu : Izd-vo Rost. un-ta — Rostov-on-Don : the publishing house of the Rostov University, 1966. 260 s.
15. Strogovich M.S. O doznanii i predvaritel'nom sledstvii i o "edinom sledstvennom apparate" [On Interrogation and Preliminary Investigation and on the Unified Investigative Office] / M.S. Strogovich // Sotsialisticheskaya zakonnost' — Socialist Legality. 1957. No. 5. S. 19–26.
16. Trubin N.S. Prokuratura dolzhna zanimat'sya svoim delom [The Prosecutor's Office Has to Mind Its Own Business] / N.S. Trubin // Sotsialisticheskaya zakonnost' — Socialist Legality. 1991. No. 3. S. 7–16.

DOI:10.18572/1812-3805-2017-24-45-48

История использования специальных знаний при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов

*Носенок Екатерина Игоревна,
старший прокурор отдела по надзору за соблюдением прав и свобод
человека и гражданина управления по надзору
за исполнением федерального законодательства
прокуратуры Санкт-Петербурга,
аспирант Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Академии Генеральной
прокуратуры Российской Федерации
bei2007@bk.ru*

В данной статье идет речь об истории возникновения института использования специальных знаний при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов. В статье исследуются источники, регламентирующие полномочия органов прокуратуры по привлечению специалистов с XVIII в. до настоящего времени, особенности современной правовой регламентации данного института, а также ставится вопрос о необходимости внесения соответствующих изменений в действующее законодательство.

***Ключевые слова:** прокурорский надзор, история использования специальных знаний, специальные знания, специалист, сведущее лицо, прокуратура, прокурорская проверка, законодательство.*

The History of Special Knowledge Application in Exercising of Prosecutorial Supervision over Execution of Laws

Nosenok Ekaterina I.

*Senior Prosecutor of the Division of Supervision over Observance of Human and Civil Rights and Freedoms of the Department of Supervision over Compliance with Federal Laws of the Saint Petersburg Prosecutor's Office
Postgraduate Student of the Saint Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*

The article concerns the history of the Institute of using special knowledge for supervision over implementation of laws. This article examines the sources, regulating the powers of the prosecution on the involvement of specialists from the eighteenth century to the present, features of the modern legal regulation of this Institute, and also raises the question of the necessity of relevant amendments to existing legislation.

Key words: *prosecutorial supervision, the history of using special knowledge, special knowledge, specialist, well-informed person, the Public Prosecutor's Office, prosecutor's supervision, legislation.*

Использование специальных знаний в юридической практике имеет свою историю, при этом вопросы давности применения познаний специалистов в деятельности органов прокуратуры и этапы развития данного института до настоящего времени, по нашему мнению, исследованы недостаточно глубоко.

В действующем Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре) и юридической литературе в целом дефиниции «специалист» (п. 1 ст. 22 Закона о прокуратуре), «представитель государственных органов, привлекаемый в целях осуществления экспертно-аналитических функций» (п. 13 ст. 21 Закона о прокуратуре) применяются в сочетании с термином «специальные знания».

Однако федеральное законодательство не содержит определения понятия «специальные знания».

Вместе с тем, применительно к уголовно-правовому направлению, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16.03.1971 № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (далее — Пленум) косвенно упоминается о содержании вышеуказанного термина. Так, Пленум обращает внимание судов на необходимость правильного и наиболее полного использования достижений науки и техники с целью всестороннего и объективного исследования обстоятельств уголовного дела путем производства экспертизы во всех случаях, когда для решения возникших при судебном разбирательстве вопросов требуются специальные познания в науке, технике, искусстве или ремесле (п. 1).

Кроме того, в п. 11 Пленума указано, что судам надлежит учитывать, что вопросы, поставленные перед экспертом, и его заключение по ним не могут выходить за пределы спе-

циальных познаний лица, которому поручено проведение экспертизы, при этом суды не должны допускать постановку перед экспертом правовых вопросов, как не входящих в его компетенцию (например, имело ли место хищение либо недостача, убийство или самоубийство и т.п.).

Таким образом, полагаем, что наиболее распространенное представление о специальных знаниях, используемых в юриспруденции как в общеправовом, так и в уголовно-правовом контексте, смещено в сторону естественно-научных и технических. При этом законом прямо не предусмотрено, что юридические знания не могут быть специальными.

В свою очередь С.И. Ожегов определяет «специалиста» как «работника в области какой-нибудь определенной специальности»¹, а «лицо, имеющее большие сведения в чем-либо, хорошо осведомленное о чем-либо» — «сведущим»².

А.А. Эйсмэн, В.Н. Махов, В.И. Шиканов и другие полагают, что специальными не являются знания в области права, связанные с профессиональными знаниями органов предварительного расследования и суда, необходимые для квалификации обстоятельств уголовного дела и решения вопросов процессуального характера³.

Применительно к тематике данного исследования и учитывая вышеизложенные точки

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://slovarozhegov.ru/word.php?wordid=30099>

² [Электронный ресурс]. URL: <http://slovarozhegov.ru/word.php?wordid=27979>

³ Привод. по: Поздняков М.А. Понятие и признаки специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 161.

зрения, можно предположить, что юридические знания прокурора при непосредственном осуществлении надзора за исполнением законов (раздел III Закона о прокуратуре) целесообразно относить к специальным.

Обратимся к нормативным правовым актам, регламентирующим право прокурора на использование специальных знаний при осуществлении надзора за исполнением законов в различные исторические периоды.

Исходя из анализа Положения о должности генерал-прокурора, утвержденного указом Петра I от 27 апреля 1722 г., установлено, что вопросы использования и применения знаний специалистов в деятельности прокуратуры в документе прямо не затронуты. Нам лишь известно, что генерал-прокурору в целях упорядочения организации своей работы «должно в своей дирекции иметь Канцелярию Сенатскую и служителей оной», «экзекутор (должное лицо в Сенате, наблюдающее за исполнением сенатских указов) в Сенате имеет быть под дирекцию генерал-прокурора»⁴.

Вместе с тем, Петром I в Воинском уставе 1716 г. устанавливается необходимость привлечения врачей к исследованию повреждений на теле потерпевшего и установления причины его смерти⁵, что свидетельствует о развитии института использования специальных знаний в уголовных правоотношениях. Указом от 6 апреля 1722 г. «О свидетельствовании дураков в Сенате» на законодательном уровне также закреплена процедура проведения Сенатом психиатрической экспертизы.

В главе XXVII «О прокурорской и стряпческой должности» «Учреждения о губерниях», утвержденного в 1775 г. Екатериной II, указано, что «прокурору для совета в случающихся делах по его должности определяются стряпчей казенных дел и стряпчей уголовных дел, и почитается, что все трое едиными устами говорят. При верхних судах стряпчие предлагают заключения по делам казенного интереса или ущерба; в спорах о землях; по делам о нарушении общего порядка и противным власти и должности; по делам, касающимся запрещенного сбора с народа или зловредных взяток; по делам малолетних, не имеющих опекунов, и прочих подобных дел».

Учитывая, что Екатерина II большое внимание уделяла совершенствованию государственного управления, в том числе и контролирующей системе, она не забывала и о надзоре за исполнением законов, понимая, что исполнение издаваемых ею законов — это средство укрепления самодержавной власти⁶. Следует отметить, что появившейся институт стряпчих позволял прокурорам при осуществлении надзорных функций заручиться поддержкой третьих лиц и, опираясь на данные ими заключения, принимать правильные процессуальные решения.

С утверждением 29 сентября 1862 года Александром II «Основных положений о прокуратуре» и проведением судебной реформы 1864 года вплоть до советского периода функции прокуратуры при осуществлении надзора за исполнением законов были ограничены, роль органов прокуратуры сводилась к поддержанию государственного обвинения в судебных органах, в связи с чем рассмотрение данного исторического периода с точки зрения развития института специальных знаний целесообразно. Вместе с тем уставы судопроизводства 1864 г. сделали серьезный шаг в регламентировании института сведущих лиц, в уголовном судопроизводстве такие лица вступали в процесс по приглашению судьи или следователя для дачи заключений о предмете, рассмотрение и оценка которого требовала особых научных, технических или хозяйственных сведений (знаний) или особых сведений. Формы участия сведущих лиц и их правовой статус не были четко выделены законодателем⁷.

История института использования органами прокуратуры при осуществлении надзора за исполнением федерального законодательства специальных знаний берет свое начало в Положении о прокурорском надзоре в СССР 1955 г., в соответствии с которым прокурор мог адресовать требование о проведении проверки или ревизии в вышестоящий орган по отношению к проверяемому.

А в пункте 2 ст. 22 Закона о прокуратуре СССР 1979 г. прокурору уже предоставлялось право требовать не только проведения проверок и ревизий деятельности предприятий, учреждений, организаций и должностных лиц в связи с имеющимися данными о нарушениях

⁴ [Электронный ресурс]. URL: <http://constitutions.ru/?p=11315>

⁵ Неретина Н.С. От Гиппократ до Ньютона: начальный период возникновения и становления экспертных знаний // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 2. С. 43.

⁶ Рохлин В.И. Прокурорский надзор и государственный контроль: история, развитие, понятие, соотношение. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 127.

⁷ Дьяконова О.Г. Регламентация института сведущих лиц в уставах судопроизводства Александра II // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 706.

закона, но и выделения специалистов для выяснения возникших при осуществлении надзора вопросов.

Таким образом, с созданием органа прокуратуры как надзорного органа постепенно формируются принципы ее деятельности, пределы и средства надзора, функции и основные задачи в том виде, в котором мы наблюдаем их в современной концепции.

В настоящее время право на привлечение прокурором специалиста для выяснения возникших вопросов закреплено в ст. 22 Закона о прокуратуре, а также, помимо прочего, в п. 10 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» и других ведомственных документах органов прокуратуры.

Думается, что в вышеупомянутой редакции Закона о прокуратуре норма о выделении специалиста несовершенно: не раскрыты его права и обязанности, не определена ответственность, не обозначены формы и пределы («круг возникших вопросов») использования специальных знаний при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов.

Полагаем, что под «кругом возникших у прокурора вопросов» следует понимать необходимость детального исследования отдельных документов в области медицины, техники и др., проведения замеров шума, анализа почв и т.д. При этом решение о привлечении

специалиста, например к проверке, каждый прокурор принимает самостоятельно, в законе обязательное участие такого лица в работе органов прокуратуры не закреплено, в отличие от участия в следственном действии судебного медика или врача при осмотре трупа (ст. 178 УПК РФ).

Подводя итог, следует сказать, что принятие нормативных правовых актов, регламентирующих зачатки института использования специальных знаний в исследуемые исторические периоды, имеет большое значение для развития научного знания и практики сегодня — многие положения института сведущих лиц были восприняты современным законодателем и получили развитие в совершенствовании правового регулирования.

Проведенный анализ также позволяет сделать вывод, что нормы, закрепляющие использование прокурором специальных знаний, возможности использования которых возрастают в условиях научно-технического прогресса, подлежат корректировке. Опираясь на исторический опыт, практику и теорию сегодняшнего дня, необходимо сформулировать понятие специалиста в данном контексте, требования, предъявляемые к таким лицам, определить формы, пределы и значения использования специальных знаний, что позволит выработать современный единообразный подход к правовому регулированию института использования специальных знаний при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов.

Литература

1. Дьяконова О.Г. Регламентация института сведущих лиц в уставах судопроизводства Александра II / О.Г. Дьяконова // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 705–711.
2. Неретина Н.С. От Гипократа до Ньютона: начальный период возникновения и становления экспертных знаний / Н.С. Неретина // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 2. С. 41–49.
3. Поздняков М.А. Понятие и признаки специальных знаний в уголовном судопроизводстве / М.А. Поздняков // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 155–161.
4. Рохлин В.И. Прокурорский надзор и государственный контроль: история, развитие, понятие, соотношение / В.И. Рохлин. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 305 с.

References

1. Dyakonova O.G. Reglamentatsiya instituta svedushchikh lits v ustavakh sudoproizvodstva Aleksandra II [Regulation of the Expert Institution in the Statutes of Procedure of Alexander II] / O.G. Dyakonova // Aktual'nye problemy rossijskogo prava — The Relevant Issues of the Russian Law. 2014. No. 4. S. 705–711.
2. Neretina N.S. Ot Gippokrata do Nyutona: nachal'nyj period vozniknoveniya i stanovleniya ekspertnykh znaniy [From Hippocrates to Newton: the Initial Period of the Expert Knowledge Appearance and Establishment] / N.S. Neretina // Aktual'nye problemy rossijskogo prava — The Relevant Issues of the Russian Law. 2014. No. 2. S. 41–49.
3. Pozdnyakov M.A. Ponyatie i priznaki spetsial'nykh znaniy v ugovnom sudoproizvodstve [The Notion and Attributes of Special Knowledge in Criminal Proceedings] / M.A. Pozdnyakov // Aktual'nye problemy rossijskogo prava — The Relevant Issues of the Russian Law. 2015. No. 9. S. 155–161.
4. Rokhlin V.I. Prokurorskiy nadzor i gosudarstvennyy kontrol': istoriya, razvitie, ponyatie, sootnoshenie [Prosecutorial Supervision and State Control: History, Development, Notion, Correlation] / V.I. Rokhlin. Sankt-Peterburg : Izd-vo "Yuridicheskij tsentr Press" — Saint Petersburg : The Legal Center Press publishing house, 2003. 305 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2017-24-49-55

Общественный контроль в революциях 1917 г.: опыт и уроки

*Санкина Наталья Николаевна,
преподаватель Уфимского филиала Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
avtor@lawinfo.ru*

В статье обобщается опыт общественного контроля, возникшего в ходе Февральской и Октябрьской революций 1917 г. Извлекаются основные уроки, необходимые для эффективного развития общественного контроля в настоящее время.

Ключевые слова: *способы, формы, субъекты, инструменты общественного контроля.*

Public Control in the Revolutions of 1917: Experience and Lessons

*Sankina Natalya N.
Lecturer of the Ufa branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation*

The article generalizes the experience of social control that occurred during the February and October revolutions of 1917. Extracted the key lessons that are necessary for the effective development of public control at the present time.

Key words: *processes, forms, subjects, instruments of public control.*

Мировой и отечественный опыт убедительно свидетельствует, что, для того чтобы государственная власть эффективно исполняла свои функции, она должна быть под постоянным и строгим общественным контролем, выступающим в качестве инструмента укрепления страны. В начале XX века Россия прошла определенный путь в развитии общественного контроля, который открыл возможности для формирования гражданского общества и строительства правового государства¹. Однако революции 1917 го-

да, прервав эволюционное развитие страны, остановили этот процесс. В этой связи представляется актуальным рассмотреть опыт развития общественного контроля в России

ганизаций — земских и городских союзов, военно-промышленных комитетов. Общественные союзы не только наблюдали за качеством организации правительством медицинского обеспечения фронта в 1915–1917 гг., но и сами организовывали медицинскую помощь российской армии. В свою очередь военно-промышленные комитеты, созданные в ходе Первой мировой войны крупными предпринимателями и лидерами либеральных партий, наблюдали за налаживанием правительством производства достаточного количества вооружений и их своевременной поставкой на фронт. Главным инструментом субъектов непрямого способа общественного контроля являлась печатная продукция — газеты, журналы, брошюры, издававшиеся на их средства. Но социально-экономические тяготы войны, ошибки военного командования, гибель на фронтах кадровых частей армии, коррумпированность чиновников, неумение жадной, эгоистичной и глупой царской элиты выстроить конструктивную обратную связь с обществом привели к политическому кризису и духовному надлому народа. В этих условиях лидеры кадетов, октябристов, земских и городских союзов, выйдя за рамки общественного контроля, стали готовить государственный переворот, что противоречило национальным интересам России. Итогом стала Февральская революция 1917 г., свергнувшая самодержавие, установившая широкие политические права, поставившая государство на грань распада.

¹ В 1906–1916 гг. в России общественный контроль осуществлялся непрямым (представительным) способом. Он выражался, во-первых, в форме не прямых выборов в 1906–1912 гг. четырех государственных дум Российской империи через избрание выборщиков отдельно по шести куриям — крестьянской, землевладельческой, городской, крестьянской, рабочей, казачьей, инородческой. Избирательного права были лишены женщины, лица моложе 25 лет, военнослужащие и ряд других социальных групп. Во-вторых, представительный способ общественного контроля осуществлялся в форме парламентского контроля над деятельностью царского правительства, ведущую роль в котором играли такие субъекты общественного контроля, как партия кадетов и октябристов, входившие в Государственную думу. Партия большевиков в лице своего лидера Ленина считала общественный контроль препятствием в осуществлении своих радикальных планов — социалистической революции. В-третьих, не прямой общественный контроль выражался в различных формах деятельности общественных ор-

в февральской и октябрьской революциях 1917 года и извлечь из него необходимые уроки для эффективного развития общественно-го контроля в настоящее время.

Февральская революция и общественный контроль

Февральская революция 1917 г. положила начало принципиально новому этапу в развитии общественного контроля в России: он впервые стал осуществляться прямым (непосредственным) способом, который проводился, во-первых, в форме всеобщих, равных и прямых выборов во Всероссийское Учредительное собрание; во-вторых, в форме митингов, демонстраций и шествий. Общественный контроль проводился так же, как и ранее, непрямым (представительным) способом, в различных формах, регулирующих отношения общества с властью. Конкретно они выражались в деятельности субъектов общественного контроля — политических партий, общественных организаций местного (городского и земского) самоуправления. Февральская революция стала источником появления новых субъектов общественного контроля — фабрично-заводских комитетов, профессиональных союзов, крестьянских комитетов, региональных общественных структур, национальных общественных организаций.

Итогом февральской революции стали всеобщие, равные и прямые выборы во Всероссийское Учредительное собрание, проведенные 12 (25) ноября 1917 г., которые явились высшей формой непосредственного способа общественного контроля. Эти выборы были невиданными в истории страны, поскольку вовлекли десятки миллионов граждан России в процесс непосредственного контроля над деятельностью власти. Ничего подобного прежде страна не знала. Выступая в качестве императивной формы прямого волеизъявления граждан, эти выборы явились вершиной непосредственной демократии в России в 1917 г.

В этой связи Л.Г. Протасов, известный исследователь Всероссийского Учредительного собрания, подчеркнул, что эти выборы явились важнейшим рубежом, на котором еще можно было избежать кровавой гражданской войны, сохранить перспективу народовластия, основанного на представительной демократии, не утратив национальную идентичность².

² См.: Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997; Он же. Избирательный закон 1917 г. и выборы Всероссийского Учредительного собрания [Электронный ресурс]. URL: http://www.rcoit.ru/elect_history/constituent_assembly/16996/

Февральская революция 1917 г. предоставила возможность также впервые легитимно проводить митинги, шествия и демонстрации, являвшиеся формой прямого способа общественного контроля. При этом демонстрации пытались использовать все политические силы, в том числе и левые радикалы — большевики, выступавшие против общественного контроля. Так, на первомайских демонстрациях, проведенных во многих городах страны (Петрограде, Москве, Кронштадте, Ярославле, Саратове, Владивостоке и др.), граждане, как можно видеть по кадрам кинохроники, несли плакаты, лозунги и транспаранты с требованием к правительству опубликовать тайные договоры, решить вопрос о земле, установить 8-часовой рабочий день. Вместе с тем были и плакаты: «Да здравствует Учредительное собрание!»³.

Особенно активно пытались использовать демонстрации большевики, но не как форму прямого способа общественного контроля, а как ударную силу против правительства и для захвата власти. Например, когда утром 20 апреля (3 мая по новому стилю) министр иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюков выступил с нотой, в которой заверил союзников, что Россия готова вести войну до победного конца, это стало поводом для большевиков выступить против правительства и требовать отставки министра иностранных дел. Большевики быстро организовали демонстрацию, в которой участвовали солдаты, матросы и рабочие Петрограда. Уже к 15–16 часам демонстранты пришли к Мариинскому дворцу с плакатами: «Милюкова в отставку!».

По этому поводу Милюков писал в своих мемуарах, что большинство солдат не знали, зачем их ведут к Мариинскому дворцу. Кроме запасного батальона Финляндского полка, роты Балтийского флотского экипажа, в демонстрации участвовали рабочие подростки, не скрывавшие, что им за это заплачено по 10–15 рублей. На смену демонстрантам появились многолюдные процессии с плакатами: «Доверие Милюкову!», «Да здравствует Временное правительство!». Местами доходило до столкновений, но уже к вечеру нагромождение, враждебное ленинцам, возоблада-ло на улицах⁴.

³ Магидов В.М. Кинодокументы Февральской революции в предметном поле источниковедения // Февральская революция 1917 года в России. История и современность : материалы круглого стола (13 марта 2007 г.) / отв. ред. Е.И. Пивовар. М., 2007. С. 119–120.

⁴ Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 2. М., 1990. С. 311–312.

18 июня большевики организовали в Петрограде демонстрацию протеста против Временного правительства. По кадрам кинохроники видно, что по Невскому проспекту проходят колонны рабочих, солдат и матросов с лозунгами: «Долой 10 министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!» и др.⁵. Таким образом, в условиях революционных настроений демонстрации, как форма прямого способа общественного контроля, превращались в разрушительную силу.

В течение восьми месяцев, с 27 февраля до 25 октября 1917 г., осуществлялся и представительный способ общественного контроля, субъектами которого были: фабрично-заводские комитеты; профсоюзы; крестьянские комитеты; общественные комитеты местного самоуправления; региональные общественные организации; граждане и общественные организации, участвовавшие в законодательной деятельности Временного правительства. Они проводили свой контроль деятельности Временного правительства, органов власти местного самоуправления, администраций заводов и помещичьих хозяйств в различных, регулирующих общественные отношения формах непрямого способа контроля граждан. Рамки статьи не позволяют раскрыть содержание работы субъектов представительного способа общественного контроля, поэтому остановимся только на деятельности самых активных из них — фабрично-заводских комитетов (ФЗК).

Первый из них возник уже 28 февраля в Петрограде на Путиловском заводе, когда напуганная революцией администрация сбежала, а рабочие создали комитет, который взял управление заводом в свои руки⁶. Затем возникли фабрично-заводские комитеты на Петроградском патронном заводе, Невском судостроительном, Шлиссельбургском пороховом и других предприятиях. В те же дни ФЗК возникли в Москве на заводах «Динамо», Михельсона, Бромлея, на многих предприятиях Киева, Минска, Брянска, Тулы, Ярославля, Нижнего Новгорода, Самары и других промышленных центров страны⁷.

Первоначально фабрично-заводские комитеты занимали умеренную позицию, отвечая задачам регулирования отношений между рабочими и администрацией заводов, то

есть представительного способа общественного контроля. Так, ФЗК сосредоточились на повышении производительности труда, разрешении конфликтных ситуаций между рабочими и управляющими предприятиями, проведении культурно-просветительской работы. Но по мере проникновения большевиков на промышленные предприятия в апреле 1917 г. ФЗК становились в своих действиях все более радикальными. Их главной задачей под влиянием большевиков стало осуществление рабочего контроля за производством и распределением. ФЗК явочным порядком вводили 8-часовой рабочий день, решали вопросы расценок и заработной платы, приема и увольнения, снабжения рабочих продовольствием⁸.

В этих условиях в целях упорядочивания деятельности фабрично-заводских комитетов Временное правительство было вынуждено принять 23 апреля 1917 г. постановление «О рабочих комитетах в промышленных заведениях»⁹. Этот правовой акт, с одной стороны, узаконил фабрично-заводские комитеты как полномочных представителей рабочего класса. С другой стороны, регулировал отношения между администрациями предприятий, представлявших интересы предпринимателей, и рабочими комитетами по вопросам заработной платы, рабочего времени, правил внутреннего распорядка и т.п. Однако по мере углубления социально-экономического и политического кризиса деятельность фабрично-заводских комитетов, оказавшихся под сильным воздействием большевиков, не признающих ни методы общественного контроля, ни законодательство, регулирующее их, приобрела радикальный характер¹⁰. В итоге рабочий контроль утратил регулирующую форму непрямого способа общественного контроля и стал не только одним из лозунгов социалистической революции, но и ударной силой по захвату власти.

Главным инструментом общественного контроля выступала периодическая печать. Уже 5 марта 1917 г. Временное правительство объявило о свободе слова, печати,

⁵ Магидов В.М. Кинодокументы Февральской революции в предметном поле источниковедения // Там же. С. 119–120.

⁶ Великая Октябрьская социалистическая революция: хроника событий. М., 1957. Т. 1. С. 15.

⁷ История советского рабочего класса : В 6-ти т. Т. 1 : Рабочий класс в Октябрьской революции и на защите ее завоеваний. 1917–1920 гг. М., 1984. С. 45.

⁸ См. подробнее: Революционное движение в России после свержения самодержавия : док. и мат. М., 1957. Разд. IV.

⁹ Постановление Временного правительства от 23 апреля (6 мая) 1917 г. «О рабочих комитетах в промышленных заведениях» / Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. I : От февраля к октябрю. М., 1927. С. 22–24.

¹⁰ См. подробнее: Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общациональный кризис : док. и мат. М., 1961. Разд. IV; Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. I. М., 1927; Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. II : Накануне октября. М., 1927.

союзов, собраний и стачек. 26 апреля был утвержден закон о печати, который предусматривал отмену цензуры «отныне и навсегда», запрет какого-либо административно-воздействия на прессу. Все политические партии получили право выпускать свою периодику. Партия меньшевиков издает свой центральный орган — «Рабочую газету», в Москве — газету «Вперед». Всего меньшевики выпускали более 100 печатных изданий. К печати левых партий тесно примыкают «Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», которые издаются во многих регионах России и являются официальными органами Советов разных уровней¹¹. Эсеры выпускали более 100 печатных изданий. Ежедневная газета эсеров «Дело народа» печаталась тиражом до 300 тыс. экземпляров¹². Начинают выходить 6 изданий анархистов. Кадеты вновь начинают издавать журнал «Вестник партии народной свободы» и газеты — «Власть народа», «Война и мир» и др. В период с февраля по октябрь у конституционных демократов выходило около 40 изданий, которые публиковались в различных городах и регионах страны¹³. Большевики возобновляют издание массовой рабочей газеты «Правда» в Петрограде, в Москве начинает выходить газета «Социал-демократ». При этом большевистские газеты больше выступали пропагандистской силой по ликвидации Временного правительства и захвату власти, а не инструментом общественного контроля.

Октябрьская революция 1917 г. и общественный контроль

Большевистская партия, пришедшая к власти в результате государственного переворота 25 октября (7 ноября) 1917 г., для того чтобы защитить себя, начала с ликвидации общественного контроля, осуществляемого буржуазными партиями (кадетами и октябристами), общественными земскими и городскими союзами. Первым делом большевики разрушили инструменты общественного контроля этих организаций, запретив печатание их газет. На следующий же день после государственного переворота революционный комитет закрыл 10 наиболее крупных буржуазных газет — «Речь», «Русское слово», «Рус-

ская воля», «Новое время», «Биржевые ведомости», «Копейка» и др.¹⁴.

Еще через день — 27 октября (9 ноября) Совнаркомом был выпущен «Декрет о печати», по которому закрывались газеты, выступавшие против большевиков¹⁵. С октября 1917 по июнь 1918 г. были закрыты или прекратили существование более 470 оппозиционных газет¹⁶. Поскольку все буржуазные печатные издания критиковали большевиков за незаконный захват государственной власти, то уже 8 ноября 1917 г. Совет народных комиссаров выпустил Декрет о монополии на печатание объявлений¹⁷, по которому печатать объявления могли только правительственные советские издания.

В 1918–1919 годах были конфискованы все частные типографии и бумажная промышленность. Таким образом, ни один орган печати уже не мог появиться без разрешения советского правительства. Юридическая основа для этого решения была подведена в Конституции РСФСР 1918 г., по которой все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати предоставлялись только в руки рабочего класса и крестьянской бедноты¹⁸.

Таким образом, Октябрьская революция стала переломным этапом в развитии российской прессы, выступавшей до нее главным инструментом общественного контроля. С одной стороны, она перестала выполнять функции контроля общества. С другой стороны, после победы большевиков стала формироваться новая модель прессы, в которой печатные издания служили целям советской и коммунистической пропаганды.

Следующий удар нанесли большевики по высшей форме прямого способа общественного контроля — всеобщим, равным и прямым выборам. Большевики, получив скромные 22,5% голосов на всенародных выборах

¹¹ Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики: февраль 1917 — начало XXI в. : учебное пособие / под ред. Я.Н. Засурского. М., 2005. С. 29, 40.

¹² Аноприева Г., Ерофеев Н. Партия социалистов-революционеров // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века : энциклопедия. М., 1996. С. 440.

¹³ Овсепян Р.П. Указ. соч. С. 30.

¹⁴ Козлова М.М. История отечественных средств массовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://textfighter.org/text3/09_gazetyi_izdaniya_pechati_9.php

¹⁵ Декрет СНК РСФСР о печати от 27.10.1917 // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 24–25.

¹⁶ См.: Жирков Г.В. Советская цензура периода комиссародержавия 1917–1919 гг. // История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001.

¹⁷ Декрет СНК РСФСР о государственной монополии на печатание объявлений от 08.11.1917 // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 55–56.

¹⁸ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm>

во Всероссийское Учредительное собрание, проиграла эсерам, которые вместе с другими социалистами получили 53,5% голосов избирателей¹⁹, или в 2,4 раза больше. Курс большевиков на радикальные преобразования оказался под угрозой. Не считаясь с всеобщим и прямым волеизъявлением российских граждан, большевики в 5-м часу утра 6 января 1918 г. разогнали Учредительное собрание как «контрреволюционное».

Механизм прямого способа общественного контроля, выраженный в форме всеобщих, равных, прямых выборов, был разрушен, что противоречило национальным интересам страны. Принятая 10 июля 1918 г. Конституция РСФСР лишила избирательных прав лиц, использующих наемный труд с целью извлечения прибыли, живущих на нетрудовые доходы, частных торговцев и коммерческих посредников, монахов и духовных служителей церкви, бывших служащих полиции и ряд других категорий²⁰.

Право избирать и быть избранными для всех граждан было восстановлено спустя 18 лет — в Конституции СССР 1936 г., закрепившей в ст. 134 всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании²¹. Но данная конституционная норма только имитировала прямой контроль граждан, поскольку выборы проходили формально — без выбора. Это была больше проверка лояльности граждан, принужденных голосовать за безальтернативного кандидата. Выборы в органы государственной власти СССР не могли отражать реальное волеизъявление советских людей, следовательно, являться высшей формой прямого общественного контроля граждан.

Не стали мириться большевики и с другой формой непосредственного способа общественного контроля — митингами и демонстрациями, которые сразу же начали расстреливать. Первыми жертвами стали демонстрации, связанные с народным протестом

против разгона Всероссийского Учредительного собрания. Уже 6 (19) января 1918 г. рабочие, служащие, интеллигенция вышли на мирную демонстрацию в защиту избранного всенародным голосованием Учредительного собрания. По приказу большевиков эта демонстрация была расстреляна²². Ровно через три дня — 9 (22) января такая же демонстрация была расстреляна в Москве²³.

После расстрелов мирных демонстраций все надежды на конституционное развитие России, становление правового государства рухнули, а с ними и на развитие демократического общественного контроля. Большевицкий режим, проявив пренебрежение к Учредительному собранию, к всеобщему избирательному праву как прямому контролю граждан деятельности власти, лишил себя легитимности, которую не могли дать советские съезды. Насильственный разгон Всероссийского Учредительного собрания, расстрелы мирных демонстраций бросили страну в гражданскую войну, унесшую миллионы человеческих жизней, повлекшую распад государства.

Альтернативой общественному контролю большевики выдвинули рабочий контроль, который, по мысли Ленина, должен был стать движущей силой социалистического строя. 5 (18) ноября 1917 г., ровно за неделю до всеобщих, равных и прямых выборов во Всероссийское Учредительное собрание, Ленин призвал рабочих сплотиться вокруг Советов и начать управлять государством посредством контроля и учета работы промышленных предприятий, количества и качества труда, а также распределения дефицитных товаров и продуктов²⁴. На практике окажется, что привлечение некомпетентных управляющих и замена администраций фабрично-заводскими комитетами только усугубят экономический кризис и усилят падение производства. Не справляющиеся с административными функциями представители рабочего контроля компенсировали свою некомпетентность репрессиями — разгоняли митинги и забастовки, цензурировали прессу. Использовали они и пряник — стимулировали лояльных рабочих при распределении продовольствия²⁵.

¹⁹ Итоги выборов в Учредительное собрание: эсеры — 39,8%, большевики — 22,5%, другие социалисты — 13,7%, кадеты — 4,5%, меньшевики — 3,1%, национальные списки — 10,6%, правые — 1,3%. См.: Протасов А.Г. Избирательный закон 1917 г. и выборы Всероссийского Учредительного собрания [Электронный ресурс]. URL: http://www.rcoit.ru/elect_history/constituent_assembly/16996/

²⁰ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

²¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик : утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г. [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/chapter/11/#block_1011

²² Известия ВЦИК. 1918. 6 янв.

²³ Известия ВЦИК. 1918. 11 янв.

²⁴ Обращение Председателя Совета Народных Комиссаров к населению о победе Октябрьской революции и о задачах борьбы на местах // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 49.

²⁵ Данилкин Л.А. Ленин: Пантократор солнечных пылинок. М., 2017. С. 656.

Исторические уроки

Какие можно извлечь исторические уроки для эффективного развития общественного контроля в России в настоящее время?

Во-первых, общественный контроль как инструмент укрепления страны может достичь своих целей только в условиях ее эволюционного, правового развития. В революционной ситуации общественный контроль не способен выступать инструментом укрепления страны, несмотря на законодательное обеспечение его различных форм и способов осуществления. Более того, революции превращают субъектов общественного контроля в ударную силу по разрушению правопорядка и политического строя, что приводит к гражданской войне. Субъекты общественного контроля должны быть способны самоорганизации и самоуправлению, ответственному и конструктивному контролю, не допускающему революции — отхода от эволюционного развития страны.

Во-вторых, результативность общественного контроля, призванного укрепить государство, зависит от защиты его интересов субъектами контроля. Их отчуждение от государства привело к революциям. Так, воспользовавшись разрушительными последствиями Первой мировой войны и кризисом власти, партии и их лидеры прервали эволюционный путь развития России, организовав две революции — в феврале и октябре 1917 г., что противоречило национальным интересам страны. Первая революция сокрушила монархию, вторая — буржуазный строй. Россия была брошена в кровопролитную гражданскую войну, следствием которой стал распад государства. Радикализм сначала либералов, а затем большевиков стал предательством национальных интересов страны, поскольку они покушались на труд и воинский подвиг своих предков, которые из поколения в поколение строили и собирали национальное россий-

ское государство. Нельзя ради своих эгоистичных интересов предавать национальные интересы страны. Лидеры партий и иных субъектов общественного контроля должны объединять граждан вокруг общих ценностей — государственного суверенитета, армии, защищающей страну, социального мира, национального бытия — языка, культуры, духовных ценностей, исторической памяти.

В-третьих, эффективность общественного контроля зависит от уровня зрелости гражданского общества, связанного с сильным массовым средним классом, от развитости общей и политико-правовой культуры граждан.

В-четвертых, общественный контроль эффективен тогда, когда правящая элита имеет обратную связь с обществом, принимает его конструктивные инициативы, а главное — реализовывает их. В этой связи задача российской правящей элиты состоит, с одной стороны, в законодательном совершенствовании инструментов общественного контроля, существующих сегодня. С другой стороны, в достижении прозрачности своей деятельности, необходимой для осуществления результативного общественного контроля.

В-пятых, в настоящее время следует уйти от формального, а подчас имитационного проведения общественного контроля и перейти к достижению его целей. С одной стороны, они состоят в том, чтобы принудить органы государственной власти и должностных лиц к ответственности по обеспечению неукоснительного соблюдения закона всеми без исключения, компетентному государственному управлению, своевременному и качественному решению экономических, социальных и гуманитарных вопросов в стране. С другой стороны, общественный контроль призван помочь государственным и муниципальным служащим навести порядок в своих рядах — быть ответственными, неподкупными и компетентными.

Литература

1. Великая Октябрьская социалистическая революция: хроника событий. М., 1957.
2. Данилкин Л.А. Ленин: Пантократор солнечных пылинок / Л.А. Данилкин. М.: Изд-во «Молодая гвардия», 2017. 784 с.
3. Декреты Советской власти. Т. I / С.Н. Валк [и др.]. М.: Политиздат, 1957. 624 с.
4. Меньшевики. Документы и материалы. 1903 — февраль 1917 гг. / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1996. 517 с. (Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Документальное наследие).
5. Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 2 / П.Н. Милюков. М.: Политиздат, 1990. 75 с.
6. Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики: февраль 1917 — начало XXI в.: учеб. пос. / Р.П. Овсепян; под ред. Я.Н. Засурского. М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005. 349 с.
7. Октябрьская революция и фабзавкомы: мат. по истории фабрично-заводских комитетов / Комис. по изучению истории проф. движения в СССР (Истпроф ВЦСПС); сост., под ред. П.Н. Амосова [и др.]. Ч. I: От февраля к октябрю. М., 1927. 277 с.
8. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели / Л.Г. Протасов. М.: РОССПЭН, 1997. 380 с.
9. Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис: док. и мат. М., 1961. Разд. IV.
10. Революционное движение в России после свержения самодержавия: док. и мат. / Академия наук СССР, Институт истории; Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Главное архивное управление СССР; Ред. кол.: А.С. Гапоненко (отв. ред.) и др.; сост.: В.Е. Полетаев (отв. сост.) [и др.]. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 857 с.

References

1. Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya : khronika sobytij [The Great October Socialist Revolution : Chronicle of Events]. Moskva — Moscow, 1957.
2. Danilkin L.A. Lenin: Pantokrator solnechnykh pylinok [Lenin: The Sun Mote Pantocrator] / L.A. Danilkin. Moskva : Izd-vo "Molodaya gvardiya" — Moscow : the Young Guard publishing house, 2017. 784 s.
3. Dekrety Sovetskoj vlasti. T. I [The Soviet Decrees] / S.N. Valk [et al.]. Moskva : Politizdat — Moscow : the Publishing House of Political Literature, 1957. 624 s.
4. Men'sheviki. Dokumenty i materialy. 1903 — fevral' 1917 gg. [The Mensheviks. Documents and Materials. 1903 to February 1917] / editor-in-chief V.V. Shelokhaev. Moskva : ROSSPEN — Moscow : ROSSPEN, 1996. 517 s. (The Russian Political Parties. The Late XIX to the First Third of the XX Century. Documentary Heritage).
5. Milyukov P.N. Vospominaniya (1859–1917). T. 2 [Memories (1859 to 1917)] / P.N. Milyukov. Moskva : Politizdat — Moscow : the Publishing House of Political Literature, 1990. 75 s.
6. Ovsepyan R.P. Istoriya novejshej otechestvennoj zhurnalistiki : fevral' 1917 — nachalo XXI v. : ucheb. pos. [The History of the Modern Russian Journalism : February 1917 to the Early XXI Century : Textbook] / R.P. Ovsepyan; edited by Ya.N. Zasursky. Moskva : Izd-vo Mosk. un-ta : Nauka — Moscow : The publishing house of the Moscow University : Science, 2005. 349 s.
7. Oktyabr'skaya revolyutsiya i fabzavkomy : mat. po istorii fabrichno-zavodskikh komitetov. Ch. I : Ot fevralya k oktyabryu [The October Revolution and the Factory Committees : Materials on the History of the Factory Committees] / Commission on Research of the History of the Trade Union Movement in the USSR (Istprof of the All-Union Central Council of Trade Unions) ; compiled, edited by P.N. Amosov [et al.]. Moskva — Moscow, 1927. 277 s.
8. Protasov L.G. Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie: istoriya rozhdeniya i gibeli [The All-Russian Constituent Assembly: the History of Birth and Abolition] / L.G. Protasov. Moskva : ROSSPEN — Moscow : ROSSPEN, 1997. 380 s.
9. Revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii v sentyabre 1917 g. Obschenatsional'nyj krizis : dok. i mat. [The Revolutionary Movement in Russia in September 1917. The Nation-Wide Crisis : Documents and Materials]. Moskva — Moscow, 1961. Section IV.
10. Revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii posle sverzheniya samodержavija : dok. i mat. [The Revolutionary Movement in Russia Following the Overthrow of Autocracy : Documents and Materials] / the Academy of Sciences of the USSR; the Institute of History ; the Marxism-Leninism Institute under the Central Committee of the Communist Party of the USSR ; the Chief Archive Directorate of the USSR ; Editorial board : L.S. Gaponenko (editor-in-chief) at al. ; compiled by V.E. Poletaev (the chief compiler) [et al.]. Moskva : Izd-vo AN SSSR — Moscow : Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1957. 857 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2017-24-55-61

Правовые аспекты концессии в теории и практике в годы нэпа

*Ившин Михаил Сергеевич,
директор Юридического института
Вятского государственного университета,
кандидат экономических наук
uf_dekan@vyatsu.ru*

В статье рассматриваются вопросы определения юридической природы концессии в России в годы нэпа, дефиниции его понятия, отражения в законодательстве прав и обязанностей концессионеров и правительства России. Дана характеристика дискуссий, которые велись учеными, разрабатывавшими теоретические проблемы концессии, ее соотношения с другими хозяйственно-правовыми явлениями, например выдачей разрешения на владение имуществом, и др.

Ключевые слова: Россия, нэп, концессия, понятие концессии, договор концессии, гражданское законодательство, соотношение, виды концессий, особенности регулирования их деятельности.

Legal Theoretical and Practical Aspects of Concessions in the Years of the New Economic Policy

*Ivshin Mikhail S.
Director of the Law Institute of the Vyatka State University
Candidate of Economic Sciences*

The article reviews the issues of determination of the legal nature of concession in Russia in the years of the New Economic Policy, definition of its notion, reflection of the rights and obligations of the

concessionaires and the Russian government in the laws. The author characterizes the discussions held by the scientists having developed the theoretical issues of a concession, the correlation of a concession with other economic and legal phenomena, e.g., issue of permissions to own property, etc.

Key words: *Russia, the New Economic Policy, concession, the notion of concession, concession agreement, civil law, correlation, concession types, peculiarities of regulation of their activities.*

Концессионная политика России сопровождалась разработкой правовых аспектов концессии. Это обуславливалось по крайней мере двумя существенными причинами. Во-первых, новые социально-экономические, политические и идеологические реалии, многоукладность экономики нэпа не позволяли в целом апплицировать положения гражданского права на концессию как таковую. Во-вторых, требовалось обеспечить правовое регулирование деятельности концессий, отвечающее, исходя из иностранного характера капитала, в том числе уровню правового регулирования аналогичных вопросов в зарубежном законодательстве.

Между тем в теории не было единства мнений практически по всем наиболее существенным вопросам концессий, начиная от ее понятия и заканчивая ее условиями и сроками, гарантиями концессионеров и т.д. На наш взгляд, это вполне объяснимо исходя из двух существенных обстоятельств: отсутствия к тому моменту общепризнанной теории советского права вообще и хозяйственного (промышленно-торгового) в частности; многоукладности экономики нэпа.

Выработку правового определения концессии можно условно разделить на два этапа: до принятия ГК РСФСР и после его принятия. В первое время это понятие употреблялось исключительно в случаях, когда речь шла о привлечении иностранного капитала в народное хозяйство России, а затем и СССР. С изданием ГК РСФСР оно стало трактоваться шире: о концессии уже говорили применительно как к иностранному капиталу, инвестированному в советскую промышленность и коммунальное хозяйство, так и к внутреннему капиталу, которому предоставлялась возможность владеть предприятием выше установленного законом размера либо функционирующим в сфере обслуживания населения, а также осуществлять деятельность, связанную с владением имуществом, изъятым из гражданского оборота.

В связи с этим в литературе даже предпринимались попытки противопоставить два понятия: концессии и разрешения, выдаваемого органом власти на владение имуществом¹. И.Н. Бернштейн указывал на недопустимость

противопоставления рассматриваемых понятий. По его мнению, они соотносятся между собой как родовое и видовое понятия². М.О. Рейхель также отмечал, что советское законодательство знает концессии на сферу деятельности, монополизированную государством (например, право горных разработок иностранным концессионерам и т.д.)³.

По мнению М.О. Рейхеля, характеризую концессию в узком смысле слова, необходимо выделить следующие ее признаки: 1) предоставление (разрешение) органом власти физическому или юридическому лицу; 2) права осуществлять определенную деятельность, изъятую из области свободного хозяйствования по крайней мере для данной категории лиц; 3) на началах капиталистической эксплуатации, т.е. с целью извлечения прибыли либо на началах хозрасчета; 4) но с соблюдением особых условий и порядка, устанавливаемых концессионным договором либо односторонним актом органа власти, содержание которого в той или иной форме согласовано с концессионером⁴. Судя по сформулированной им дефиниции, в целом аналогичного характера признаки концессии выделял И.Н. Бернштейн⁵.

Предметом концессионного договора являлся определенный вид деятельности, осуществляемой концессионным предприятием. В литературе последнее характеризовалось как «частнокапиталистическое предприятие, возникающее с разрешения власти на основании особого договора с ней (либо иного акта, заменяющего договор) и индивидуально регулируемое и контролируемое государством на основе и в пределах указанного договора (акта)»⁶.

сы понятия концессионного договора и советское право // Советское право. 1926. № 4 (22). С. 92.

² Бернштейн И.Н. Очерк концессионного права СССР. С. 14.

³ См.: Рейхель М. Концессии в советском законодательстве и практике // Советское право. 1927. № 4 (28). С. 3.

⁴ См.: Там же.

⁵ Автор пишет: «...под концессией наше законодательство понимает разрешение власти, предоставляющее лицу (физическому или юридическому) право либо заниматься деятельностью, закрытой ранее для данного лица или осуществляемой по общему правилу самим государством, либо обладать такими имущественными объектами, которые в силу общих законов изъяты из гражданского оборота» (Бернштейн И.Н. Очерк концессионного права СССР. М.—Л., 1930. С. 16).

⁶ Бернштейн И.Н. Очерк концессионного права СССР. С. 48.

¹ См.: Шретер В.Н. Советское хозяйственное право. М., 1928. С. 53; Карасс А.В. Концессия в советском праве // Советское право. 1925. № 2 (14). С. 30; Носов Е. К кризису понятия концессионного договора. Вопро-

Некоторые специалисты, определяя правовую природу концессионного договора, полагают, что он утратил характер частно-правового соглашения и превратился в части *service public* в административный акт. Характер же гражданской сделки сохранил лишь постольку, поскольку им определяются имущественные отношения сторон и экономические условия концессии⁷.

В России последовательным сторонником этой концепции выступал Е. Носов⁸. Его позиция подверглась резкой критике. Так, И.Н. Бернштейн обращал внимание на то, что автор необоснованно отождествляет частнокапиталистическое предприятие, осуществляющее «общепользную деятельность», с подобным же предприятием, являющимся государственным⁹. М.О. Рейхель писал: «Элементы частнокапиталистического, а не публичного порядка в концессии... затушевываются. Между тем элементы эти слишком резки даже в самой опубликованной концессии, чтобы их можно было игнорировать при построении понятия "концессия"». По его мнению, концессионное предприятие не перестает быть частнокапиталистическим со всем «букетом» его отличительных черт¹⁰.

В целом аналогичные доводы против концепции Е. Носова приводит и Б.А. Ландау. Он подчеркивает: «Советское законодательство, выдающее в концессии уступку враждебному ему элементу, не может видеть в концессионере органа своей власти... Предоставляя концессию, советское правительство не переносит на концессионера отправления деятельности, составляющей часть государственного управления, не делает его органом государства»¹¹.

Сущность концессионного договора, его правовая природа непосредственно связаны с его условиями. При этом принципиальное значение имеет вопрос о субъектах подобного рода соглашения, во-первых, для определения ответственного перед концессионером (государство или его орган), во-вторых, для установления титула, на основании которого концессионер осуществляет предоставленные ему властью права.

Согласно п. «з» ст. 1 Конституции СССР заключение концессионных договоров относилось к предмету ведения органов власти СССР. В то же время в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК от 12 апреля 1923 г. «концессионные договоры на коммунальные предприятия заключаются губернскими исполнительными комитетами».

Формулировка конституционного положения выглядит явно неудачной, в связи с этим в литературе утверждалось: «В данном случае имеется в виду следующее: 1) всякая концессия, связанная с привлечением иностранного капитала (а имелись в виду именно такие концессии), относится к ведению СНК СССР, притом 2) вне зависимости от того, является ли она общесоюзного, республиканского или местного значения»¹². Обращает на себя внимание фактически абсолютная централизация концессионного дела в одном союзном ведомстве, даже если речь шла о концессии местного значения.

Небезынтересно отметить вводную часть концессионного договора (как известно, именно в ней указываются его субъекты), претерпевшего изменение формы — от торжественного до делового. Например, в типовом концессионном договоре в области обрабатывающей промышленности говорится: «Правительство Союза Советских Социалистических Республик в лице Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ)... с одной стороны, и... гражданина...»¹³. Таким образом, одной из сторон договора выступает Правительство СССР, однако в некоторых из них встречается достаточно своеобразное сочетание субъекта договора. Так, в одном из концессионных договоров указано, что Правительство СССР действует от имени Правительства РСФСР в лице Наркомзема РСФСР¹⁴.

Концессионный договор, заключенный от имени Правительства СССР, по объему и гарантиям ответственности, по характеру возможных изъятий из действующего законодательства существенно отличается от договора, заключенного, например, губернским исполкомом. В последнем случае в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК от 12 апреля 1923 г. «по договорам... ответственность несут лишь подписавшие их губисполкомы в пределах местных средств и имуществ, состоящих в их распоряжении...».

⁷ См. подробно: Таль А.С. Концессионные договоры городских общественных управлений // Вестник гражданского права. 1915. Ноябрь — декабрь. С. 24.

⁸ Носов Е. К кризису понятия концессионного договора // Советское право. 1926. № 3 (21). С. 47.

⁹ См.: Бернштейн И.Н. Очерк концессионного права СССР. С. 20.

¹⁰ См.: Рейхель М. Концессии в советском законодательстве и практике. С. 21.

¹¹ Ландау Б.А. Концессионное право Союза ССР. М., 1925. С. 29.

¹² См.: Бернштейн И.Н. Очерк концессионного права СССР. С. 20.

¹³ Приложение 8 // Бернштейн И.Н. Очерк концессионного права СССР. С. 105.

¹⁴ См.: Бернштейн И.Н. Очерк концессионного права СССР. С. 26.

По первым же договорам ответственность несет Правительство СССР, роль которого проявляется в этих соглашениях в двояком качестве: с одной стороны, как представителя суверенной власти; с другой стороны — как субъекта гражданского права. Данное обстоятельство придает концессионному договору характерную особенность: он одновременно содержит публично-правовые и частно-правовые элементы (именно это приводило к дискуссии о правовой природе договора).

В договорах закреплялись права и обязанности концессионера. О них, в частности, можно судить по типовому договору в области обрабатывающей промышленности и конкретным договорам, заключенным с иностранными концессионерами. В договоре вначале оговаривались обязанности последних: по фабричному (заводскому) и жилищному строительству; по оборудованию предприятия; по дополнительному строительству на земельном участке концессии; по ввозу из-за границы капитала; по приобретению сырья; по обеспечению качества продукции; по обеспечению условий труда на концессионном предприятии; по платежам и т.д. В соответствии с примечанием к ст. 55 ГК РСФСР концессионеру запрещалось без разрешения Правительства СССР передавать концессию третьим лицам.

Концессионер имеет право: на дополнительное строительство на участке концессии; на строительство по договорам застройки; на льготы по ввозу в СССР производственного оборудования; на сбыт продукции на территории СССР по своему усмотрению; на перевод валюты за границу; на такую называемую общую правоспособность. В пределах концессионного договора концессионер самостоятельно распоряжается и управляет концессионным предприятием.

Совершение сделок с юридическим или частным лицом, не являющимся стороной концессионного договора, образует состав преступления, предусмотренного ст. 136 УК РСФСР.

Предоставляя концессионеру право осуществлять в СССР определенный вид хозяйственной деятельности, концессионный договор предусматривает два вида имущества, используемого в этих целях: во-первых, переданного государством на срок договора (например, фабричное здание, иногда — оборудование); во-вторых, приобретенного самим концессионером (например, ввезенное из-за границы технологическое оборудование, возведенное строение и т.д.). Юридическая природа первого из них как в теории, так и на практике не вызывала вопросов: оно было и оставалось государственной собственностью.

Этого свойства указанное имущество не теряет в связи с его передачей концессионеру, который в этом случае выступает нанимателем, с него взыскивается определенная в договоре плата за использование оборудования, помещений и т.д. Имущество концессионером не может быть отчуждено или заложено.

Правовая природа второго вида имущества, используемого в процессе концессионной деятельности, не столь однозначна. В.Н. Шретер пишет: «По нашему концессионному праву, так как оно складывается в договорах, концессионные заводы, независимо от того, получены ли они от правительства или выстроены вновь, состоят в распоряжении концессионера не на праве “аренды” или “собственности”, а на особом праве концессионного пользования, содержание коего определяется не общими гражданскими законами, а особыми законами или конкретными концессионными договорами»¹⁵.

В целом соглашаясь с такой трактовкой правовой природы рассматриваемого имущества, И.Н. Бернштейн вместе с тем подчеркивает: условия концессионного договора сильно влияют на его правовое положение, фактически создают ситуацию *sui generis*, которая не укладывается в рамки, очерченные ГК РСФСР. Однако это не дает основания говорить о концессионном пользовании имуществом. Если речь вести о пользовании, то тогда имущество кем-то должно быть передано концессионеру¹⁶. Некоторые ученые утверждают, что собственником данного имущества и является Правительство СССР¹⁷. Но в этом случае допускаются и логическая, и фактическая ошибки. Согласно концессионному договору имущество по окончании срока безвозмездно переходит в собственность правительства.

Такая ситуация с правовым положением имущества продиктована практическими соображениями, и она вовсе не исключает полную принадлежность концессионного предприятия или его оборудования, технических средств самому концессионеру. Например, согласно условиям строительных концессионных договоров оборудование, ввезенное в СССР концессионером, является его собственностью и в любое время может быть им вывезено за границу¹⁸.

¹⁵ Шретер В.Н. Система промышленного права СССР. С. 73–74.

¹⁶ См.: Бернштейн И.Н. Очерк концессионного права СССР. С. 29.

¹⁷ Бутковский В. Иностранцы концессии в народном хозяйстве СССР. М.—Л., 1928. С. 51.

¹⁸ См.: Шретер В.Н. Система промышленного права СССР. С. 71.

Кстати сказать, факт возможной передачи имущества для использования его зарубежным акционером в деятельности концессионного предприятия некоторым ученым дал основание для отождествления концессионного договора с договором аренды¹⁹. Так, А.В. Венедиктов прямо указывал, что концессии о сдаче предприятий «по своей юридической природе являются договорами аренды»²⁰.

Такая оценка концессионного договора подверглась, на наш взгляд, обоснованной критике. В.Н. Шретер достаточно наглядно показал различие между арендой и концессионным договором. «Сущность концессии заключается в даровании права на известную предпринимательскую деятельность, в то время как при аренде предоставляется в эксплуатацию известное имущество»²¹.

С указанной трактовкой различий рассматриваемых договоров в целом можно согласиться. Однако В.Н. Шретер, к сожалению, не дает оценки тому, что концессионный договор, будучи сложным институтом хозяйственного права, может предполагать передачу концессионеру определенного производственного объекта, технического оборудования и т.д., что само по себе по крайней мере внешне напоминает договор аренды. В связи с этим обоснованно возникает вопрос о юридической природе такой передачи имущества. Правда, В.Н. Шретер указывает, что «арендатор должен вернуть именно то оборудование и то имущество в натуре, которые он получил. Концессионер, получивший концессию на десятки лет, в отличие от арендатора, своевременно должен вернуть правительству во всяком случае уже не тот завод и не то оборудование»²². В ответ на это И.Н. Бернштейн правомерно возражает, указывая, в частности, на то, что арендатор может возратить собственнику не то имущество, которое сдавалось в аренду, а то, которое лишь соответствует «и служит тем же производственным целям, как и первоначальное, сданное ему»²³.

Таким образом, можно сделать вывод: в структуре концессионного договора есть элементы договора найма, но последний, во-

первых, не имеет самостоятельного значения, а во-вторых, не меняет правовую природу концессии. Это доказывается и платежами, осуществляемыми концессионером.

Концессионный договор различает три вида платежей: 1) долевое отчисление; 2) плата за пользование имуществом; 3) налоги. Все они имеют самостоятельную юридическую природу.

Концессионные договоры относятся к числу срочных. При этом срок их действия обуславливается различными факторами, среди которых немаловажное (если не главное!) значение имеет возможность за определенный период возместить произведенные затраты и получить прибыль. Вместе с тем каждый такой договор не исключает досрочное прекращение концессии, как правило осуществляемое из-за невыполнения концессионером принятых на себя по договору обязательств. Некоторые из них содержат положение, предусматривающее право правительства досрочного выкупа концессионного предприятия. Такое условие присуще не только концессионным договорам СССР, оно было и в дореволюционном концессионном законодательстве России, имеет место в зарубежном концессионном праве.

По окончании срока концессии концессионное производство переходит в собственность правительства. При этом в законодательстве и договоре специально оговаривается, что предприятие должно находиться в таком состоянии, чтобы можно было беспрепятственно продолжать производства в объеме, равном среднегодовому объему за несколько последних лет концессии. Правительству переходит все основное имущество, средства амортизационного фонда, не использованные по назначению к моменту окончания договора, а также патенты и товарные знаки концессионного предприятия.

Особый интерес представляет досрочное прекращение концессии. Это положение концессионного договора вызвало достаточно обширную дискуссию в юридической литературе. Дело в том, что в постановлении СНК от 23 ноября 1920 г. «Об общих экономических и юридических условиях концессии» заявлено: «Правительство РСФСР гарантирует концессионеру недопустимость одностороннего изменения какими-либо распоряжениями или декретами условий концессионного договора» (п. 6). В связи с этим возникло, по крайней мере, два вопроса: данное положение есть не что иное, как самоограничение власти, или таким образом гарантируется обязанность правительства возместить ущерб, причиненный концессионеру досрочным прекращением концессии? Первое предположение не

¹⁹ См.: Шретер В.Н. Система промышленного права СССР. С. 62.

²⁰ Венедиктов А.В. Концессии и смешанные общества. М., 1924. С. 45.

²¹ Шретер В.Н. Система промышленного права СССР. С. 65.

²² Шретер В.Н. Советское хозяйственное право. М., 1928. С. 54.

²³ Бернштейн И.Н. Очерк концессионного права СССР. С. 35.

спрягается с сущностью советского права, ни при каких обстоятельствах не допускающего самоограничение власти. Однако только политического объяснения сложившегося положения было явно недостаточно. Поэтому многие авторы прибегали к собственно юридическим доводам против теории «самоограничения власти», причем рассматривая этот вопрос как с позиции общей теории права, так и с позиции гражданского (хозяйственного) права. Например, А.Г. Гойхбарг считал: «Наш Гражданский кодекс не стоит на той точке зрения, что гражданская правоспособность... является естественной, природенной... над которой государство, как таковое, совершенно не властно. Источником правоспособности является... соответственный акт государственной власти, которая при том или ином строе может эту правоспособность сузить, расширить и даже свести к нулю»²⁴.

Позиция А.Г. Гойхбарга основывалась на ст. 4 ГК РСФСР, гласящей: «В целях развития производительных сил страны РСФСР представляет гражданскую правоспособность (способность иметь гражданские права и обязанности) всем гражданам, не ограниченным по суду в правах...». Из этого делается вывод: никаких прав личности, не зависящих от воли государства, не существует, поэтому никакой договор вообще и концессионный в частности не может содержать изъятий из данного положения. Другими словами, обязательность

²⁴ Гойхбарг А.Г. Хозяйственное право : В 2-х т. М., 1924. Т. 1. С. 23.

Литература

1. Бернштейн И.Н. Очерк концессионного права СССР / И.Н. Бернштейн. М.—Л., 1930. 128 с.
2. Бутковский В. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР / В. Бутковский. М.—Л. : Гос. изд-во, 1928. 123 с.
3. Венедиктов А.В. Концессии и смешанные общества / А.В. Венедиктов. М. : Гос. изд-во, 1924. С. 39–60.
4. Гойхбарг А.Г. Хозяйственное право : В 2-х т. / А.Г. Гойхбарг. М. : Гос. изд-во, 1923. Т. 1. 214 с.
5. Карасс А.В. Концессия в советском праве / А.В. Карасс // Советское право. 1925. № 2 (14). С. 30–49.
6. Ландау Б.А. Концессионное право Союза ССР. М., 1925 [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/52918>
7. Носов Е. К кризису понятия концессионного договора. Вопросы понятия концессионного договора и советское право / Е. Носов // Советское право. 1926. № 4 (22). С. 85–95.
8. Рейхель М. Концессии в советском законодательстве и практике / М. Рейхель // Советское право. 1927. № 4 (28). С. 3–29.
9. Таль А.С. Концессионные договоры городских общественных управлений / А.С. Таль // Вестник гражданского права. 1915. Ноябрь — декабрь. 69 с.
10. Шретер В.Н. Советское хозяйственное право / В.Н. Шретер. М.—Л. : Гос. изд-во, 1928. 332 с.

References

1. Bernshtein I.N. Ocherk kontsessionnogo prava SSSR [An Essay on the Concessionary Law of the USSR] / I.N. Bernshtein. Moskva – Leningrad — Moscow – Leningrad, 1930. 128 s.
2. Butkovsky V. Inostrannye kontsessii v narodnom khozyajstve SSSR [Foreign Concessions in the National Economy of the USSR] / V. Butkovsky. Moskva – Leningrad : Gos. izd-vo — Moscow – Leningrad : The State Publishing House, 1928. 123 s.
3. Venediktov A.V. Kontsessii i smeshanny'e obshchestva [Concessions and Mixed Companies] / A.V. Venediktov. Moskva : Gos. izd-vo — Moscow : the State Publishing House, 1924. S. 39–60.
4. Goykhbarg A.G. Khozyajstvennoe pravo : V 2-kh t. [Business Law] / A.G. Goykhbarg. Moskva : Gos. izd-vo — Moscow : The State Publishing House, 1923. Vol. 1. 214 s.

соблюдения договора концессии основывается не на нормах естественного права, а вытекает из сущности нормативных актов (постановлений положительного права) органов власти.

Большинство специалистов гражданского (хозяйственного, промышленно-торгового) права образовавшуюся правовую коллизию между нормативно определенными гарантиями правительства концессионерам и возможностью досрочного прекращения концессионного договора разрешали исходя из примата суверенных полномочий государства в концессионном деле, в том числе и по ограничению прав иностранных инвесторов.

Таким образом, в теории и на практике анализируемое положение Декрета от 23 декабря 1920 г. характеризуется как обязанность государства обеспечить акционеру возмещение убытков, причиненных ему односторонним изменением заключенного с ним концессионного договора.

В литературе выделяется три вида его расторжения, осуществляемого: 1) актом правительства; 2) актом правительства с правом концессионера обжаловать принятое решение в судебной инстанции, указанной в концессионном договоре; 3) решением суда. В случае прекращения концессии по указанным основаниям концессионное предприятие переходит к правительству на тех же условиях, что и по окончании срока концессии, но при этом правительство не возмещает концессионеру непогашенную часть его затрат.

5. Karass A.V. Kontsessiya v sovetskom prave [Concession in the Soviet Law] / A.V. Karass // Sovetskoe pravo — The Soviet Law. 1925. No. 2 (14). S. 30–49.
6. Landau B.A. Kontsessionnoe pravo Soyuzа SSR [Concessionary Law of the USSR]. Moskva — Moscow, 1925 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://istmat.info/node/52918>
7. Nosov E. K krizisu ponyatiya kontsessionnogo dogovora. Voprosy ponyatiya kontsessionnogo dogovora i sovetskoe pravo [On a Crisis of the Concessionary Agreement Notion. Issues of the Concessionary Agreement Notion and the Soviet Law] / E. Nosov // Sovetskoe pravo — The Soviet Law. 1926. No. 4 (22). S. 85–95.
8. Reykhel M. Kontsessii v sovetskom zakonodatel'stve i praktike [Concessions in the Soviet Laws and Practice] / M. Reykhel // Sovetskoe pravo — The Soviet Law. 1927. No. 4 (28). S. 3–29.
9. Tal L.S. Kontsessionnye dogovory gorodskikh obshchestvennykh upravlenij [Concessionary Agreements of the City Public Administrations] / L.S. Tal // Vestnik grazhdanskogo prava — The Civil Law Bulletin 1915. November — December. 69 s.
10. Shreter V.N. Sovetskoe khozaystvennoe pravo [The Soviet Business Law] / V.N. Shreter. Moskva – Leningrad : Gos. izd-vo — Moscow – Leningrad: the State Publishing House, 1928. 332 s.

DOI:10.18572/1812-3805-2017-24-61-64

Совершеннолетие в мусульманском праве: историко-правовой аспект

*Дадашев Муса Бахтияр оглы,
стажер адвоката в Коллегии адвокатов «Московский юридический центр»,
соискатель степени кандидата юридических наук
на кафедре истории государства и права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
dmusa91@gmail.com*

В данной статье будут проиллюстрированы особенности исламского подхода к вопросу совершеннолетия, его юридическая природа и историко-правовой аспект этого вопроса.

Ключевые слова: мазхаб (богословско-правовая школа), балиг (совершеннолетие), возрастной признак, физиологический признак.

Lawful Age in the Islamic Law: the Historical and Legal Aspect

*Dadashev Musa B. ogly
Trainee Lawyer at the Moscow Legal Center bar association
Applicant for the degree of Candidate of Legal Sciences of the Department of History
of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

This article illustrates the peculiarities of the Islamic approach to the issue of lawful age, its legal nature and the historical and legal aspect of this issue.

Key words: madhhab (theological and legal school), baliq (lawful age), age attribute, physiological attribute.

Вопрос совершеннолетия в мусульманском праве является одним из наиболее ключевых. Именно начиная с этого периода наступает полная как правоспособность, так и дееспособность человека. Данная тема актуальна в силу того, что в мусульманском семейном праве не зафиксирован точный возраст совершеннолетия.

Следует отметить, что на заре своего возникновения, в период пророчества пророка Мухаммада, и позднее, в период «справедного халифата» в лице первых четырех правителей Арабского халифата — Абу Бакра, Омара, Османа и Али, также не существовало юридиче-

ски определенного возраста совершеннолетия. Именно с этого периода наступала возможность как исполнения своих прав в виде вступления в брак, так и несения обязанностей, в частности, и литургического характера, как, например, совершение молитвы, держание поста и т.д.

Позднее, в VIII–X вв., в недрах мусульманского права (*фикха*) начинается формирование 6 мусульманских богословско-правовых школ, именуемых в мусульманском праве *мазхабами*, которым и предстояло ответить на вопрос правового определения совершеннолетия в мусульманском праве. В рамках мусульманского права возникли 5 сун-

нитских мазхабов: ханафитский, маликитский, шафиитский, ханбалитский и захиритский, исчезнувший к XV веку, а также шиитский джафаритский мазхаб, названный по имени шиитского имама Джафара ас-Садики, довершившего выработку правовых методологий джафаритского мазхаба, начатую его отцом, 5-м шиитским имамом из 12 — Мухаммадом ибн Али аль-Бакиром.

Говоря о совершеннолети, именуемом в арабском языке словом «*балиг*», следует сказать о том, что это слово, переводимое как «зрелость», можно встретить в Коране, где говорится: «О вы, кто верует! Пусть те, которыми владеют ваши правы руки, и те из вас, что не достигли зрелых лет, у вас три раза позволения попросят (Когда войти к вам захотят): (Один раз) — на заре, до утренней молитвы, (второй) — в полудний (зной), когда вы снимете одежды (подремать в тени) и (третий) — после завершения молитвы на ночь, — три раза наготы у вас (когда другим вас не дозволено увидеть). Не будет ни на вас, и ни на них греха в часы другие, кроме этих, друг к другу по нужде зайти. Так вам Аллах знамения толкует, — Аллах ведь знающ, мудр безмерно!» Далее также: «Когда же дети ваши зрелости достигнут, пусть тоже просят позволения (в часы интимного досуга к вам зайти), как это делали до них. Так разъясняет вам Аллах свои знамения, — Аллах ведь знающ и мудр безмерно!»¹

Следует отметить, что арабские правоведы того времени выделяли несколько жизненных циклов:

- раннее несовершеннолетие;
- позднее несовершеннолетие;
- совершеннолетие;
- старость.

Существовали дискуссии относительно эмбрионального периода, и некоторые мусульманские правоведы высказывались в пользу включения этого периода в категорию раннего несовершеннолетия².

Совершеннолетие в исламе — это особый этап в жизненном цикле правоверного мусульманина, начиная с которого для него становятся обязательными все исламские религиозные предписания и с наступлением которого он несет полную ответственность за свои поступки и проступки, а также возникает возможность осуществления своих прав, в частности, на вступление в брак.

Что касается первостепенного признака совершеннолетия, то следует заметить, что мусульманские правоведы и богословы Арабского халифата в VIII–X вв. по-разному определяли

возраст совершеннолетия. В целом совершеннолетие с точки зрения мусульманского права определялось по двум признакам:

— признаку пубертатности, т.е., иначе говоря, физиологического наступления половой зрелости;

— признаку возраста, после вступления в пределы которого лицо считалось совершеннолетним.

Что касается нижней и верхней границ совершеннолетия, при условии отсутствия физиологических признаков совершеннолетия, то в VIII–X вв. правоведы мусульманских мазхабов вырабатывали свое мнение по этому вопросу.

Так, например, правоведы ханафитской школы, как и все остальные мазхабы, считали, что возраст совершеннолетия наступает с 9 лет для девочек. Однако если у девочки не наблюдались признаки половой зрелости, то верхней возрастной границей верховный багдадский кадий (судья) периода Аббасидов Абу Юсуф аль-Куфи (731–798 гг.) и знаменитый правовед аббасидского периода Мухаммад аш-Шайбани (749–805 гг.) — ученики Абу Ханифы считали 15 лет. Сам Абу Ханифа определял этот возраст в 17 лет.

Что касемо юношей, Абу Юсуф определял этот возраст совершеннолетия также в 15 лет, а Абу Ханифа устанавливал верхнюю границу совершеннолетия в 18 лет³.

Шафииты определяли верхнюю границу совершеннолетия в 15 лет — как для мальчиков, так и для девочек. Сам имам Мухаммад аш-Шафи называл в качестве верхней границы совершеннолетия 19 лет, а некоторые правоведы шафиитского мазхаба таковым считали возраст в 22 года⁴.

Маликиты же, как и ханбалиты, определяли этот возраст в 17 лет для девочек, а в 18 для мальчиков.

Говоря о джафаритском мазхабе, следует заметить, что шиитские имамы придерживались тождественного с суннитскими мазхабами мнения в отношении лиц женского пола, также установив в качестве верхнего предела возрастного совершеннолетия 9 лет. В отношении лиц мужского пола верхняя граница устанавливалась в 15 лет. Однако стоит подчеркнуть, что современные шиитские богословы не рекомендуют лицам женского пола выходить замуж в 9-летнем возрасте. Так, например, известный шиитский богослов Макарем Ширази считает, что желательным возрастом для вступления в брак лиц женского пола является 13 лет⁵. В свою очередь,

³ Там же. С. 80.

⁴ Сборник постановлений шариата по семейному и наследственному праву. СПб.: Издание Департамента духовных дел иностранных исповеданий, 1913. С. 54.

⁵ Насер Макарем Ширази. Фетва аятоллы на вступление в брак девочек в раннем возрасте [بازرسی از ازدواج دختران در سنین پایین و تأیید آن]. مؤسسه فقهی و حقوقی امام خمینی، 1385. С. 78.

¹ Коран / пер. смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. М.: Рипол Классик, 2007. С. 386–387.

² Иванова Д.Р., Нуриев Б.Д. Институт брака в исламском праве раннего средневековья. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 78.

в Йемене, Саудовской Аравии и в ряде других стран Персидского залива допускается замужество девочек в 10–12-летнем возрасте⁶.

Что же касается физиологических признаков совершеннолетия, то все правоведы Арабского халифата выделяли следующие признаки физиологической зрелости мальчиков:

- 1) появление поллюции;
- 2) появление эрекции.

Что же касается физиологической зрелости девочек, то мусульманские правоведы имели единодушное мнение по поводу следующих признаков:

- 1) появление менструального цикла;
- 2) появление женского семени;
- 3) беременность.

Однако следует отметить, что и в этих вопросах имелись некоторые разночтения. Так, например, представители ханбалитского мазхаба считали, что, помимо вышеперечисленных физиологических признаков, существуют и другие, такие как, например, появление волос в лобковой части и в подмышках.

Также к юридическим последствиям приводило и собственное признание девочкой или мальчиком тех или иных признаков совершеннолетия, что также делало ее (его) совершеннолетней (совершеннолетним), и, таким образом, признавшие физиологические признаки зрелости становились обладателями как правоспособности, так и дееспособности.

Можно предположить, что одной из причин такого широкого диапазона возрастного признака, который был признан и принят ведущими правоведом Арабского халифата, являлись географические и климатические особенности. Климатические и географические особенности Севера и Юга — как раннее половое созревание на юге и позднее на севере — не могли и не могут дать четкого ответа на вопрос о совершеннолетию половом, что вело бы к совершеннолетию юридическому.

К тому же следует отметить, что VIII–IX вв. — период территориальных экспансий Арабского халифата, в ходе которых в его состав были включены самые разные территории и народы. Установление мусульманскими правоведом того времени таких возрастных диапазонов позволяло разным народам придерживаться *адатов*, связанных с ранними браками, которые, с одной стороны, не противоречили мусульманскому *фикху* (мусульманскому праву), а с другой — позволяли сохранять некоторый этнический уклад и этнические традиции, связанные с бракосочетанием. Собственно говоря, в частности, и в этом

вопросе проявлялась и проявляется фундаментальная свобода и некоторая «либеральность» мусульманского семейного права, которое, с одной стороны, устанавливает определенные нормы, с другой — предоставляет свободу в деле исполнения этих норм в зависимости от предпочтений, менталитета того или иного человека.

Полагаем, что многие исследователи советского периода, как в научных, так и в агитационных статьях, относились критически к таким возрастным установлениям в отношении лиц женского пола. Так, М.В. Вагабов писал следующее: «Мерзким установлением ислама является разрешение выдачи замуж малолетних девочек (даже в 9–10 лет). Сколько горя и несчастий приносит женщине такое установление. Ранние браки приводят к тяжелым заболеваниям женщин, а иногда и к преждевременной смерти»⁷. Однако такую критику нельзя считать соответствующей объективно существовавшей историко-правовой действительности как с исторических, так и правовых позиций и реалий.

Мусульманские правоведы Арабского халифата были не единственными в установлении такого рода возрастных норм в отношении лиц женского пола. Объективно говоря, они во многом продолжали правовые традиции предыдущих религий.

Так, например, в иудейском религиозном праве возраст совершеннолетия для мальчиков устанавливался в 13 лет, а для девочек — в 12, что позволяло им заключить брак⁸.

Что же касается христианского канонического права, то необходимо отметить, что согласно католическому каноническому праву брачный возраст для лиц мужского пола наступал и наступает в 16 лет, а для лиц женского пола в 14⁹.

Православное же каноническое семейное право, основанное на Кодексе Юстиниана, устанавливало брачный возраст для мальчиков в 14 лет, для девочек в 12¹⁰. Аналогичное правило было закреплено на Руси в Кормчих книгах¹¹.

Таким образом, с одной стороны, мусульманское право продолжало богословско-правовые традиции в деле установления совершеннолетия, как и иудейское право, каноническое право пра-

⁷ Вагабов М. Как относится мусульманская религия к женщине. Махачкала : Дагестанское книжное издательство, 1963. С. 9.

⁸ Михайлова А.Б. Религиозные традиции мира: иудаизм, христианство, ислам : учебное пособие. М. : Прометей, 2013. С. 46.

⁹ Кодекс канонического права (Codex Iuris Canonici). М. : Институт философии, теологии и истории им. св. Фомы, 2007. С. 414–415.

¹⁰ Омельченко О.А. Римское право : учебник. 2-е изд. М. : Тон — Остожье, 2000. С. 65.

¹¹ Тарусина Н.Н. Брак по российскому семейному праву : учебное пособие. Ярославль : ЯрГУ, 2007. С. 7.

انسانى // Iranian Students News Agency [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isna.ir/news/95092213821>

⁶ Еремеев Д.Е. Ислам — образ жизни и стиль мышления. М. : Политиздат, 1990. С. 176.

вославною и католической церкви. Однако религиозно-правовая концепция ислама, касающаяся возрастного отрезка, позволяла учитывать все нюансы в случае бракосочетания: физиологические, климатические, психологические, не ставя при этом жестких возрастных рамок, исходя в первую очередь из физиологических критериев.

Подводя итоги, можно сделать несколько выводов:

- 1) мусульманское право выдвигало в качестве приоритетного признака совершеннолетия не формально-возрастной, а физиологический;
- 2) подобная неопределенность в определении совершеннолетия в мусульманском пра-

ве позволяла различным народам, включенным в состав Арабского халифата, сохранять определенный уклад в вопросе бракосочетания (как, например, ранние браки), а также учитывать различные географические и климатические условия, что обуславливало реальное совершеннолетие человека в виде половой зрелости;

3) в вопросе физиологических признаков совершеннолетия арабские правоведы того времени также не имели единой точки зрения;

4) собственное признание тем или иным лицом тех или иных физиологических признаков вело к автоматической правоспособности и дееспособности.

Литература

1. Али-заде А.А. Исламский энциклопедический словарь / А.А. Али-заде. М.: Изд-во «Ансар», 2007. 400 с.
2. Вагабов М. Как относится мусульманская религия к женщине / М. Вагабов. Махачкала: Дагестанское книжное издание, 1963.
3. Еремеев Д.Е. Ислам — образ жизни и стиль мышления / Д.Е. Еремеев. М.: Политиздат, 1990. 288 с.
4. Иванова Д.Р., Нуриев Б.Д. Институт брака в исламском праве раннего средневековья / Д.Р. Иванова, Б.Д. Нуриев. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 143 с.
5. Ислам: энциклопедический словарь / Г.В. Мирославский, Ю.А. Петросян, М.Б. Пиотровский; отв. ред. С.М. Проzorov, М.: Наука, 1991. 315 с.
6. Кодекс канонического права (Codex Iuris Canonici). М.: Институт философии, теологии и истории им. св. Фомы, 2007. 624 с.
7. Коран / пер. смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. М.: Рипол Классик, 2007. 800 с.
8. Михайлова Л.Б. Религиозные традиции мира: иудаизм, христианство, ислам: учебное пособие / Л.Б. Михайлова. М.: Прометей, 2013. 380 с.
9. Насер Макарем Ширази. Фетва аятоллы на вступление в брак девочек в раннем возрасте [یاوتف ایزاریش هر اکم رسان] / ناسر مکرم شی رازي / ناسر مکرم شی رازي رد نارتخدا ج او ذرا مر ابرد یزاریش هر اکم رسان / Iranian Students News Agency [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isna.ir/news/95092213821>
10. Омельченко О.А. Римское право: учебник. 2-е изд. / О.А. Омельченко. М.: Тон — Остожье, 2000. 208 с.
11. Сборник постановлений шариата по семейному и наследственному праву / сост. П.В. Антаки. Вып. 1–2. СПб.: Деп. духов. дел иностр. исповеданий, 1912–1913. 2 т. 109 с.
12. Тарусина Н.Н. Брак по российскому семейному праву: учебное пособие / Н.Н. Тарусина. Ярославль: ЯрГУ, 2007. 255 с.

References

1. Ali-zade A.A. Islamskij entsiklopedicheskiy slovar' [The Islamic Encyclopedic Dictionary] / A.A. Ali-zade. Moskva : Izd-vo "Ansar" — Moscow : The Ansar publishing house, 2007. 400 s.
2. Vagabov M. Kak odnositsya musul'manskaya religiya k zhenshchine [How the Religion of Islam Treats Women] / M. Vagabov. Makhachkala : Dagestanskoe knizhnoe izdanie — Makhachkala : The Dagestan Book Publishing House, 1963.
3. Eremeev D.E. Islam — obraz zhizni i stil' myshleniya [Islam — the Way of Life and the Line of Thought] / D.E. Eremeev. Moskva : Politizdat — Moscow : the Publishing House of Political Literature, 1990. 288 s.
4. Ivanova D.R., Nuriev B.D. Institut braka v islamskom prave rannego srednevekov'ya / [The Marriage Institution in the Islamic Law of the Early Middle Ages] / D.R. Ivanova, B.D. Nuriev. Ufa : RITS BashGU — Ufa : The editor and publishing center of the Bashkir State University, 2014. 143 s.
5. Islam: entsiklopedicheskiy slovar' [Islam: an Encyclopedic Dictionary] / G.V. Miloslavskiy, Yu.A. Petrosyan, M.B. Piotrovskiy; editor-in-chief S.M. Prozorov. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1991. 315 s.
6. Kodeks kanonicheskogo prava (Codex Iuris Canonici) [The Code of Canon Law (Codex Iuris Canonici)]. Moskva : Institut filosofii, teologii i istorii im. sv. Fomy — Moscow : Institutum Sancti Thomae, 2007. 624 s.
7. Koran [The Quran] / Translation of Meanings and Comments to Iman by Valeria Prokhorova. Moskva : Ripol Klassik — Moscow : Ripol Classic, 2007. 800 s.
8. Mikhaylova L.B. Religioznye traditsii mira: iudaizm, khristianstvo, islam : uchebnoe posobie [The World Religious Traditions: Judaism, Christianity, Islam : Textbook] / L.B. Mikhaylova. Moskva : Prometej — Moscow : Prometheus, 2013. 380 s.
9. Naser Makarem Shirazi. Fetva ayatolly na vstuplenie v brak devochek v rannem vozraste [Ayatullah's Fatwa on Marriage of Girls at an Early Age] / Naser Makarem Shirazi // Iranian Students News Agency [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.isna.ir/news/95092213821>
10. Omelchenko O.A. Rimskoe pravo : uchebnik. 2-e izd. [The Roman Law : Textbook] / O.A. Omelchenko. Moskva : Ton — Ostozhe — Moscow : Ton — Ostozhe, 2000. 208 s.
11. Sbornik postanovlenij shariata po semejnomu i nasledstvennomu pravu. Vyp. 1–2 [Collection of the Sharia Rules on the Family and Inheritance Law] / compiled by P.V. Antaki. Sankt-Peterburg : Dep. dukhov. del inostr. Ispovedanij — Saint Petersburg : the Department of Religious Affairs of Foreign Confessions, 1912–1913. 2 vol. 109 s.
12. Tarusina N.N. Brak po rossijskomu semejnomu pravu: uchebnoe posobie [Marriage under the Russian Family Law: Textbook] / N.N. Tarusina. Yaroslavl' : YarGU — Yaroslavl : the Yaroslavl State University, 2007. 255 s.